

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

На правах рукописи

Кошлаков Дмитрий Михайлович

**УРОВНИ ЯЗЫКА НАУКИ
КАК ПРОБЛЕМА ЭПИСТЕМОЛОГИИ**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель – доктор философских наук
А.Ю. Антоновский

Москва – 2021

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Язык науки. Понятийный уровень языка науки	25
1.1. Язык науки как средство познания и коммуникации	25
1.2. Феномен репрезентации в языке науки	32
1.3. Язык науки как симбиоз естественного и искусственного языков ...	49
1.4. Понятие как элемент языка науки	58
1.5. Теория «семейных сходств» Л. Витгенштейна и общий взгляд на феномен понятия	66
1.6. Основные направления развития учения о понятии после Л. Витгенштейна	77
1.7. Комплексный характер понятия	83
Выводы к главе 1	92
Глава 2. Концепт как элемент языка и как инструмент познания ...	94
2.1. Проблема концепта в средневековой философии	95
2.2. Идея концепта: забвение и возрождение	113
2.3. Понятие концепта в творчестве С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова	120
2.4. Феномен концепта в постструктуралистской философии	126
2.5. Некоторые трактовки феномена концепта в научном знании	133
2.6. Трактовки феномена концепта, актуальные для социальной эпистемологии	147
Выводы к главе 2	160
Глава 3. Концепты в языке науки	161
3.1. Концепт Космоса в научном творчестве А. Гумбольдта	162
3.2. Концепт цвета в теории И.В. Гёте	176
Выводы к главе 3	208
Заключение	210
Список литературы	216
Список рисунков	261
Список таблиц	262

Введение

Актуальность темы исследования. В исследованиях языка научного знания доминирующее положение занимает ориентированный на достижения современной логики неопозитивистский подход. Его несомненным преимуществом является строгость и логичность аргументации. При этом данный подход акцентирует внимание на статичном, устоявшемся научном знании, то есть позволяет фокусировать внимание на контексте обоснования и рассматривать по сути дела ставшее научное знание.

Вместе с тем, наука и ее язык не сводятся к статичному аспекту своего функционирования, а предполагают и противоположный ему динамический аспект. На этот аспект обращает свое внимание постпозитивистская философия науки, однако существенная трудность в данном случае состоит в поиске таких методологических инструментов, которые бы позволяли сделать фокусом исследовательского внимания не ставшее, а становящееся научное знание, исследовать не контекст обоснования, а контекст открытия¹.

Исследования роли интуиции, метафорического и образного мышления в научном познании² оказались продуктивны в деле анализа языка науки, однако не вполне ясны механизмы перехода от метафор и образов к научным понятиям. Не ставя своей целью выявление сути этих механизмов, мы

¹ О соотношении контекста обоснования и контекста открытия см.: Касавин И.Т. Абстракция именованного: нет, индивидуальных объектов не существует! // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. II. – № 2. – С. 59–63; Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – С. 77; Столярова О.Е. История и философия науки versus STS // Вопросы философии. – 2015. – № 7. – С. 73–83; Bagge S. Reichenbach on the relative a priori and the context of discovery/justification distinction // Synthese. – 2011. – Vol. 181. – P. 79–93; Schickore J., Steinle F. (eds) Revisiting Discovery and Justification. Archimedes. – Vol 14. – Dordrecht: Springer, 2006. – 233 p.

² В более широком плане можно говорить о проблеме научного воображения, а также о его разнообразных дисциплинарных проекциях: социологическом воображении, историческом, географическом и т.д. и т.п. См., напр.: Гавриленко С.М. Ганс Гольбейн Младший, Ян Ванделаар и империя наблюдения // ПРАЭНМА. – 2018. – № 4 (18). – С. 84–102; Гавриленко С. Как пишется история научного наблюдения // Логос. – 2020. – Т. 30. – № 3. – С. 120–134; Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: NOTA BENE, 2001. – 261 с.; Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.

полагаем, что возможно построение такой модели языка науки, в которой бы понятия и образы были бы рассмотрены как объекты разных уровней языка науки, позволив тем самым совместить не только неопозитивистский и постпозитивистский подходы, но и статический и динамический аспекты функционирования языка научного знания.

По всей видимости, в данном случае исходной точкой должен стать тезис о противоположности бытия и становления. Эпистемологический срез этого онтологического в своем существовании тезиса предполагает нетождественность двух картин мира: субстанциональной и процессуальной. Применительно к науке и ее языковой реальности это проявляет себя в том, что в языке науки можно выявить два уровня: теоретико-отрефлектированный и стихийно-творческий. Первый обусловлен сознательной деятельностью человека, его целенаправленными усилиями и связан с неким логическим упорядочиванием мира, тогда как второй в какой-то мере является его противоположностью, во всяком случае, он не сводится к сознательной деятельности и логическому мышлению. На одном уровне мы имеем дело с четкими и жесткими языковыми структурами и конструкциями, на другом – с гибкими и размытыми языковыми образованиями³.

Говоря иными словами, нетождественность и вместе с тем взаимодополнительность бытия и становления ориентируют на то, чтобы не сводить язык познания к некому субстанциональному аспекту, но и учитывать существование альтернативного ему процессуального аспекта⁴.

³ Смирнов А.В. Субстанциональная и процессуальная картина мира (к вопросу о типологии культур и картин мира) // *Философская антропология*. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 62–81.

⁴ Там же; Анисов А.М. Двойственность знания // *Философия науки и техники*. – 1997. – № 1. – С. 88–109; Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. – М.: ИФ РАН, 2000. – 208 с.; Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // *Эпистемология и философия науки*. – 2019. – Т. 56. – № 4. – С. 12; Сорокина Г.В., Грифцова И.Н. Трансдискурсивный, коммуникативный характер аристотелевской логики: логика и теология // *Ценности и смыслы*. – 2016. – № 4 (44). – С. 85; Халиков М.М. Промежуточные явления в системно-уровневой модели языка // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. – 2017. – № 1. – С. 120–129; Шалак В.И. Логика термов // *Логические исследования*. – 2007. – № 14. – С. 287; Шалак В.И. Онтология и логика процессов // *Философские науки*. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 138–150; Шалак В.И.

Для сколько-нибудь полного описания окружающей нас реальности язык науки должен иметь как субстанциональный уровень своего функционирования, так и уровень процессуальный. При всей их взаимной противоположности оба принципиально важны для познания, что, как известно, является одной из ключевых и вместе с тем древних проблем описания мира. Так, эта проблема восходит к противостоянию идей Гераклита и представителей Элейской школы античной натурфилософии.

Научное мышление не сводится к мышлению сугубо понятийному, а также к формальной логике. Ярким подтверждением этого тезиса служит полемика по основаниям математики как одной из наиболее строгих наук и как науки, которая (наравне с логикой) в известном смысле конституирует научное знание. В любом случае, в языке науки возникает некий баланс субстанционального и процессуального уровней, теоретико-отрефлектированного и спонтанно-творческого компонентов.

Актуальность исследования процессуального уровня языка науки для современной эпистемологии очевидна, однако является достаточно серьезной проблемой, ибо крайне мало соответствующих инструментов, которые бы позволяли этот уровень языковой реальности науки подвергать анализу.

В силу сложности и неоднородности языка науки его исследование как многоуровневого образования представляется вполне перспективным. Однако для того чтобы такое исследование стало возможным, необходимы более развернутые теоретические представления об уровнях языка науки.

В первом приближении можно принять, что уровни языка – это некие его подсистемы, которые представляют собой совокупности относительно однотипных единиц языка, а также связей между единицами, составляющими один и тот же уровень. Применительно к естественному языку примерами таких единиц служат слова и предложения, а в случае с языком науки – термины и утверждения.

Коль скоро исследование уровней языка науки требует выделения неких его единиц, способных являть собой множества относительно сходных объектов, попытаемся опереться на идею стадияльного развития мышления в онтогенезе. Признание факта взаимозависимости языка и мышления дает к тому некоторые существенные основания.

Развитие мышления человека в онтогенетическом срезе подчиняется определенным закономерностям. В частности, можно наблюдать последовательное начало формирования у ребенка следующих трех типов мышления: *практически-действенного, наглядно-образного и понятийного*⁵ (рис. 1). При этом понятийное мышление способно сформироваться только при определенном уровне общественного развития и культуры и, прежде всего, в ходе освоения (в том числе изучения) научного знания.

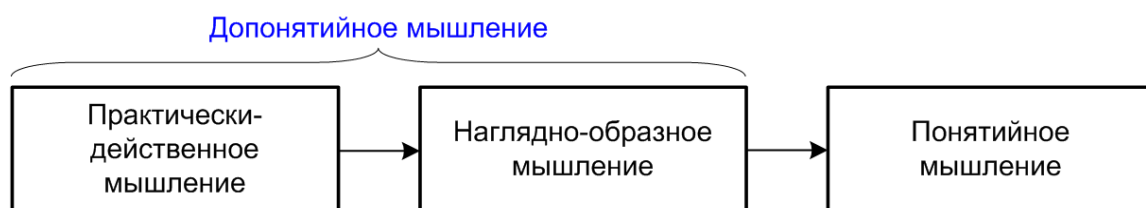

Рис. 1. Последовательность активизации типов мышления у ребенка

Данная концепция стадияльного развития мышления в онтогенезе сыграла значительную роль в советской и российской психологии и в определенной степени коррелирует с исследованиями Ж. Пиаже, идеи которого легли в основания генетической эпистемологии. По большому счету, рассматриваемая концепция представляет интерес не только для психологии, но и для эпистемологии.

⁵ Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.; Давыдов В.В., Шуаре М. Вступительная статья // Возрастная и педагогическая психология: Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 3–17; Запорожец А.В. Мышление и деятельность ребенка // Запорожец А.В. Психология действия. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – С. 200–211; Запорожец А.В. Развитие мышления // Запорожец А.В. Психология действия. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – С. 211–230; Касавин И.Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л.С. Выготского) // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXI. – № 3. – С. 160–161; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М. [и др.]: Питер, 2002. – 720 с.

Концепция, схематично изображенная на рис. 1, носит диахронистский характер. Однако если смотреть на нее под несколько иным углом зрения, следует признать, что она имеет и некоторое синхронистское измерение; оно в данном случае состоит в том, что в мышлении достаточно развитого в интеллектуальном плане человека три указанных типа мышления действуют совместно. При этом уровень развития этих типов мышления у каждого человека, строго говоря, индивидуален. В конечном итоге, личность способна мыслить как *понятийно*, так и *допонятийно* (практически-действенно и наглядно-образно); подлинное мышление носит комплексный характер, и именно это во многом обеспечивает мышлению некую эпистемологическую продуктивность.

Насколько можно судить, допонятийное мышление проявляет себя не только в обыденном познании, но и в других типах познания, в том числе познании научном. Если это предположение справедливо, то следует признать, что язык науки имеет не только понятийный компонент, но и компонент допонятийный. При этом, как нам представляется, для исследования уровней языка науки имеет смысл использовать следующую синхронистскую концепцию эпистемологической направленности.

Согласно этой концепции, в мышлении человека наблюдается суперпозиция трех типов мышления: *ситуативного*, *образного* и *понятийного*. Каждый из них связан со своим специфическим типом языка (рис. 2).

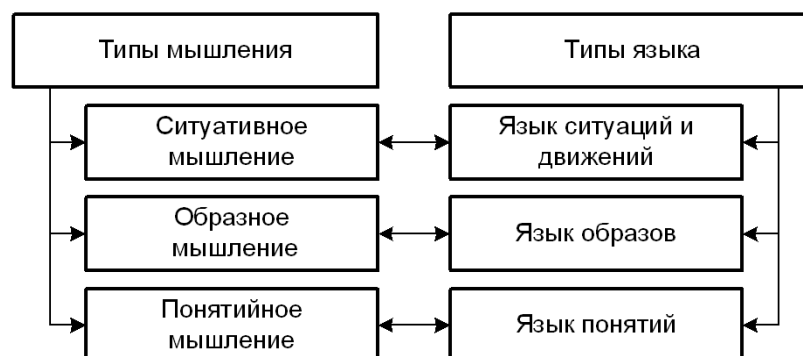

Рис. 2. Типы мышления и типы языка

Каждый из этих типов языка оказывает влияние на мышление и познавательные процессы. Каждый из типов мышления и языка представлен в любом типе познания, включая науку, хотя степень влияния каждого из этих типов мышления и языка в разных типах познания, вообще говоря, существенно различается. Так, основу искусства составляет образное мышление, искусство активно использует язык образов, а основу науки составляет понятийное мышление, наука использует понятийный язык.

Каждый из трех рассматриваемых языков предполагает некий специфический элемент, составляющий его основу (рис. 3). При этом между базовыми элементами трех рассматриваемых языков, – *ситуациями*, *образами* и *понятиями*, – имеется некоторая структурно-генетическая связь. В самых общих чертах ее суть можно попытаться продемонстрировать с помощью следующего примера.

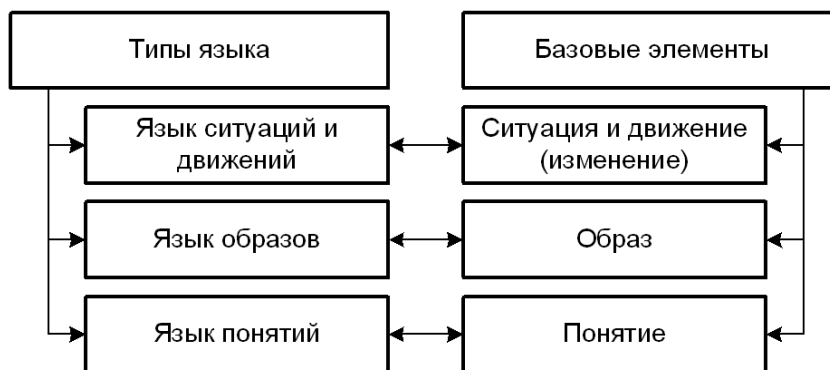

Рис. 3. Типы языка и их базовые элементы

Как известно, И. Ньютон оказался участником ситуации, в которой произошло случайное событие – падение яблока с ветви дерева⁶. Случившееся породило в сознании И. Ньютона некий образ (или систему образов), который с течением времени (по мере развития физики) был превращен в более или менее строгое понятие гравитации. Если говорить с определенной долей условности, то *ситуации*, которые человек наблюдает или в которых он находится, принимает вольное или невольное участие,

⁶ Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. – М.: Наука, 1989. – С. 104–105, 130–131; Гинзбург В.Л. Несколько замечаний к биографии Исаака Ньютона // Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. – М.: Наука, 1989. – С. 218–219; Fara P. Catch a falling apple: Isaac Newton and myth of genius // Endeavour. – 1999. – Vol. 23. – № 4. – P. 167–170.

провоцируют возникновение в его сознании *образов*, посредством которых он схватывает соответствующие ситуации. В ходе мыслительной деятельности (в том числе коллективной) соответствующие *образы* постепенно вырождаются в *понятия*. В любом случае, можно предположить, что за понятиями всегда таятся некоторые *ситуации* и *образы*, точнее – множества ситуаций и образов. Понятия призваны обобщить некое многообразие реальных и возможных ситуаций и придать схватывающим их образам абстрактный и обобщенный характер.

Связь между ситуациями, образами и понятиями можно отразить с помощью условной схемы, представленной на рис. 4. По сути, речь идет о некоторой схеме формирования понятий.

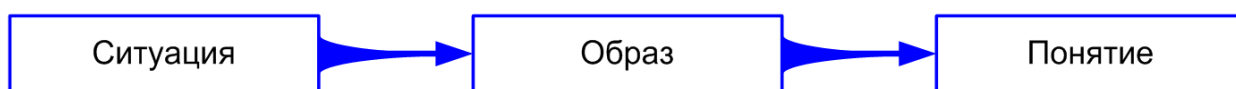

Рис. 4. Схема формирования понятия⁷

В конечном счете, через призму рассматриваемой нами концепции можно говорить о трех уровнях языка науки: уровне ситуаций, уровне образов и уровне понятий.

Если с отнесением образов и понятий к языку трудностей не возникает, то отнесение к нему ситуаций требует некоторого обсуждения. Мы в данном случае исходим из двух принципиальных позиций, во-первых, из идеи взаимосвязи мышления и языка, а, во-вторых, из свойственной аналитической философии идеи взаимосвязи реальности и языка⁸. Ситуативное мышление связано с процессом оперативного реагирования на конкретные ситуации, конкретные положения вещей, и имеет своим следствием конкретные действия, нацеленные на развитие ситуации в том или ином русле. И положения вещей, и действия, так или иначе ими обусловленные, являют собой некий текст, сформированный на некотором

⁷ Данная схема в чем-то сходна со схемой, представленной на рис. 1. Отображаемые ими процессы не идентичны, но обладают некоторым очевидным сходством.

⁸ Макеева Л.Б. Язык и реальность // Логос. – 2006. – № 6 (57). – С. 3–20.

языке и, вообще говоря, подлежащий дешифровке⁹. В силу этого мы предполагаем существование в языке науки уровня ситуаций.

Гипотетически говоря, помимо трех названных нами уровней языка науки можно выделить некоторые другие уровни, занимающие своего рода промежуточное положение между основными уровнями¹⁰. Так, в языке науки может быть обнаружен уровень концептов, который в первом приближении имеет смысл рассматривать в качестве уровня, занимающего некое промежуточное положение между уровнем образов и уровнем понятий. В любом случае, одна из трактовок феномена концепта предполагает, что *концепт* может трактоваться как протопонятие¹¹, как своего рода становящееся понятие, предполагающее собой постепенное (еще не завершённое) превращение образа или некоторой системы образов в полноценное понятие.

Допустимость предположения о существовании концептного уровня языка науки, на наш взгляд, обусловлена следующими двумя обстоятельствами. Во-первых, признанием факта существования в языке науки как субстанционального, так и процессуального измерений, как понятийного, так и допонятийного компонентов, а во-вторых, тем, что наличие некой связи между образным и понятийным уровнями языка науки подталкивает к тому, чтобы увидеть за этими уровнями некий промежуточный уровень, предполагающий суперпозицию понятийного и

⁹ Арутюнова Н.Д. Невыразимое – подвластно ли пониманию? // Вопросы культуры речи: сб. ст. под ред. А.Д. Шмелева. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007. – Т. 9. – С. 152–170; Касавин И.Т. Проблема текста: Между эпистемологией и лингвистикой // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. VIII. – № 2. – С. 53–54.

¹⁰ Халиков М.М. Промежуточные явления в системно-уровневой модели языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 1. – С. 120–129.

¹¹ Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47; Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. статей в честь акад. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622; Суржанская Ю.В. Проблема соотношения концепта и понятия в философском и научном мышлении: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Томск, 2012. – С. 8, 10, 19–20.

допонятийного содержания. Концепт – это репрезентатор именно этого содержания, в какой-то мере переходное звено между образом и понятием.

В обсуждение может быть введен еще один «суперпозиционный» уровень языка науки – уровень, в котором объединяются, прежде всего, ситуативное и образное содержание. В качестве значимого проявления этого промежуточного уровня можно усмотреть такой специфический феномен языка научного познания, как визуальный (графический) язык. В свою очередь, к некоторым типам последнего могут быть отнесены такие феномены, как язык визуализации данных, язык визуализации информации и язык визуализации знаний. При всей сложности четкого определения и разграничения только что названных языков, отметим, что примером первого языка служат графики (скажем, эпюры в строительной механике) и диаграммы; примером второго языка – чертежи, принципиальные и монтажные электрические схемы; примером третьего языка – отражающие и структурирующие массивы знаний схемы. Само собой, в данном случае мы не претендуем на строгую и исчерпывающую классификацию визуальных языков, а скорее руководствуемся неким «прототипическим» подходом для приблизительного уяснения существа дела.

Каждый из обозначенных уровней языка науки (рис. 5) может выступать в роли самостоятельного объекта исследования. В своем диссертационном исследовании мы сконцентрируем внимание на концептном уровне языка науки, то есть уровне функционирования концептов, однако для более глубокого осмысления рассматривать его придется в некотором сравнении с понятийным уровнем языка науки. Исследование этих уровней и составит основу диссертации.

Широко распространена точка зрения, согласно которой базовым элементом языка науки является понятие. Именно с помощью кодируемых некоторыми терминами понятий формулируются научные теории и составляющие их утверждения. Однако предложенные нами рассуждения указывают на то, что к понятийному уровню язык науки не сводится.

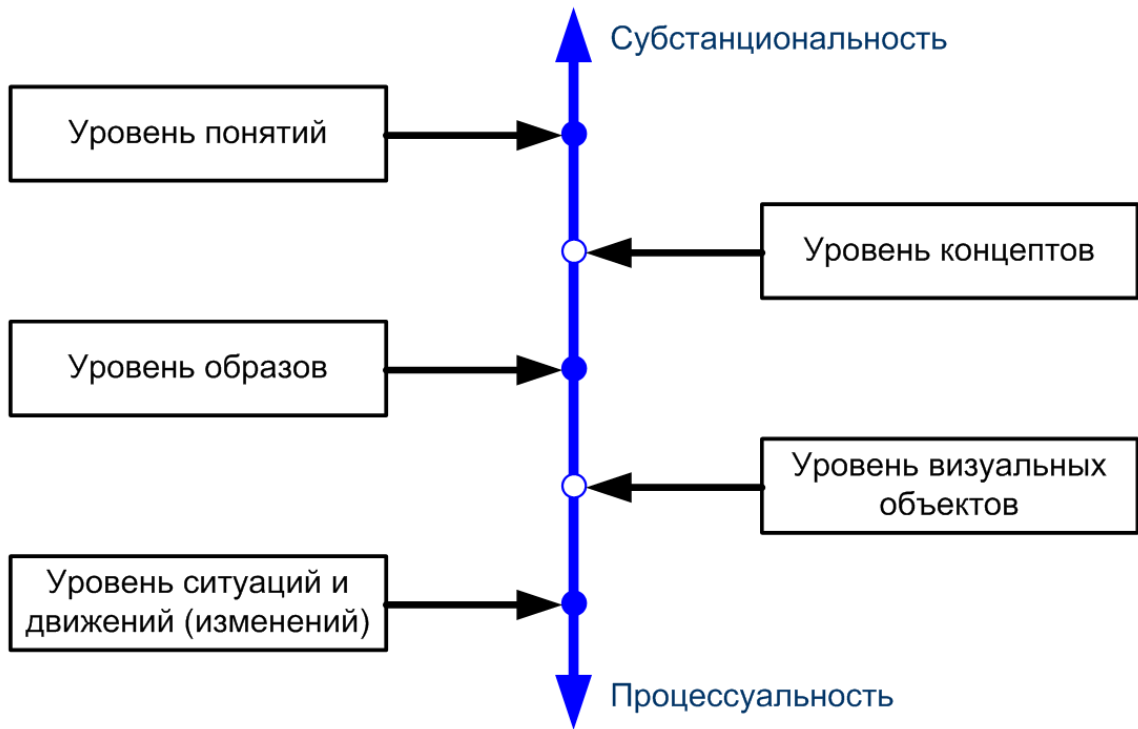

Рис. 5. Уровни языка науки

Как известно, классическая теория понятий восходит к Аристотелю. Основным способом формулирования понятия в ней является определение через род и видовое отличие. Аристотелевская теория понятий стала исходным пунктом для развития формально-логической трактовки феномена понятия; кульминацией этой трактовки явились исследования Г. Фреге. Вместе с тем, произошедшее в XX веке развитие эпистемологии существенным образом трансформировало представления о понятии, сместив акценты в интерпретации данного феномена с формального подхода на неформальный. В этой связи следует указать на исследования Л. Витгенштейна, Л. Заде, Э. Рош, по большому счету, расширивших семантику термина «понятие».

Классическая теория понятий при всей ее формальности и строгости оказалась чересчур упрощенной, что послужило основанием для ее трансформации. Вместе с тем, развитие науки и философии продемонстрировало, что можно не только пересматривать представления о понятии и соответственно трансформировать семантику термина «понятие», но и предполагать, что в языке науки наравне с понятиями (если говорить

точнее, то на другом уровне языка науки) функционируют некие иные семантические образования. Исследования роли метафор и образов в научном познании в определенной мере продемонстрировали эвристичность подобного подхода¹².

Мы в данном случае в один из фокусов нашего внимания планируем поместить концептный уровень языка науки. Концепт при этом придется рассматривать в качестве инструмента познания, в какой-то мере существующего в языке науки наравне с понятиями.

В современном научном знании концепт стал ключевым объектом большого числа дисциплин. Во многих из них он продемонстрировал высокий эвристический и аналитический потенциал. Хорошо известно значение концептов для философии. Так, Ж. Делёз и Ф. Гваттари трактовали философию как своего рода «творчество концептов»¹³.

Несмотря на то, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари не были склонны к тому, чтобы связывать концепты с научным познанием, с нашей точки зрения, есть основания к тому, чтобы ставить вопрос о присутствии концептов в языке науки (пусть даже концепты будут пониматься иначе, нежели в сочинениях Ж. Делёза и Ф. Гваттари).

Таким образом, проблемная ситуация реализуемого нами исследования может быть увязана с несводимостью языка науки исключительно к понятиям и понятийному вообще, а также с вытекающей из этой несводимости идеей обнаружения и рассмотрения концептного уровня языка

¹² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.; Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – 260 с.; Налимов В.В. Язык науки // Развитие личности. – 2008. – № 1. – С. 186–212; Hallyn F. (ed.) *Metaphor and Analogy in the Sciences. Origins (Studies in the sources of scientific creativity)*. – Vol. 1. – Dordrecht: Springer, 2000. – 244 p.; Lakoff G., Núñez R.E. *Where mathematics comes from: how the embodied mind brings mathematics into being*. – N.Y.: Basic Books, 2000. – 489 p.; Mahootian F. *Metaphor in Chemistry: An Examination of Chemical Metaphor* // Scerri E., McIntyre L. (eds) *Philosophy of Chemistry. Boston Studies in the Philosophy and History of Science*. – Vol 306. – Dordrecht: Springer, 2015. – P. 121–139; Pantsar M. *Early numerical cognition and mathematical processes* // *Theoria: An international journal for theory, history and foundations of science*. – 2018. – Vol. 33. – № 2. – P. 285–304.

¹³ Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* – М.: Академический Проект, 2009. – 260 с.

науки. Иными словами, с нашей точки зрения, в контексте анализа языка науки имеет смысл применить модель концепта наряду с моделью понятия.

В этой связи проблема нашего исследования может быть сформулирована с помощью следующего вопроса: можно ли рассматривать язык науки как средство познания и коммуникации, носителем смысла в котором является не только понятие, но и концепт? Актуальность постановки подобного вопроса, на наш взгляд, проистекает из значимого для современной эпистемологии вопроса о том, что является медиумом мысли (транслятором смысла) – *образ, слово или понятие*¹⁴. Кроме того, как нам представляется, рассмотрение концептного уровня языка науки способно существенным образом развить наши представления о языке науки и соответственно о науке вообще.

Очевидно, что взятый нами в этой связи курс предполагает, что наше исследование носит поисковый (разведывательный) характер; в частности, мы намереваемся обнаружить в языке науки некие концепты или, по крайней мере, некие эпистемические объекты, которые могут быть описаны (смоделированы) с помощью модели концепта.

Степень разработанности темы. В эпистемологическом контексте феномен понятия осмыслен в сочинениях таких авторов, как Аристотель, Г. Фреге, Э. Кассирер, Е.К. Войшвилло¹⁵. Вместе с тем, помимо представленной в их трудах классической теории понятия (в различных её вариациях), сложился ряд подходов, во многом пересматривающих классические представления о понятии. В этой связи следует указать на:

¹⁴ Weiskopf D.A. Words, Images and Concepts // Analysis Reviews. – 2015. – Vol. 75. – № 1. – P. 99.

¹⁵ Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.; Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.; Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.; Кассирер Э. Познание и действительность. – М.: Юрайт, 2018. – 331 с.; Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – 239 с.

- теорию «семейных сходств» Л. Витгенштейна, на которой, в свою очередь, базируются представления о кластерном понятии¹⁶;

- теорию нечетких множеств Л. Заде¹⁷;

- прототипическую теорию понятий (Э. Рош, Дж. Лакофф¹⁸);

- «theory-theory» (А. Gopnik, D.A. Weiskopf¹⁹).

Значимые исследования научного понятия и языка науки вообще были проведены в аналитической философии К. Айдукевичем, Р. Карнапом, У. Куайном, О. Нейратом, Х. Патнэмом, Б. Расселом, Г. Фреге²⁰.

Следует обратить внимание на исследования в области истории конкретных научных понятий, проведенные Д. Блуром, М. Джеммером, А.А. Печенкиным, Г.П. Щедровицким²¹. Один из выводов, который можно

¹⁶ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 265–267; Оглезнев В.В. Проблемы определения кластерных понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 51. – С. 70–78.

¹⁷ Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976. – 165 с.; Заде Л.А. Нечеткие множества // Нечеткие системы и мягкие вычисления. – 2015. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 7–22.

¹⁸ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.; Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.

¹⁹ Gopnik A. The scientist as child // Philosophy of Science. – 1996. – Vol. 63. – P. 485–514; Gopnik A., Wellman H.M. Reconstructing Constructivism: Causal Models, Bayesian Learning Mechanisms, and the Theory Theory // Psychological Bulletin. – 2012. – Vol. 138. – № 6. – P. 1085–1108; Weiskopf D.A. Words, Images and Concepts // Analysis Reviews. – 2015. – Vol. 75. – № 1. – P. 99–109.

²⁰ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. – 1996. – Т. 2. – № 1. – С. 231–253; Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М., 1959. – 380 с.; Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 126–146; Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. – 2005. – № 2 (47). – С. 13–26; Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 386 с.; Нейрат О. Протокольные предложения // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 226–234; Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235; Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 146–163; Рассел Б. Основания математики. Приложение В. Теория типов // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 1 (2). – С. 123–129; Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. – К.: Ника-Центр, 1997. – 560 с.; Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.

²¹ Блур Д. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 150–177; Джеммер М. Понятие массы в классической и современной

сделать в этой связи, состоит в том, что научные понятия историчны, то есть они развиваются с течением времени, в силу чего у разных авторов, в разных теориях и в разные исторические эпохи можно наблюдать различающиеся понятия казалось бы одних и тех же объектов (пространства, силы, массы, скорости, числа, вероятности и т.д. и т.п.)²².

Интерес для нашей работы представляют результаты исследований ряда советских авторов, прежде всего В.С. Готта²³ и В.В. Налимова²⁴.

В поле исследовательского внимания В.С. Готта находились общенаучные понятия. В качестве общенаучных при этом рассматривались такие понятия, как, например, линейность и нелинейность, локальность и нелокальность, симметрия и асимметрия. Общенаучные понятия трактовались как понятия, которые занимают промежуточное положение между философскими понятиями и понятиями конкретных наук, выполняя, в конечном итоге, роль коммуникативного поля между философией и наукой, роль своего рода интерфейса.

В свою очередь, В.В. Налимов рассматривал понятия науки в качестве метафор и семантически размытых объектов, смысл которых далеко не

физике. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 252 с.; Печенкин А.А. Понятие вероятности в математике и физике (дискуссии 1920–30-х гг. в СССР) // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 202–218; Щедровицкий Г.П. О некоторых моментах в развитии понятий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 577–589.

²² Касавин И.Т. Познание и язык // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXX. – № 4. – С. 6–7; Латур Б. Коперниковский переворот в политической теории // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 235–254; Тулмин С. Выдерживает ли критику различение нормальной и революционной науки? // Философия науки. – Т. 5. – № 1. – С. 246–257; Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в так называемом обществе знания // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. XV. – № 1. – С. 160–162; Oberheim E. On the historical origins of the contemporary notion of incommensurability: Paul Feyerabend's assault on conceptual conservatism // Studies in History and Philosophy of Science. – 2005. – Vol. 36. – P. 363–390.

²³ Готт В.С. Диалектическое единство линейности и нелинейности // Неизбежность нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 415–436; Готт В.С., Ключарев Г.А. Понятийное мышление и становление единой науки о человеке // Неизбежность нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 298–320.

²⁴ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – 260 с.; Налимов В.В. Язык науки // Развитие личности. – 2008. – № 1. – С. 186–212.

всегда очевиден и однозначен²⁵. Для описания эффекта размытости концептуального пространства В.В. Налимов использовал эвристический потенциал известной из теории вероятностей теоремы Т. Байеса. В каких-то отношениях теория В.В. Налимова по своему духу близка теории лингвистической переменной Л. Заде, а также вырастающей из исследований Л. Заде нечеткой логике.

В.В. Налимов пришел к выводу о противостоянии двух подходов в познании природы языка²⁶: в первом язык рассматривается как жесткая структура, как структура, предполагающая жесткую связь означаемого и означающего, во втором – язык рассматривается в качестве некой мягкой структуры, связь между означаемым и означающим в которой относится к разряду сложных и неочевидных. Первый из этих подходов в какой-то мере адресует к понятийному уровню языка науки, а второй – к концептному.

В связи с осмыслением сущности концепта сложилось множество различных трактовок данного феномена. Существенный интерес из них представляют следующие трактовки:

- *неопозитивистская* (представлена трудами Г. Фреге, А. Чёрча, Р. Карнапа и ориентирует на то, чтобы понимать концепт в качестве интенциональной характеристики понятия)²⁷;

- *лингвофилософская* (задана трудами Л. Витгенштейна, У. Куайна, Дж. Мура, Г. Райла, П. Стросона и связывает концепт с проблемой концептуального анализа и фнглменом концептуального каркаса)²⁸;

- *постструктуралистская* (Р. Барт, Ф. Гваттари, Ж. Делёз, М. Фуко)²⁹;

²⁵ Золотухина-Аболина Е.В. В. В. Налимов. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов-н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. – С. 31–32.

²⁶ Там же. – С. 21, 30.

²⁷ Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М., 1959. – 380 с.; Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: сб. науч. ст. – Вып. 35. – М.: Русские словари, 1997. – С. 352–379; Чёрч А. Введение в математическую логику. – Т. 1. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. – С. 19.

²⁸ Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. – М.: Праксис, 2003. – С. 258–277; Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. – 328 с.

- лингвокультурологическая (А. Вежбицкая, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов)³⁰.

Особого внимания в контексте нашей работы заслуживают исследования концепта, проведенные Л.А. Микешиной, С.С. Неретиной и Ю.С. Степановым³¹ и сложившиеся в их работах авторские трактовки данного феномена. Кроме того, интерес представляют исследования феномена концепта, осуществленные в сочинениях С.А. Аскольдова, Е.В. Биричевой, С.Г. Воркачева, В.З. Демьянкова, Д.С. Лихачева, С.И. Масаловой, Ю.В. Суржанской, А.А. Филатовой³².

²⁹ Барт Р. Из книги «Мифологии» // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 72–105; Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.; Делёз Ж. Философский концепт... // *Studia Culturae*. – 2013. – № 15. – С. 241–243; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.

³⁰ Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.; Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 240–251; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

³¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.; Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – 216 с.; Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – 275 с.; Неретина С.С. Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 512–607; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.; Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.; Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». – Калуга: Эйдос, 2010. – 168 с.

³² Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь / под ред. Л.В. Щербы. – Вып. II. – Л.: Academia, 1928. – С. 28–44; Биричева Е.В. Концепт «субъекта» в пространстве неклассической онтологии. – Екатеринбург: Изд. Дом «Ажур», 2012. – 122 с.; Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.; Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47; Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 240–251; Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени: автореф. ... д-ра филос. наук: 19.00.08. – Ростов-на-Дону, 2007. – 47 с.; Суржанская Ю.В. Концепт как философское понятие // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2 (14). – С. 70–78; Суржанская Ю.В. Проблема соотношения концепта и понятия в философском и научном мышлении: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Томск, 2012. – 24 с.; Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход): автореф. ... канд. филос. наук: 24.00.01, 09.00.01. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

Несмотря на обилие работ, в которых исследуется феномен концепта, в том числе в контексте задач эпистемологии и смежных с ней отраслей познания, представляется, что концептный уровень языка науки в настоящий момент в полной мере не исследован и в силу этого теоретические представления о нем нуждаются в планомерном и всестороннем развитии.

Объект и предмет диссертационного исследования. Объектом исследования служит язык науки, а предметом – концептный уровень языка науки.

Цели и задачи диссертационного исследования. Цель диссертации – разработать подход к исследованию концептов языка науки.

Для достижения поставленной цели в исследовании предполагается решить следующие задачи:

1. Рассмотреть язык науки с позиций эпистемологии;
2. Провести анализ основных теорий понятия;
3. Выявить и охарактеризовать существенные свойства концепта; проанализировать основные подходы к пониманию данного феномена;
4. Исследовать концептный уровень языка науки, то есть уровень языка науки, основными носителями смысла на котором служат концепты;
5. На материале космографии А. Гумбольдта и «учения о цвете» И.В. Гёте проанализировать конкретные концепты языка науки.

Гипотеза исследования. В языке науки существует уровень, основным носителем смысла на котором являются концепты (а не понятия).

Научная новизна исследования состоит в том, что:

1. Обоснована возможность рассмотрения понятия концепта как *кластерного* понятия. Данное решение обусловлено, в частности, тем, что в настоящее время с понятием концепта связывается множество разнообразных трактовок феномена концепта и ему на современном этапе развития научно-философского знания невозможно приписать свойство, общее для всех подводимых под понятие концепта объектов.

2. Понятие концепта применено к анализу языка науки, прежде всего естествознания, в частности для исследования семантики таких терминов, как «Космос» в теории А. Гумбольдта и «цвет» в теории И.В. Гёте.

3. Язык науки рассмотрен как средство познания и коммуникации, одним из носителей смысла в котором является концепт.

4. Предложен подход к исследованию концептов языка науки.

Основные источники исследования. В качестве основных источников исследования выступили:

- исследования концептов, проведенные С.А. Аскольдовым, Е.В. Биричевой, С.Г. Воркачевым, Л.А. Микешиной, Д.С. Лихачевым, С.С. Неретиной, Ю.С. Степановым, Ю.В. Суржанской, А.А. Филатовой;

- исследования, выполненные в русле аналитической философии (Л. Витгенштейн, У. Куайн, Х. Патнэм, Б. Рассел);

- классические работы по эпистемологии и философии науки, написанные западными авторами (Д. Блур, Т. Кун, И. Лакатос, Б. Латур, К. Поппер, У. Хьюэлл);

- труды по эпистемологии и философии науки отечественных авторов (А.Ю. Антоновский, В.И. Аршинов, С.М. Гавриленко, Д.Э. Гаспарян, И.Н. Грифцова, Ю.В. Ивлев, И.Т. Касавин, Л.П. Киященко, В.А. Лекторский, Е.А. Мамчур, Л.А. Микешина, А.А. Печенкин, В.М. Розин, Г.В. Сорина);

- сочинения философов–постмодернистов Ф. Гваттари и Ж. Делёза;

- некоторые сочинения А. Гумбольдта и И.В. Гёте, а также исследования их научных идей.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется ее научной новизной, а также междисциплинарным характером проведенного исследования. Результаты, полученные в диссертации, могут применяться:

- в дальнейших исследованиях языка науки;

- в преподавании философии науки, а также различных специальных и элективных курсов для студентов, магистрантов и аспирантов;

- в процессе подготовки учебных изданий по философско-методологическим курсам.

Кроме того, полученные результаты могут быть полезны в ходе проведения исследований и при разработке учебных курсов в области теоретической лингвистики.

Методология и методы исследования. Ключевую роль в исследовании исполняет генетически-конструктивный метод. Кроме того, применялись такие методы исследования, как анализ и синтез, историко-философская реконструкция и сравнительный метод.

При обсуждении теоретико-методологических принципов и источников, положенных в основание диссертационного исследования, следует указать на его междисциплинарный характер. В силу этого при решении поставленных задач приходилось обращаться к сочинениям не только философов, но и филологов, культурологов, а также представителей иных областей научного знания. В конечном итоге, исследование базируется на принципах междисциплинарности и дополнительности.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Помимо понятийного уровня в языке науки обнаруживается уровень концептов. Под концептами при этом имеет смысл понимать подобные понятиям инструменты познания, которые в отличие от понятий предполагают наличие не только понятийного, но и некоего внепонятийного (допонятийного и/или надпонятийного) содержания. Вследствие этого концепты как специфические эпистемические объекты языка науки несут в нем иную семантическую нагрузку, нежели несут понятия.

2. Для анализа семантики терминов языка науки эвристичными оказываются следующие трактовки феномена концепта:

- *эквивокалистская* (концепт как эпистемический объект, сочетающий в своей семантике трансцендентный и имманентный смыслы, например адресацию в своей семантике к общему и частному одновременно);

- *эмотивистская* (концепт как эпистемический объект, который является не только средством мышления, но и средством выражения некоторого переживания, стимулирует активность не только мыслительную, но и эмоциональную);

- *имагинистская* (концепт как своего рода словообраз, эпистемический объект, не доведенный до состояния абстрактного понятия и в силу этого предполагающий наличие существенного образного компонента);

- *лингвофилософская* (концепт как репрезентатор метафизического содержания языка и мышления, как средство трансляции метафизического содержания научной теории).

Согласно этим трактовкам, концепт в отличие от понятия предполагает наличие у него как у эпистемического объекта некоего эмоционального, образного, субъективного и метафизического содержания.

3. В современном научном и философском знании понятие концепта носит комплексный и кластерный характер. Комплексность этого понятия проявляется в сочетании концептом объективного и субъективного содержания, понятийного и внепонятийного компонентов, например образного, эмоционального, метафизического в том или ином его понимании. Кластерный характер понятия концепта проявляет себя в том, что в науке и философии к настоящему времени сформировано множество разнообразных трактовок феномена концепта, многообразие этих трактовок и отсутствие некоего общего для всех них предиката заставляет рассматривать понятие концепта в качестве кластерного понятия, то есть понятия, подчиняющегося теории «семейных сходств» Л. Витгенштейна. При этом описываемое положение вещей не следует трактовать в том смысле, что концепт является кластерным понятием; в данном случае кластерным понятием является понятие концепта, но не сам концепт.

4. Концепт, рассматриваемый как элемент языка науки, в отличие от понятия позволяет более гибко учитывать влияние на познавательные процессы и на оперирование языком факторов социального, культурного и

духовного характера. В этой связи концепт можно рассматривать не только как инструмент познания, но и как модель, позволяющую подвергать язык науки и познавательный процесс социально-эпистемологическому исследованию, в частности подвергать анализу социально-культурные факторы, оказывающие влияние на функционирование языка и процессы научного познания.

5. Термины языка науки иногда кодируют собой эпистемические объекты, которые являются концептами или, во всяком случае, могут быть смоделированы как концепты. Примерами концептов языка науки можно считать концепт Космоса в исследованиях А. Гумбольдта и концепт цвета в исследованиях И.В. Гёте.

6. Гётево представление о цвете обусловлено принятой И.В. Гёте метафизикой и в существенной мере является средством репрезентации и трансляции этой метафизики, то есть по существу является концептом. Данный концепт позволил И.В. Гёте преодолеть предметные рамки сугубо физического взгляда на природу цвета и тем самым не только расширить рамки предметной концептуализации данного феномена, но и сформировать новые предметно-дисциплинарные контексты для исследования существа феномена цвета.

7. В научном дискурсе А. Гумбольдта термином «Kosmos» обозначается особый эпистемический объект, который, по сути, является концептом. Концептный характер этого эпистемического объекта обусловлен следующими обстоятельствами:

- эквивокалистским характером представлений А. Гумбольдта о Космосе, предполагающим, в частности, методологическую ориентацию исследователя на преодоление дуализма общего и частного, универсального и особенного, причем соответствующий дуализм трактуется как в онтологическом, так и в эпистемологическом ключе;

- эмоциональной насыщенностью и эстетической окрашенностью обсуждаемого эпистемического объекта;

- присутствием в нем образного (в том числе образно-художественного) компонента;

- исполнением соответствующим эпистемическим объектом функции репрезентации и трансляции метафизического содержания научной теории.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании сектора социальной эпистемологии Института философии РАН. Основные положения диссертационного исследования отражены в 28 научных работах, в том числе 3 монографиях и 11 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК, и/или наукометрические базы Web of Science и/или Scopus.

Основные положения исследования были апробированы в форме докладов на следующих научных конференциях: «Интерактивный космос “Россия – Европа”». Александр и Вильгельм фон Гумбольдты для современной России» (Москва, 2019); «Философия: традиции и инновации» (RTICONF 2019); «Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении» (Брянск, 2015, 2016, 2019); «Новые горизонты» (Брянск, 2019, 2021).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка рисунков, списка таблиц. Текст включает семь таблиц и семь рисунков. Список литературы содержит 530 наименований. Общий объем работы – 262 страницы.

Глава 1. Язык науки. Понятийный уровень языка науки

Интересующий нас в связи с анализом языка науки феномен концепта имеет смысл рассматривать на фоне феномена понятия, а концептный уровень языка науки – в некоторой связи с его понятийным уровнем. В силу этого в исследовании уровней языка науки нам придется отталкиваться не только от теории концепта, но и от теории понятия. Именно языку науки и феномену понятия будет посвящена первая глава нашего исследования.

1.1. Язык науки как средство познания и коммуникации

Язык науки имеет смысл рассматривать как некое *средство научного познания и средство коммуникации* (в первую очередь между представителями научного сообщества, но также и со смежными сообществами и обществом в целом). В данном случае язык науки мы трактуем в инструменталистском ключе, то есть рассматриваем его как некоторый инструмент, средство, «мощное орудие человеческого духа»³³, если говорить словами Г. Фреге. На подобную трактовку языка науки ориентирует, например, развитая Дж. Дьюи концепция инструментализма³⁴. Вместе с тем, некоторые намеки на «инструменталистскую трактовку языка» можно отыскать и за пределами прагматической философии, например в сочинениях И.Г. Гердера, В. Гумбольдта, Л.С. Выготского, К. Твардовского³⁵. Так, В. Гумбольдт настаивал: «язык – не просто средство

³³ Фреге Г. Целое число // Философия науки. – 2004. – № 2 (21). – С. 100.

³⁴ Дьюи Дж. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.; Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос 1998. – 296 с.

³⁵ Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2006. – С. 208–547; Гальперин П.Я. Введение в психологию // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – С. 113–116; Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – С. 249–250, 256–257; Гердер И.Г. Идеи к философии истории

обмена, служащее взаимопониманию, а поистине мир, который внутренняя работа духовной силы призвана поставить между собою и предметами»³⁶. Полагаем, что позицию В. Гумбольдта можно трактовать и так, что он указывает на два «инструменталистских» аспекта функционирования языка: первый – коммуникативный, а второй – познавательный³⁷; первый составляет предмет «социологического» интереса, второй – эпистемологического.

Сходной «двухаспектной» позиции в анализе природы языка придерживался И.Г. Гердер, от идей которого В. Гумбольдт в какой-то мере отталкивался³⁸. С одной стороны, язык для И.Г. Гердера суть органон, инструмент разума, а с другой – «связующее звено от человека к человеку, “великий организатор людей”»³⁹, то есть инструмент коммуникации.

человечества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.; Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 171; Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 318–320; Касавин И.Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л.С. Выготского) // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXI. – № 3. – С. 152–167; Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.; Лурия А.Р. Психология как историческая наука. К вопросу об исторической природе психологических процессов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 3/1. – С. 199–215; Огурцов А.П. Проблема универсалий в философии XX века // Истина и благо: универсальное и сингулярное. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 296; Розин В.М. Знание как представление, «episteme», концепт и реконструкция // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. – 2012. – № 1 (3). – С. 11; Твардовский К. О ясном и неясном философском стиле // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 9–13.

³⁶ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 171.

³⁷ Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 318–320; Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 486–487.

³⁸ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 484–485.

³⁹ Гулыга А.В. Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 671.

Аналогичная, «двухаспектная» позиция в понимании языка может быть также выявлена у Г. Лейбница, У. Хьюэлла, М. Вебера, Р. Карнапа⁴⁰. При этом нередко «двухаспектность» они усматривают в составляющих язык объектах (понятиях, терминах и т.п.). Так, согласно У. Хьюэллу, с одной стороны, «мы получаем знание из внешнего мира, когда оказываемся способны применить к наблюдаемым фактам какое-то идеальное понятие» (эпистемологический аспект функционирования языка), а с другой, результаты познания оказываются доступны определенному кругу лиц благодаря имеющим точное значение терминам (коммуникативный аспект функционирования языка)⁴¹. В свою очередь, М. Вебер указывал, что логические понятия уже в античности служили не только средством познания, но и средством принуждения к основанному на истине согласию (консенсусу)⁴², то есть исполняли когнитивную и коммуникативную функции.

Следуя обозначенному кругу идей, будем полагать, что язык науки имеет два аспекта своего функционирования (эпистемологический и коммуникативный)⁴³ и рассматривать его надлежит как *средство познания и коммуникации*. Соответственно, две основные функции языка – когнитивная и коммуникативная; в первой язык реализуется как средство познания, во второй – как средство коммуникации⁴⁴.

⁴⁰ Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – С. 275; Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 224–226; Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 198–199; Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 127.

⁴¹ Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 224–225.

⁴² Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 198–199.

⁴³ Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.; Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life. – Princeton: Princeton University Press, 1985. – 442 p.

⁴⁴ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – 544 с.; Касавин И.Т. Познание и язык // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXX. – № 4. – С. 10.

По всей видимости, в обсуждении языка науки можно по-разному (как бы в разных пропорциях) соотносить его понимание как средства познания и как средства коммуникации, то есть эпистемологическое и условно социологическое понимания. Коль скоро, язык науки нас интересует как проблема эпистемологии и в особенности социальной эпистемологии, оба обозначенных выше аспекта предстоит учитывать и каким-то образом совмещать⁴⁵. Очевидно, между этими аспектами рассмотрения языка науки должен быть найден (пусть даже интуитивно и имплицитно) некоторый баланс. Зафиксируем этот баланс в следующем (не претендующем на статус определения) тезисе.

Язык науки – средство научного познания (в том числе средство формулирования и разрешения научных проблем), а также средство коммуникации, в том числе средство профессиональной коммуникации, осуществляемой учеными (а также представителями некоторых связанных с ними профессиональных сообществ) в ходе научного познания⁴⁶.

Двухаспектный (когнитивно-коммуникативный) характер языка науки не может не порождать определенных трудностей, обусловленных противоречием между его когнитивной и коммуникативной составляющими. Конечно, в идеальном мире истина – дитя коммуникации; более того, в таком мире когнитивность, рациональность, истинность, с одной стороны, и коммуникативность, консенсусность, коллективность, с другой стороны, как бы сливаются воедино («*Vox populi – vox Dei*»). Однако реальный социум (включая такие составляющие его феномены, как наука, политика, мораль и

⁴⁵ Некоторым теоретическим основанием для такого совмещения можно считать веберовский подход к совмещению историзма и рационализма. См.: Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.

⁴⁶ Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 192–193; Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Философия науки. – Вып. 3: Проблемы анализа знания. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 55. Научное познание мы в данном случае рассматриваем как особый тип духовного производства; он может реализовываться как на профессиональном уровне (например, учеными, исследователями и т.п.), так и на уровне обыденном (например, преподавателями, студентами и т.п.).

т.д. и т.п.) далек от идеала, предполагающего единство рациональности и коммуникативности⁴⁷.

Устремление к этому идеалу в той или иной его модификации обнаруживается в творчестве Ю. Хабермаса⁴⁸. Предложенная им концепция коммуникативной рациональности, по сути, ориентирована на утверждение единства коммуникативности и истинности⁴⁹, коммуникативности и рациональности вообще.

В силу наличия разрыва между коммуникативностью и истинностью любое высказывание как бы имеет два в чем-то противоположных измерения. Первое связано с отношением высказывания к истине (к вопросу о том, истинно оно или ложно), а второе – с тем, насколько это высказывание *воспринимают* в качестве истинного и насколько такое восприятие консенсусно (коллективно). Условно говоря, первое измерение выражает истинностный статус высказывания, а второе – его социальный статус; первое ориентировано на объективную реальность, а второе – скорее на реальность субъективную.

Наличие этих измерений порождает конкуренцию двух противоположных социально-эпистемологических установок⁵⁰. В рамках установки, ориентированной на истинностный аспект, различаются и резко противопоставляются убеждения истинные и ложные (то есть знание и заблуждение)⁵¹. В рамках установки, ориентированной на коммуникативистский аспект, в качестве знания рассматривается всё, что в социальной практике функционирует как знание, причем индифферентно по отношению к его истинности⁵². Обе установки относятся к социальной

⁴⁷ Хабермас Ю. Демократия в опале // Социология. – 2011. – № 4. – С. 6.

⁴⁸ Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. IV. – Вып. 3–4 (13–14). – С. 303–320.

⁴⁹ Там же. – С. 314–315.

⁵⁰ Касавин И.Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 65–66.

⁵¹ Goldman A. Knowledge in a Social World. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 407 p.

⁵² Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 162–185.

эпистемологии, с той лишь разницей, что для первой характерен скорее «эпистемологический» уклон, а для второй – уклон скорее «социологический»; первая ориентирована на *episteme*, а вторая – на *doxa*⁵³.

Конкуренция этих установок, судя по всему, имеет своим истоком то, что истинностный статус высказывания и «социальность» того же самого претендующего на истинность высказывания нередко находятся в состоянии дивергенции, а то и конфликта⁵⁴. Далеко не всё, что *считается* истинным, является таковым на самом деле. Далеко не всё, что *истинно*, считается таковым и носит консенсусный характер⁵⁵. В известном смысле «истина» – это то, что принято считать истиной на данном этапе развития мысли. Новый этап развития мысли порой вызывает к жизни новые «истины».

На нетождественности истины и того, что принято считать истиной, настаивал поздний Л. Витгенштейн. Об этом, в частности, свидетельствует его мысль о нетождественности знания и уверенности⁵⁶.

Наука как один из основных (для современного мира) претендентов на истинность своих высказываний оказывается перед той проблемой, что *истина* имеет свою *тень* – выдаваемое за истину коллективное убеждение⁵⁷, своего рода *квазиистину*.

⁵³ Касавин И.Т. Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXV. – № 1. – С. 9.

⁵⁴ Lakatos I. Introduction: Science and pseudoscience // Lakatos I. The methodology of scientific research programmes. Philosophical Papers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – Vol. I. – P. 1–7.

⁵⁵ Как справедливо указывает в «Политиках природы» Б. Латур, эта проблема явлена уже в платоновском мифе о Пещере. См.: Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию? – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 335 с.

⁵⁶ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 358–359.

⁵⁷ Коллинз Р. «Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения» (фрагменты из книги) // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 39; Lakatos I. Introduction: Science and pseudoscience // Lakatos I. The methodology of scientific research programmes. Philosophical Papers. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – Vol. I. – P. 1–7; Rorty R. Solidarity or objectivity? // Rorty R. Objectivity, Relativism and Truth: Philosophical Papers. Vol. I. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 21–34; Shapin S., Schaffer S. Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life. – Princeton: Princeton University Press, 1985. – 442 p.

Как видим, истинность и социальность, когнитивная и коммуникация соприсутствуют в науке. В практике научной деятельности соприсутствие и, более того, конкуренция познавательного и социального аспектов встречается нередко. Так, если теория (или утверждение, считающееся истинным) в какой-то момент опровергается новыми фактами, то «когнитивная установка», требует признать ложность или ограниченность теории, а «социальная установка» требует сохранить теорию как плацдарм коммуникации, каким-то образом разобравшись с новыми фактами⁵⁸.

Рассуждая о двух аспектах науки и ее языка, обратим внимание также на то, что некоторые современные коммуникативистские теории строятся таким образом, что коммуникация как бы поглощает собой познание, однако при этом само понятие коммуникации расширяется до такой степени, что черты «когнитивных аспектов» познания и коммуникации в нем тоже могут быть обнаружены. Примером служит «радикальная»⁵⁹ коммуникативистская теория Н. Лумана с ее двумя типами коммуникации – самореференцией и инореференцией⁶⁰. Первый тип предполагает, что коммуникация относится к самой себе, а второй предполагает, что в ходе коммуникации сообщается нечто, к самой коммуникации не относящееся. Ясно, что оба типа коммуникации – это идеальные типы, в реальности же имеется их сочетание. В любом случае, даже в такой «радикальной» коммуникативистской теории, как теория Н. Лумана, могут быть обнаружены коммуникативистский и

⁵⁸ Антоновский А.Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // Вопросы философии. – 2015. – № 2. – С. 48; Антоновский А.Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 206; Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 162.

⁵⁹ Таковую оценку теории мы даем, размышляя о позиции Н. Лумана, согласно которой «общества состоят не из людей, но из коммуникаций» (Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 218.).

⁶⁰ Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с.; Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания: От теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. – М.: ИФ РАН, 2015. – С. 12, 133; Антоновский А.Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 206.

когнитивистский аспекты. Первый проявляет себя в самореференции, второй – в инореференции.

В конечном счете, язык науки является сложным симбиозом противоположных методологических установок: познавательной и коммуникативной, объективистской и субъективистской. В силу этого составляющие его эпистемические объекты следует оценивать не только с точки зрения их познавательных возможностей и так или иначе трактуемой истинности (например, соответствия действительности), но и с точки зрения их коммуникативного потенциала и в какой-то мере их субъективного характера. Однако, для того, чтобы в полной мере реализовать такой подход имеет смысл исследовать в языке науки не только понятия, но и ввести в рассмотрение феномен концепта. В качестве основания для такого введения можно принять сложившееся в российской философии противопоставление понятия и концепта, предполагающее, что понятие ориентировано познающим субъектом на объективное отражение действительности, а концепт, напротив, в большей мере (нежели понятие) обусловлен духовным миром познающего субъекта, то есть в большей степени зависит от субъективной реальности, и в существенной мере определяется процессами реальной коммуникации (речи, диалога, дискуссии и т.п.)⁶¹. В этой связи идея рассмотрения понятийного и концептного уровней языка науки представляется содержательной и перспективной.

1.2. Феномен репрезентации в языке науки

Эпистемологический аспект функционирования языка науки проявляет себя в феномене *репрезентации*, являющемся одним из оснований науки. По

⁶¹ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 141–143; Неретина С.С. Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 534.

сути, язык науки – одно из средств репрезентации реальности⁶². В частности, язык способен отображать (пусть и с искажениями, подчас весьма серьезными) и представлять реальность⁶³. В каком-то смысле, благодаря языку люди не только коммуницируют между собой, но в ходе познавательных актов коммуницируют с познаваемым (репрезентируемым) миром. Репрезентация и коммуникация если и не сливаются воедино, то, по крайней мере, оказываются взаимосвязанными. Возможно, в языке науки они неразрывны. По крайней мере, такая позиция возможна и, кстати сказать, может быть сведена к одной из ключевых идей К. Маркса, выраженных в его одиннадцатом тезисе о Л. Фейербахе⁶⁴. В частности, этот тезис можно интерпретировать и так, что подлинное познание мира невозможно вне того, чтобы этот мир менять, то есть находиться с ним в очень плотных и напряженных отношениях. В таких отношениях субъект познания познает мир не в ходе осуществления репрезентации объективно данного ему мира (ибо о его объективности в силу существенной зависимости от субъекта говорить не приходится), а в ходе сложной коммуникации с миром, нацеленной на его изменение. Репрезентация объективно данного нам мира иллюзорна⁶⁵, тогда как познание мира в ходе его изменения в этом плане более реалистично⁶⁶.

Развивая мысль о взаимосвязи и взаимообусловленности репрезентации и коммуникации, и опираясь на идею М.М. Бахтина о явлении

⁶² Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания: От теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. – М.: ИФ РАН, 2015. – С. 42–49; Макеева Л.Б. Язык и реальность // Логос. – 2006. – № 6 (57). – С. 15; Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 87.

⁶³ Макеева Л.Б. Язык и реальность // Логос. – 2006. – № 6 (57). – С. 15.

⁶⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1985. – С. 3.

⁶⁵ В частности, мир не объективен, познающий его субъект уже фактом своего познания переводит этот мир из объективного невозмущенного состояния в состояние, возмущенное субъектом. См.: Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 306–307, 334–335.

⁶⁶ Сходная мысль может быть обнаружена у Б. Латура. См.: Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 17–18.

«вне-находимости»⁶⁷, будем трактовать язык как средство коммуникации субъекта с *самим собой, другими, миром и абсолютом* (высшим началом). То же сделаем с языком науки, полагая в итоге, что он позволяет ученому осуществлять коммуникацию с соответствующими сущностями:

- с *самим собой* (ученый в своем творчестве использует потенциалы своего духовного мира, опирается на *свой* жизненный опыт, а диалог с *самим собой* вообще позволяет ему, как, впрочем, и любому здравому человеку, мыслить⁶⁸);

- с *другими* (ученый всегда имеет своего *другого* – читателя (как реального, так и воображаемого), слушателя, ученого–предшественника, оппонента и т.п.)⁶⁹;

- с *миром* (ученый взаимодействует с миром, познает его и, как уже отмечалось, меняет, оставаясь при этом частью изменяемого им мира)⁷⁰;

- с *абсолютом* (ученый пытается осмыслить мир, дешифровать его смысл, понять *кем, как и зачем* (во имя чего) этот мир был сотворен⁷¹).

⁶⁷ Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 1. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. – С. 69–263; Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 55–62.

⁶⁸ Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – С. 275.

⁶⁹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 322–323; Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – С. 306–326; Васюков В.Л. Макростратегии диалога культур // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 45–1. – С. 18–23; Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – 544 с.; Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Весь мир, 2016. – 262 с.; Коллинз Р. «Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения» (фрагменты из книги) // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 30–32; Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010. – С. 203; Тищенко П.Д. Аналитика научного дискурса // Философия науки. – 1995. – Т. 1. – № 1. – С. 272.

⁷⁰ Брасье Р. Понятия и объекты // Логос. – 2020. – Т. 27. – № 3. – С. 228–231; Киященко Л.П. Диалог внутри языка. Рационален ли язык? // Философия науки. – 1995. – Т. 1. – № 1. – С. 285–299; Latour B. Scientific Objects and Legal Objectivity // Law, Anthropology and the Constitution of the Social: Making Persons and Things. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 73–113.

⁷¹ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. О науке Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 4. – С. 187; Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и

Таким образом, в качестве средства профессиональной коммуникации язык науки можно рассматривать в разных аспектах:

- *когнитивном* (язык науки помогает ученому мыслить и осуществлять самопознание)⁷²;
- *социальном* (язык науки позволяет коммуницировать с *другими*, с научным сообществом, смежными сообществами, обществом вообще⁷³);
- *репрезентативном* (язык науки позволяет репрезентировать мир и тем самым его познавать) и
- *метафизическом* (язык науки является средством приоткрыть завесу тайны над вопросами о творении мира и о его сущности⁷⁴).

Как видим, в случае с языком науки репрезентация просвечивает в коммуникации, а коммуникация – в репрезентации; по всей видимости, это свидетельствует об их неразрывности. Вместе с тем, не следует забывать, что, *репрезентативистской* установке противостоит противоположная установка – *антирепрезентативистская*, а реализму противостоит конструктивизм. Если для *репрезентативизма* наличествует некая онтологическая связь между знаком и его референтом, то для *антирепрезентативизма* такой связи нет, а реальности присуща дивергенция составляющих ее *мира знаков* и *мира референтов*. Так, Р. Рорти не без оснований указывает, что ничто не гарантирует репрезентативистского

Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 84; Hall A. The facets of Newton's genius // Interdisciplinary Science Reviews. – 1995. – Vol. 20. – № 1. – P. 29–32.

⁷² Тищенко П.Д. Аналитика научного дискурса // Философия науки. – 1995. – Т. 1. – № 1. – С. 269–273.

⁷³ При этом коммуникация такого рода может носить как синхронный, так и, напротив, диахронный характер.

⁷⁴ Заметим, что наука и ее язык не могут быть свободны от подобного рода метафизических поисков, а попытка отказаться от них, как известно, сама является следствием избрания плохого варианта метафизики. См.: Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XL. – № 2. – С. 209.

характера нашего языка, а сама репрезентативистская установка метафизически небыстречна⁷⁵.

В исследованиях научного познания противостояние репрезентативизма и антирепрезентативизма проявляет себя как противостояние реализма и конструктивизма⁷⁶. При этом в эпистемологии сложилось несколько различных вариаций реализма и конструктивизма. Проблема, в любом случае, состоит в том, что научное познание в той или иной мере задействует некоторые знаки (понятия, постулируемые теориями объекты и т.п.), своего рода интеллектуальные конструкты, многие из которых в своем существе являются фикциями⁷⁷, хотя и не лишенными какой-то сложной (подчас неочевидной) связи с реальностью. Подобное положение вещей не отменяет познание как таковое, но делает его достаточно сложным и противоречивым феноменом. Как бы ни было, нам не следует принимать абстрактные представления, знаки за сам представляемый ими мир⁷⁸.

Судя по всему, современная наука объединяет в себе противоположные методологические установки; в ней проявляет себя как репрезентативизм, так и антирепрезентативизм; как реализм, так и конструктивизм. Иными словами, в языке науки присутствуют как объекты, реально существующие, так и объекты фиктивные. Грань между теми и другими, вообще говоря, является предметом дискуссий и, во всяком случае, она исторична, подвижна. Так, после исследований А. Эйнштейна, посвященных фотоэффекту, утвердилась точка зрения, что фотоны – это реально существующие объекты. Вместе с тем, есть и те, кто эту позицию не

⁷⁵ Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 296 с.; Патнэм Х. Ценности: создает ли их человек или находит? // Философские науки. – 2011. – № 12. – С. 95–97.

⁷⁶ О реализме и антиреализме относительно объектов и понятий см.: Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос 1998. – 296 с.

⁷⁷ Там же; Лекторский В.А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 19–21.

⁷⁸ Агацци Э. Истина как путь к реализму // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 14; Пикеринг Э. Новые онтологии // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 164.

разделяет, как, например, У. Лэмб, полагая фотон артефактом⁷⁹. Помимо этого, можно занять промежуточную позицию и рассматривать фотон как определенного рода модель (шире – мыслительную конструкцию), позволяющую более или менее удачным образом описывать явление фотоэффекта.

Возможно, ни один знак абсолютно адекватным образом не отражает реальность, хотя из этого и не следует, что он никак с нею не связан и никак ее не репрезентирует⁸⁰.

Для познания интерес могут представлять (и нередко представляют) не только референтные понятия, но и понятия без референтов⁸¹. По сути, факт существования некоторого понятия сам по себе еще не свидетельствует о реальном существовании обозначаемого им объекта. Между эпистемологической значимостью понятия и онтологической значимостью обозначаемого понятием объекта в общем случае есть некоторый разрыв.

В этой связи особый интерес для обсуждаемой темы представляет полемика о несуществующих предметах и об их «существовании»⁸².

Как известно, «пустыми» терминами принято называть термины, которым ничего не соответствует в реальном мире. С нашей точки зрения, данная позиция сразу же наталкивается на то противоречие, что любой термин, обозначающий какое-либо строгое (трактуемое в смысле Г. Фреге) понятие, должен быть признан «пустым» (равно как «пустым» должно быть признано и само обозначенное термином понятие). Основанием для этого служит то, что, во-первых, понятия – это объекты не реального, а идеального мира, то есть понятий как референтов терминов в материальном мире не

⁷⁹ Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос 1998. – 296 с.

⁸⁰ Агацци Э. Истина как путь к реализму // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 30; Патнэм Х. Ценности: создает ли их человек или находит? // Философские науки. – 2011. – № 12. – С. 96; Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 11.

⁸¹ Микешина Л.А. Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXII. – № 2. – С. 34–49.

⁸² Селиверстов В.В. Проблема статуса несуществующих вещей в майнонгианской философской традиции: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2013. – 189 с.

существует, и, во-вторых, понятия в обозначенном выше смысле – это знаки, которые обозначают общность признаков подпадающих под понятие объектов, то есть нечто *общее*, чего в реальном (материальном) мире самого по себе не существует⁸³.

По мере развития философии пришлось раздвинуть границы того, что следует считать существующим, и переосмыслить проблему референции. Подобную работу, в той или иной мере отталкиваясь от идей Ф. Brentano, К. Твардовского, Б. Больцано, попытался осуществить А. Майнонг⁸⁴.

В своей теории он попытался более гибко посмотреть на проблему референции. В современном понимании, его *теория предметов* указывает на то, что в качестве предмета термина или понятия может выступать не только *физический (реально существующий) предмет*, но и *абстрактный предмет*, а также *возможный предмет* и *невозможный предмет*⁸⁵.

Позицию, в чем-то схожую с позицией А. Майнонга, занимал оказавший на него влияние К. Твардовский⁸⁶. Оба существенно расширили границы того, что может выступать референтом понятия и что может быть признано реальным⁸⁷. Так, предметом понятия вполне может быть несуществующий объект (например, «квадратный круг»), хотя соответствующее понятие и оказывается зна́ком, не имеющим референта. Возникает интересная ситуация: референт понятия в строгом смысле не существует (понятие «пусто»), но при этом в более широком смысле

⁸³ Соответствующая проблематика в определенной мере возвращает нас к средневековому спору об универсалиях, а также к некоторым другим философским вопросам. См.: Brassée P. Понятия и объекты // Логос. – 2020. – Т. 27. – № 3. – С. 227–260.

⁸⁴ Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXVII. – № 1. – С. 202–229.

⁸⁵ Мигла А.В. Референция «пустых» терминов как философская проблема: автореф. ... канд. филос. наук. – М., 2013. – С. 25.

⁸⁶ Твардовский К. К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 78.

⁸⁷ В своем существе, граница между реальным и нереальным условна (и подвижна) и во многом зависит от метафизической доктрины, явно или неявно принятой познающим субъектом. См.: Дюгем П. Физическая теория и метафизическое объяснение // Метафизика. – 2016. – № 2 (20). – С. 186.

говорить о «пустоте» понятия не приходится, ибо его референтом оказывается *несуществующий* объект⁸⁸.

Референт как бы существует и, вместе с тем, не существует. В силу вступает известная еще с античных времен коллизия. Согласно Пармениду (а также Зенону и Эмпедоклу), небытия не существует. Напротив, согласно Платону, небытие, несмотря на его несуществование, должно в каком-то смысле *быть*⁸⁹. Иными словами, для того чтобы *не быть* (то есть составлять *небытие*), нужно в каком-то смысле *быть* (*быть* принадлежным небытию).

Не упрощает существа дела и динамичность (изменчивость во времени) онтологического статуса референтов. Так, научная книга о некотором деятеле, написанная при его жизни, предполагает, что ее герой – знак ныне живущего человека. Однако после его смерти, герой книги обозначает уже не живущего (но некогда жившего) человека. Его смерть сама по себе не превращает обозначающего его героя в ничего не значащий знак – трансформируется значение, но знак не становится пустым⁹⁰.

Обратим внимание на позицию К. Твардовского, изложенную им в работе «К учению о содержании и предмете представлений»⁹¹. Согласно его позиции, существование объекта должно пониматься не только как существование объекта *в опыте*, но и как существование (бытие) объекта *в*

⁸⁸ Так, по современным представлениям, «вечный двигатель» – это несуществующий и невозможный объект, однако термин «вечный двигатель» – репрезентатор определенных смыслов. В данном случае репрезентируемого объекта (референта) реально не существует, но репрезентирующий его смысл вполне наличествует. Понятие «вечного двигателя» не обладает экстенсионалом, но вполне обладает интенсионалом.

⁸⁹ Заметим, что У. Куайн не разделяет позицию А. Майнонга и предшествующую ей позицию Платона. См.: Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 157–158; Куайн У.В.О. О том, что есть // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 7–23.

⁹⁰ В других случаях это может быть не так. Скажем, свидетельство о регистрации права на объект недвижимости после уничтожения этого объекта становится «пустым», ничего не значащим знаком, ибо призвано обозначать не когда-то наличествовавшее право, а право, наличествующее сейчас.

⁹¹ Твардовский К. К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 38–159.

*представлении*⁹². В итоге объект может не существовать в опыте, однако при этом существовать в представлении⁹³ (как, например, объект, обозначаемый термином «круглый квадрат», то есть изображенная на плоскости фигура, обладающая взаимно противоречивыми предикатами «быть круглым» и «быть квадратом»).

В принципе, гипотетически, можно говорить о четырех типах объектов:

- объекты, существующие в опыте и в представлении;
- объекты, существующие в представлении, но не в опыте;
- объекты, существующие в опыте, но не в представлении (то, что существует, но при этом не помыслено или не может быть помыслено);
- объекты, не существующие ни в опыте, ни в представлении (то есть то, чего нет и что при этом не помыслено или не может быть помыслено).

К числу объектов, существующих в представлении, но не в опыте, следует отнести, например, самопротиворечивые сущности. Современной эпохе вполне свойственно распространение таких сущностей, то есть объектов, которые в силу своей внутренней противоречивости могут существовать в представлении, не существуя в опыте. Понятие, референтом которого является самопротиворечивый объект, можно назвать *гибридным*, то есть понятием, содержание которого имеет два (или более) взаимоисключающих свойства. При этом нет оснований думать, что понятия подобного рода – удел некоторых «ненаучных» областей социальной практики (мифа, идеологии, обыденного знания и т.п.), но только не науки. Наука вполне допускает подобные самопротиворечивые сущности (гибриды), ярким примером чему служит представление о квантовой частице, трактуемое в контексте корпускулярно-волнового дуализма («и волна, и

⁹² Там же. Сходных (в той или иной мере) позиций держались Ф. Brentano, Б. Больцано, А. Гёфлер, А. Майнонг. См.: Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXVII. – № 1. – С. 221; Селиверстов В.В. Проблема статуса несуществующих вещей в майнонгганской философской традиции: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2013. – 189 с.

⁹³ Твардовский К. К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 60–61.

частица»). Квантовый объект, проявляя в разных экспериментальных ситуациях (квази)корпускулярные и (квази)волновые свойства, в реальности не является ни корпускулой, ни волной. Пока он для нас лишь некий гибрид, сочетающий взаимопротиворечивые свойства⁹⁴.

У. Куайн в качестве примера самопротиворечивой сущности указывает на понятие бесконечно малой⁹⁵. Несмотря на свою «абсурдность», обозначенную уже апорией Зенона о стреле, данное понятие составило основу дифференциального и интегрального исчислений.

Объектами, существующими в представлении, но не в опыте, могут быть не только самопротиворечивые объекты, но и объекты, которые в явном виде внутреннего противоречия не содержат. Таковыми, в частности, являются объекты математики. А. Майнонг их определяет как наличествующие, но не существующие⁹⁶. По сути, это идеальные объекты, не имеющие референтов, существующих в пределах реальности. Так, идеальные геометрические фигуры (прямая, плоскость, окружность и т.п.) не могут быть обнаружены в реальности⁹⁷, однако они вполне могут служить предметом рационального исследования, осмысленного рассуждения и т.д. и т.п.⁹⁸ Таким образом, онтологическая значимость некоторого понятия не обязательно совпадает с его эпистемологической значимостью.

Аналогичным образом дело обстоит с присутствующими в физике понятиями идеального газа, абсолютно упругого тела, абсолютно гладкой

⁹⁴ Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – С. 217–218; Мамчур Е.А. Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 108; Уайтхед А.Н. Религия и наука // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 453.

⁹⁵ Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 279–280.

⁹⁶ Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXVII. – № 1. – С. 206; Переписка Алексиуса Майнонга и Бертрана Рассела // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXVI. – № 2. – С. 221–222.

⁹⁷ Максимум, что может обнаружить в реальности сила нашего воображения, так это *реальные* прямые, плоскости, окружности, которые всегда в той или иной мере отклоняются от соответствующих им идеальных геометрических фигур и в строгом смысле не являются ни прямыми, ни плоскостями, ни окружностями.

⁹⁸ Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXVII. – № 1. – С. 208.

поверхности и т.п. Теории физики и математики, да и множества других наук, формулируются в терминах такого рода идеальных объектов⁹⁹. При этом понятия математики обычно не ставят в зависимость от опыта (хотя порой и вводят с опорой на него), тогда как понятия физики, напротив, нередко испытывают опытом. Точнее будет сказать: понятия и объекты теоретической физики ставят в бóльшую зависимость от опыта, чем понятия и объекты математики. При этом несуществование (нереальность) идеальных объектов не фальсифицирует науку¹⁰⁰, хотя от некоторых объектов требуют принципиального существования.

Границы реального и нереального по мере развития науки смещаются. Так, когда-то казалось, что реальностью обладают лишь натуральные (целые положительные) числа (а других чисел не бывает). Практика потребовала обращения к отрицательным целым числам, а потом и к рациональным (дробным) числам. Задачи отыскания длины стороны квадрата с наперед заданной площадью потребовали введения иррациональных чисел (например, $\sqrt{2}$, $\sqrt{3}$, $\sqrt{5}$). То, что ранее казалось несуществующим, в какой-то момент объявлялось существующим. По мере развития математического анализа стало ясно, что аналитические методы необходимо развивать, исходя из весьма широкой системы чисел – не только вещественных (действительных), но и вообще комплексных; в противном случае не получается стройная теория. Пришлось признать «существование» мнимых и вообще комплексных чисел, расширив тем самым возможности математики. Далее понятие комплексного числа было обобщено в понятии кватерниона, а позднее в еще более широком понятии гиперкомплексного числа. Занимаясь теорией множеств, Г. Кантор ввел понятие трансфинитных чисел¹⁰¹. В конечном счете, понятие числа – это расширяющееся понятие, причем его расширение предполагает выявление в структуре реальности класса чисел, ранее казавшихся невозможными и/или несуществующими.

⁹⁹ Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 280–281.

¹⁰⁰ Там же. – С. 281.

¹⁰¹ Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 114–115, 183.

В теоретической физике с некоторых пор обозначилась тенденция вводить в рассмотрение ненаблюдаемые объекты (постулировать их существование)¹⁰². Примером может служить понятие темной энергии, по сути, обозначающее нечто, служащее причиной ускоренного разбегания галактик. При этом это нечто вполне может не оказаться субстанцией в привычном смысле слова.

Надо сказать, что понятия неделимого атома, флогистона, теплорода, эфира, электрических и магнитных флюидов и т.п. по современным представлениям нереалистичны, хотя ранее они наделялись статусом знаков, репрезентирующих реально существующие объекты. Судя по всему, это понятия, исчерпавшие свой эвристический потенциал и/или не подтвердившие свое право на дальнейшую жизнь в ходе процедур верификации. При этом в ряде случаев неудачи в верификации объектов не приводят к отбрасыванию представляющих эти объекты понятий, особенно если считается, что понятие обладает высоким эвристическим потенциалом, как это, например, произошло с понятием кварка¹⁰³.

По сути, произошло конструирование кварков как познавательного объекта, их продуцирование как неких эпистемологических конструкторов.

¹⁰² Мамчур Е.А. Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 108; Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – С. 17–18. Ненаблюдаемые сущности, как правило, вводятся для объяснения наблюдаемых. См.: Чернакова М.С. Критерии косвенной наблюдаемости и существования ненаблюдаемых объектов физической теории // Vox. – 2014. – Вып. 16. – С. 132–135; Pickering A. On becoming: imagination, metaphysics, and the mangle // Chasing technoscience: matrix for materiality. – Bloomington, Indiana University Press, 2003. – P. 96–116.

¹⁰³ Е.А. Мамчур отмечает: «...Было предсказано существование кварков – частиц с дробным зарядом, из которых построены сильно взаимодействующие частицы – мезоны и барионы. Идея кварков оказалась очень эвристичной и полезной. На ее основе удалось не только систематизировать сильно взаимодействующие частицы, но и предсказать существование новых. Оставался, однако, один неудобный момент: кварки не обнаруживались в свободном состоянии. Они оказались принципиально “не наблюдаемы”» (Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 217.). Несмотря на ненаблюдаемость кварков в свободном состоянии, физики не стали отказываться от соответствующего понятия, а продолжили его использовать. Эвристический потенциал понятия оказался важнее верифицируемости факта существования стоящего за понятием референта.

Э. Пикеринг даже пришел к выводу, что кварки являются социальными конструктами, продуктом социально-исторического развития науки¹⁰⁴. Наука вполне могла бы пойти по другой исторической траектории и сегодня мы бы считали «реально» существующими не кварки, а нечто другое. В таком случае кварк предстает для нас не материальной частицей, а гипотезой о существовании кварков, микротеорией, существование кварков предполагающей¹⁰⁵. При этом Э. Пикеринг не остановился на эпистемологическом конструктивизме, а занял более радикальную позицию – позицию онтологического (и социального) конструктивизма¹⁰⁶.

Идеи социального конструктивизма можно обнаружить у М. Фуко. Так, он указывал, что психически больной человек признается таковым не в силу наличия у него психической болезни, а в силу того, что такую роль ему отвела наша культура¹⁰⁷.

Объявленная в 2020 году пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в каком-то смысле продемонстрировала, что понятие коронавируса – это некоторый социальный конструкт. Поясним это утверждение с помощью следующих мысленных построений. Если бы у человечества не было бы достаточно развитых медицины и связанных с нею наук, то мы бы, скорее всего, длительное время считали бы, что человечество

¹⁰⁴ То же самое сторонники социального конструктивизма (включая Э. Пикеринга и Б. Латурса) говорят о бозонах П. Хиггса и других объектах. См.: Мамчур Е.А. Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 106–123; Pickering A. Constructing Quarks: a Sociological History of Particle Physics. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 475 p.

¹⁰⁵ Труфанова Е.О. Ускользящая реальность и социальные конструкции // Философия науки и техники. – 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 66. Сходную позицию в отношении электронов и подобных им частиц занимал М. Хайдеггер. См.: Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. – Вильнюс: ЕГУ, 2012. – С. 52.

¹⁰⁶ Сходную позицию на определенном этапе своего творчества занимал Б. Латурса. См.: Латурса Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 12–13; Латурса Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 344; Latour B., Woolgar S. Laboratory life: The social construction of scientific facts. – London: Sage, 1979. – 272 p.

¹⁰⁷ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – С. 160.

столкнулось с новым штаммом гриппа, ибо симптомы обоих заболеваний весьма схожи. Однако у человечества есть некие возможности, которые позволили разграничить понятия гриппа и коронавируса. Если бы у человечества были бы еще более развитые медицина и наука, то, возможно, у нас были бы какие-то иные представления о соотношении понятий гриппа и коронавируса. Как бы ни было, но коронавирус – это некий социальный конструкт; соответствующее понятие сконструировано благодаря существованию науки как некоего социального института и благодаря нахождению науки на определенной фазе своего развития.

В социально-гуманитарном знании распространены такие не до конца ясные в смысле своего референта понятия, как понятия культуры, ментальности, рациональности и т.п. Так, термином «культура» закодирован не какой-либо очевидный и четко различимый объект, не строгое и однозначное понятие, а некий сложный и не до конца четкий концептуально-теоретический конструкт¹⁰⁸, по большому счету – некоторое концептуальное поле, предоставляющее интеллектуалам возможность упорядочивать производимые ими интерпретации действительности¹⁰⁹. При этом конструирование идеальных объектов такого рода значимо в том смысле, что позволяет нечто (в рассматриваемом примере – культуру и ее проявления) мыслить рационально и научно, то есть содержательно, аргументированно, логично, верификативно и т.д. и т.п.¹¹⁰ Оперирование такого рода конструктами являет собой некоторый вариант научного (и вообще рационального) мышления, особенно в случаях, когда мыслить приходится по поводу абстрактных объектов и едва уловимых смысловых сущностей.

¹⁰⁸ «В мировом научном сообществе существует общее согласие, что культура – это категория (а не реальный объект), которая обобщает все классы объектов, созданных или освоенных человеком» (Орлова Э.А. Наука о культуре, ее прошлое и настоящее // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II. – Вып. 3 (4). – С. 201–202.).

¹⁰⁹ Там же; Розин В.М. Современная культурология: Проблемы формирования и методологический идеал культурологии // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 1 (25). – С. 141–143.

¹¹⁰ Розин В.М. Современная культурология: Проблемы формирования и методологический идеал культурологии // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 1 (25). – С. 142.

В качестве другого примера можно указать на понятие менталитета (ментальности), которое, как известно, оказало существенное влияние на развитие историографической школы «Annales»¹¹¹. Размытое почти до предела, это понятие в силу своей «всеохватности» дало возможность обсуждать широкий круг проблем, подтолкнуло историков к глубоким размышлениям и смелым обобщениям¹¹², чем позволило «делокализовать» проблемно-тематическое поле своих исследований.

Сходная ситуация наблюдается с понятием рациональности. В.Н. Порус справедливо указывает на то, что данное понятие – это лишенный объективного референта конструкт, однако этот конструкт исполняет значимую методологическую функцию, причем содержание этой функции зависит от принятой познающим субъектом модели (и соответственно концепции) рациональности¹¹³.

Как бы ни было, но науке приходится оперировать понятиями не только очевидными, обладающими безусловными референтами, но и понятиями неочевидными и вымышленными, понятиями, говорить о наличии реальных референтов у которых сложно или невозможно¹¹⁴. В какой-то мере подобное положение вещей уподобляет науку *искусству*¹¹⁵ как институту осуществления художественного вымысла и *мифологии*¹¹⁶ как институту, в

¹¹¹ Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 501–541; Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – 328 с.; Неретина С.С. Арон Яковлевич Гуревич и безмолвие // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 231–246.

¹¹² Сарпова О.В. Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929 – 1994): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – Екатеринбург, 2004. – С. 29, 32.

¹¹³ Порус В.Н. Рациональность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 808.

¹¹⁴ Fodor J.A., Pylyshyn Z.W. Minds without meanings: An essay on the content of concepts. – London; Cambridge (Mass.): MIT press, 2015. – 193 p.

¹¹⁵ Мамчур Е.А., Скорупская Ю.Г. Виртуальные миры искусства и науки: Проблема референции // Философские науки. – 2007. – № 7. – С. 30–48.

¹¹⁶ Голосовкер Я.Э. Имагинативный Абсолют // Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – С. 163–167; Десперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 187–204; Киященко Л.П.

котором воображаемое и реальное не противопоставляются¹¹⁷, а видимое (реальное) объясняется с помощью невидимого (воображаемого)¹¹⁸.

Парадокс, но мы научились научно мыслить о предметах несуществующих, причем мыслить о них так, как если бы они существовали. В той или иной мере человечество этому учили мифология, религия, искусство, философия, да и сама наука¹¹⁹. Онтология современной науки фантазмагорична, но ее фантазмагоричность эпистемологически продуктивна, интеллектуально насыщена. В любом случае, ряд отраслей современной науки (включая теоретическую физику и прикладную математику) стали пространством воображения¹²⁰, что в какой-то мере можно наблюдать на примере творчества Г.А. Гамова, Л.Д. Ландау, К.Э. Циолковского, А. Эйнштейна.

Хорошо известно, что знаки не только отражают реальность, но и изменяют ее – оказывают на нее обратное влияние. Таким образом, наличествует не только прямая связь между референтом и

Мифопоэзис научного дискурса // Философия науки. – Вып. 8. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 355–376; Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 281–282.

¹¹⁷ Руднев В.П. Текст и реальность: направление времени в культуре // Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2007. – С. 46–47; Хюбнер К. Философия науки и теология // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. X. – № 4. – С. 25.

¹¹⁸ Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 114–125.

¹¹⁹ Там же; Голосовкер Я.Э. Указ. соч. – С. 163–167; Кассирер Э. Функции мифа в социальной жизни человека // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2011. – № 2. – С. 69–72; Розин В.М. К различению понятий «знак», «знание», «схема», «модель», «идеальный объект» // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – Вып. 3. – № 57–58. – С. 186; Хюбнер К. Философия науки и теология // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. X. – № 4. – С. 17–35.

¹²⁰ Интересно в этой связи размышление С. Улама о Г.А. Гамове. С. Улам вспоминал: «...Математик С. Банах сказал мне однажды: хорошие математики видят аналогии между теоремами или теориями, а самые лучшие видят аналогии между аналогиями. Этой способностью видеть аналогии между моделями для физических теорий Гамов обладал до почти невыносимой степени. В наши дни, когда используют всё более и более сложную математику, пожалуй, изощрённую сверх всякой меры, было удивительно видеть, как далеко он мог продвигаться с помощью интуитивных картинок и аналогий, почерпнутых путём сравнений из области истории или даже искусства» (Чернин А.Д. Как Гамов вычислил температуру реликтового излучения, или немного об искусстве теоретической физики // Успехи физических наук. – 1994. – Т. 164. – № 8. – С. 896.).

репрезентирующим его знаком, но и обратная связь между ними. Недаром Ж.Бодрийяр неоднократно подчеркивал, что виртуальность все настойчивее проектирует реальность. В принципе, виртуальность («мир знаков») должна отражать реальность («мир референтов»), по сути – проецировать мир; однако вместо этого она его проектирует. Все это находит отражение в феноменах рефлексивности¹²¹, самосбывающихся прогнозов¹²² и т.п.

Любой знак, любое понятие – это средство не только отражения реальности (уже – референтов), но в той или иной мере средство влияния на нее. Примером может служить понятие постиндустриального общества, являющее собой «концепт действительности, в соответствии с которым меняется сама действительность»¹²³.

В принципе, есть сильные высказывания, которые уже фактом своего свершения меняют реальность (например, объявление войны или мира). Любой языковой акт, как то следует из теории Дж. Остина¹²⁴, имеет определенную «силу» и эта «сила» меняет реальность. Понятия языка науки тут не исключение.

В конечном счете, любой знак (в том числе любое понятие) помимо прямой связи с референтом, предполагающей отражение зна́ком своего референта, имеет еще и обратную связь, посредством которой знак оказывает некоторое влияние на свой референт, а в какой-то мере и на реальность в целом. Коль скоро любой знак частично отражает некий референт и при этом оказывает на него влияние, в общем случае знаки и референты под влиянием

¹²¹ Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – С. 18–19; Розин В.М. Современная культурология: Проблемы формирования и методологический идеал культурологии // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 1 (25). – С. 133.

¹²² Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006. – С. 605–620; Merton R.K. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. – 1948. – Vol. 8. – № 2. – P. 193–210.

¹²³ Атанов А.А. Экономика концептов. – Иркутск: БГУЭП, 2008. – С. 291. По сути, здесь мы сталкиваемся с тем, что понятия могут быть не только дескриптивными (описывающими), но и прескриптивными (предписывающими). См.: Аргамакова А.А. Логический анализ языка науки в философии Рудольфа Карнапа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2013. – С. 91–93, 103–104.

¹²⁴ Austin J. How to do things with words. – Oxford: Oxford University Press., 1962. – 167 p.

друг друга изменяются¹²⁵. Говорить о синхронности изменений знака и изменений его референта в общем случае не приходится, в силу чего знак и его референт полностью соответствовать друг другу не могут. В этом смысле у репрезентации есть своя обратная сторона, предполагающая наличие искажений, вызванных эволюцией знаков и референтов, обратным влиянием знаков на референты, искажением смыслов при их передаче по направлению от референтов к знакам, запаздыванием изменения знака в случае изменения его референта, а также, возможно, иными причинами.

Таким образом, реальные понятия науки и реальные знаки вообще сочетают в себе референцию и симуляцию, реализуя тем самым дополняющие друг друга установки репрезентативизма и антирепрезентативизма, реализма и конструктивизма. Подобное – не лишённое некоторой противоречивости – положение вещей придает понятиям науки (да и многим знакам вообще) и гибкость, и эвристичность, и эпистемическую продуктивность.

1.3. Язык науки как симбиоз естественного и искусственного языков

Язык науки в своем существовании симбиотичен, то есть в нем сочетаются самые разнообразные языки¹²⁶. В частности, он может рассматриваться как результат симбиоза естественного и искусственных языков¹²⁷. Естественный

¹²⁵ Аршинов В.И., Тарасенко В.В. Автопозис, коммуникация, управление // Феномен человека в его эволюции и динамике: труды открытого научного семинара. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 113; Князева Е.Н. Автопозис мысли // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 1 (75). – С. 46–55.

¹²⁶ Weininger S.J. Contemplating the Finger: Visuality and the Semiotics of Chemistry // HYLE: An International Journal for the Philosophy of Chemistry. – 1998. – Vol. 4. – P. 3–27.

¹²⁷ *Ibidem*; Войшвилло Е.К. Принцип соответствия как форма развития знаний и понятие относительной истины. Критика концепции несоизмеримости сменяющихся друг друга теорий // Логика и В.Е.К.: сб. науч. тр.: К 90-летию со дня рождения проф. Войшвилло Евгения Казимировича. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 17; Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 56, 63, 77, 117, 159; Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 87; Нейрат О. Протокольные предложения // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 227; Пашина Д.П. Влекомые языком // Философия науки. – 2002. – Т. 8. –

язык служит базой, на которой строятся как язык науки, так и искусственные языки¹²⁸. В каком-то смысле, язык науки – это изначально естественный язык, в структуру которого инкорпорировано множество специфических искусственных языков, например таких, как язык географических карт, язык принципиальных и монтажных электрических схем, языки формул и изображений (например, математических, химических и т.п.).

В силу того, что роль и значение искусственных языков в языке науки хорошо изучены, обратим внимание на роль и значение в языке науки естественного языка. Как известно, этот вопрос обсуждался не раз¹²⁹, в том числе классиками квантовой механики¹³⁰. Так, М. Борн со ссылкой на Н. Бора отмечал, что описание экспериментов и их результатов было бы невозможным вне *«разговорного языка и понятий наивного реализма»*¹³¹. Схожую позицию занимал Л. де Бройль. Его позиция, в частности, состояла в том, что *«лишь обычный язык, поскольку он более гибок, более богат оттенками и более емок, при всей своей относительной неточности по сравнению со строгим символическим языком позволяет формулировать*

№ 1. – С. 400. Под искусственными языками мы понимаем специально сконструированные языки с пониженной степенью многозначности.

¹²⁸ Коськов С.Н. Рациональное и нерациональное в языке науки с позиции эпистемологического подхода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 185–188; Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 12–13, 29–30, 58, 78–79, 87–94, 121, 184; Столярова О.Е. Язык науки и проблема понимания // Философские науки. – 2014. – № 11. – С. 89–90; Weininger S.J. Contemplating the Finger: Visuality and the Semiotics of Chemistry // HYLE: An International Journal for the Philosophy of Chemistry. – 1998. – Vol. 4. – P. 3–27.

¹²⁹ Войшвилло Е.К. Принцип соответствия как форма развития знаний и понятие относительной истины. Критика концепции несоизмеримости сменяющих друг друга теорий // Логика и В.Е.К.: сб. науч. тр.: К 90-летию со дня рождения проф. Войшвилло Евгения Казимировича. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 17; Киященко Л.П. Онтология языка – становление смысла // Философия науки. – 1997. – № 3. – С. 219–220, 223; Налимов В.В. О некоторой параллели между принципом дополнительности Бора и метафорической структурой обыденного языка // Принцип дополнительности и материалистическая диалектика. – М.: Наука, 1976. – С. 19.

¹³⁰ Коськов С.Н. Конвенция и метафора в языке науки: Эпистемологический подход // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2009. – № 2. – С. 3, 6–7.

¹³¹ Борн М. Физическая реальность // Успехи физических наук. – 1957. – Т. LXII. – Вып. 2. – С. 131.

истинно новые идеи и оправдывать их введение путем наводящих соображений или аналогий»¹³².

В. Гейзенберг настаивал на том, что понятия естественного языка для современной ему физики «при всей их слабой определенности оказываются в ходе расширения знания более устойчивыми, чем точные термины научного языка, извлеченные как идеализации из ограниченных групп феноменов»¹³³. Связывал он это с тем, что естественный язык формируется для репрезентации привычной нам реальности.

По сути, в науке естественный и искусственный языки дополняют и обогащают друг друга¹³⁴. Так, с одной стороны, естественный язык придает языку науки открытость, гибкость, емкость¹³⁵, а с другой стороны, искусственные языки в силу своей предметной ориентированности и соответственно абстрактности (общности и отвлеченности от действительности) нередко позволяют исследовать и обсуждать такие закономерности, процессы и явления, которые на естественном языке обсуждать практически невозможно.

В европейской философской традиции испокон веков подчеркивалось несовершенство естественного языка, долгое время декларировалась его неспособность служить нуждам познания. На эту проблему, например, указывал Платон, в том числе в своем диалоге «Кратил»¹³⁶ – одном из первых сочинений европейской философии о языке. Поднималась эта проблема в

¹³² Бройль Л. По тропам науки. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. – С. 327.

¹³³ Цит. по: Мирский Э.М. «Онаучивание общества» и «общество, основанное на знаниях» // Михаил Константинович Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 212.

¹³⁴ Как сказал Б. Рассел, благом было то, что человечество не обрело языка, свободного от двусмысленностей; такой язык сделал бы подлинную коммуникацию невозможной. См.: Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999. – С. 21.

¹³⁵ Коськов С.Н. Рациональное и нерациональное в языке науки с позиции эпистемологического подхода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 185–186.

¹³⁶ Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. I. – М.: Мысль, 1990. – С. 613–681.

Средние века и в эпоху Возрождения¹³⁷. В Новое время проблема несовершенства естественного языка и его неприспособленности для нужд познания в связи с происходившей тогда рационализацией познания поднимались неоднократно. В Новейшее время эта проблема в каком-то смысле обострилась; по крайней мере, существенным образом радикализовались установки на понимание естественного языка как системы предрассудков и на построение идеального языка, трактуемого в качестве языка, этих предрассудков лишенного¹³⁸.

Следует отметить, что проблема состоит не только в несовершенстве и неприспособленности естественного языка для нужд познания¹³⁹, но и в том, что лишенный соответствующих недостатков идеальный язык не может быть введен в оборот, иначе как с помощью естественного языка¹⁴⁰. Трудность, однако, состоит в таком случае в том, что пороки естественных языков способны «пустить метастазы в идеальный язык»¹⁴¹. Если же идеальный язык все-таки удастся ввести вне опоры на естественный язык, то он, по всей видимости, будет никому не понятен¹⁴². Иными словами, естественный язык необходим искусственным языкам как основа, как почва, без которой они не могут произрастать, развиваться, осваиваться людьми и тем самым воспроизводиться.

Сущность этого противоречия уловил уже И.Г. Фихте¹⁴³; ощущали это противоречие в различных его вариациях самые разные мыслители:

¹³⁷ Медведев В.И. Язык как объект познания: Особенности наук о человеке // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 54.

¹³⁸ Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 133.

¹³⁹ Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. – 2005. – № 2 (47). – С. 13–26; Куслий П.С. Формальная семантика и естественный язык // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 106.

¹⁴⁰ Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 93–94.

¹⁴¹ Медведев В.И. *Указ. соч.* – С. 55.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же; Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии // Сочинения в двух томах. – Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 629.

М. Борн¹⁴⁴, Л. Витгенштейн¹⁴⁵, Г. Кантор¹⁴⁶, О. Нейрат¹⁴⁷, Б. Паскаль¹⁴⁸, Г. Фреге¹⁴⁹, У. Хьюэлл¹⁵⁰, А. Эйнштейн¹⁵¹. В конечном итоге, именно на

¹⁴⁴ Борн М. Физическая реальность // Успехи физических наук. – 1957. – Т. LXII. – Вып. 2. – С. 131.

¹⁴⁵ Так, в его «Лекциях по основаниям математики» читаем: «Мы говорим о доказательстве, что оно убеждает нас в логическом законе. – Но ведь доказательство должно с чего-то начинаться. А вопрос состоит как раз в том, что убеждает нас в тех исходных предположениях, с которых должно начинаться доказательство. Ведь для них нет никакого доказательства» (Витгенштейн Л. Лекции по основаниям математики. (Перевод фрагментов) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 3. Философия. – 1995. – № 3. – С. 169.).

¹⁴⁶ В записках Г. Кантора его биографы нашли следующую мысль: «Без крупицы метафизики... нельзя обосновать ни одну точную науку» (Цит. по: Мотрошилова Н.В. Г. Кантор и Э. Гуссерль: Взаимодействие идей // Horizon. Феноменологические исследования. – 2013. – № 2 (1). – С. 24.).

¹⁴⁷ Нейрат О. Протокольные предложения // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 227–228; Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 11, 18–19.

¹⁴⁸ Так, Б. Паскаль призывал к логической строгости при именовании вещей, но при этом указывал, что это требование в абсолюте является недостижимым, ибо не может быть распространено на «первые термины» и аксиомы (Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать // Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. – М.: Республика, 1994. – С. 436–437.). К «первым терминам» Б. Паскаль, например, относил такие термины, как «пространство», «время», «движение», «число», «равенство», «множество», «человек» (Там же. – С. 437.). Попытка дать им определение только запутывает дело, ведет к «затемнению их смысла». См. также: Грифцова И.Н. Проблемы языка, логики и коммуникации в концепции Пор-Рояля // Преподаватель. XXI век. – 2014. – № 4. – С. 226; Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Книга II // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLV. – № 3. – С. 228.

¹⁴⁹ Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 253.

¹⁵⁰ Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XL. – № 2. – С. 209; Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XLI. – № 3. – С. 226–229; Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 232–239; Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Книга II // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLV. – № 3. – С. 214; Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 238–239; Хьюэлл У. *Novum organon renovatum*: Предисловие, книга I. Афоризмы, касающиеся идей // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 2. – С. 188–189, 193. Так, У. Хьюэлл настаивал на неустранимости аксиоматического знания из точных наук; на недостаточности опытного и соответственно фактуального (фактографического) знания для возведения здания науки, а также на концептуальной нагруженности фактов, на наличии у фактов своего рода концептуальных слоев, к самим фактам не сводящихся.

¹⁵¹ Для него характерна мысль об отсутствии «прямого логического следования от фактов к теории» (Микешина Л.А. Социология и эпистемология: необходимость взаимодействия // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 4.).

невозможность возведения здания абсолютно искусственного языка указывает тезис П. Дюгема – У. Куайна.

Во второй половине XX века под влиянием постпозитивизма общим местом стало понимание того, что тот тип искусственного языка, которым грезили неопозитивисты, – «фактуальный язык», язык протокольных предложений, – принципиально недостаточен для нужд полноценного научного познания¹⁵²; научное познание нуждается в концептуальных языках, то есть (в данном случае) языках, не лишенных глубокой связи с метафизикой и естественными языками.

Показательна проблема, с которой в свое время столкнулся И.Г. Фихте. Он, в частности, пришел к выводу, что причина непонимания созданного им наукоучения имеет своей причиной то обстоятельство, что наукоучение приходится излагать на естественном языке. Вместе с тем, этой проблемы бы не возникло, если бы наукоучение было изложено на специально сконструированном для этого языке; однако, в таком случае наукоучение не понял бы никто¹⁵³. Таким образом, искусственный язык для своего превращения в идеальный язык стремится исключить из своего ареала естественный язык, однако при этом сущностно нуждается в опоре на него.

В XX веке логический позитивизм (например, в лице Б. Рассела и «раннего» Л. Витгенштейна) попытался построить некий идеальный язык. Однако на этом пути необходимо возникло противоречие. В этой связи В.И. Медведев отмечает: «Опираясь на достижения математической логики, логический позитивизм возродил надежды решить философские проблемы за счет построения особого языка. Но как убедиться, что какой-то язык является идеальным образом мира? Либо мы заранее знаем, какова структура мира, либо исходим из языка, признанного идеальным, и объявляем структурой

¹⁵² Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 162–185; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 296.

¹⁵³ Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии // Сочинения в двух томах. – Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 629.

мира то, что ему соответствует»¹⁵⁴. Таким образом, построение идеального языка наталкивается на ту проблему, что мы не можем вне какого-либо языка знать, какова структура мира; в известном смысле язык структурирует наш мир¹⁵⁵, поэтому введение идеального языка либо опирается на привычный нам естественный язык (и соответственно, на данную человеку интуицию), либо оказывается оторванным от реальности, и подтвердить соответствие идеального языка существу реальности оказывается невозможно. Таким образом, возникает то противоречие, что введение идеального языка опирается на метафизические суждения¹⁵⁶, от которых как от порочных

¹⁵⁴ Медведев В.И. *Указ. соч.* – С. 56. Б. Рассел и Л. Витгенштейн пошли по второму пути, тем самым поставив телегу впереди лошади. См. также: Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* // Витгенштейн Л. *Философские работы. Часть I.* – М.: Гнозис, 1994. – С. 19; Витгенштейн Л. *Tractatus logico-philosophicus* (с параллельными комментариями В. Руднева) // Витгенштейн Л. *Избранные работы.* – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 90–91; Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат.* – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 40, 46; Рассел Б. *Введение* // Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат.* – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 13, 29.

¹⁵⁵ Язык структурирует наш мир или нашу реальность, задает определенную онтологию. Соответствующих позиций придерживались, например, К. Айдукевич и Р. Карнап; представлены они в гипотезе лингвистической относительности (гипотезе Сепира–Уорфа); в различных своих вариациях обнаруживаются и обсуждаются (иногда довольно критически) у многих других мыслителей. См.: Витгенштейн Л. *Tractatus logico-philosophicus* (с параллельными комментариями В. Руднева) // Витгенштейн Л. *Избранные работы.* – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 87, 180–182, 215; Гаспарян Д.Э. Язык как собственная форма (Eigenform) и рекурсия означающих // *Философские науки.* – 2018. – № 8. – С. 125–143; Карнап Р. *Философские основания физики.* – М.: Прогресс, 1971. – С. 106; Касавин И.Т. *Познание и язык* // *Эпистемология и философия науки.* – 2011. – Т. XXX. – № 4. – С. 12; Лейбниц Г.В. *Сочинения в четырех томах.* – Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – С. 215–216, 249; Макеева Л.Б. *Язык и реальность* // *Логос.* – 2006. – № 6 (57). – С. 3–20; Макеева Л.Б. *Язык, онтология и реализм.* – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 8; Пашинина Д.П. *Влекомые языком* // *Философия науки.* – 2002. – Т. 8. – № 1. – С. 377–404; Уорф Б.Л. *Язык, сознание, и реальность* // *Эпистемология и философия науки.* – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 220–243; Харре Р. *Теория позиционирования* // *Вестник Удмуртского университета.* – 2007. – № 9. – С. 196. В широком смысле обсуждаемая позиция восходит к И. Канту. См.: Айдукевич К. *Картина мира и понятийный аппарат* // *Философия науки.* – 1996. – Т. 2. – № 1. – С. 231–236, 251–252; Макеева Л.Б. *Язык и реальность* // *Логос.* – 2006. – № 6 (57). – С. 6, 13–15; Ойзерман Т.И. *Развитие понятия философии в кантовской «Критике способности суждения»* // *Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов.* – 1991. – № 16. – С. 19.

¹⁵⁶ Макеева Л.Б. *Язык и реальность* // *Логос.* – 2006. – № 6 (57). – С. 4, 8; Нейрат О. *Протокольные предложения* // *Эпистемология и философия науки.* – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 226–228; Поппер К. *Логика научного исследования* // Поппер К. *Логика и рост научного знания. Избранные работы.* – М.: Прогресс, 1983. – С. 147–148; Рассел Б. *Человеческое познание: Его сфера и границы.* – К.: Ника-Центр, 1997. – С. 10; Харре Р.

логический позитивизм наивно предполагал избавиться¹⁵⁷. Осознавая это противоречие, Л. Витгенштейн закончил свой «Логико-философский трактат» ныне хорошо известным афоризмом: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»¹⁵⁸.

В своей наивной вере во всеислие логики неопозитивисты были чересчур идеалистичны и ступали на зыбкую почву критикуемой ими метафизики. Таково было внутреннее противоречие всего неопозитивистского движения.

Поздний Л. Витгенштейн (в своей последней работе «О достоверности») уже выдвигает так называемый «принцип дверных петель», состоящий, как известно, в следующем: «Для того чтобы сомневаться в чем-либо, необходимо, чтобы нечто при этом оставалось несомненным»¹⁵⁹. Иными словами, любой «идеальный» язык будет опираться на метафизические предпосылки, на какие-то «дверные петли». Не в последнюю очередь это касается и языка науки; наука и ее язык невозможны без полноценной метафизики, жизненно нуждаются в ней¹⁶⁰.

В попытке сделать идеальным и соответственно абсолютно объективным язык познания неопозитивисты упростили проблему

Конструктивизм и реализм // *Философия науки и техники*. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 63–64.

¹⁵⁷ Макеева Л.Б. *Язык, онтология и реализм*. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – С. 64; Медведев В.И. *Указ. соч.* – С. 56. Понимание этой коллизии можно обнаружить уже у И.Г. Фихте (Фихте И.Г. *О понятии наукоучения, или так называемой философии* // Фихте И.Г. *Сочинения. Работы 1792–1801 гг.* – М.: Ладомир, 1995. – С. 239–243.), признававшего, что «всякий язык совершенно произволен в своей исходной точке» (*Там же*. – С. 243.).

¹⁵⁸ Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат*. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с.

¹⁵⁹ Цит. по: Руднев В.П. *Текст и реальность: направление времени в культуре* // *Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы*. – М.: Территория будущего, 2007. – С. 36. См.: Витгенштейн Л. *О достоверности* // Витгенштейн Л. *Философские работы. Часть I*. – М.: Гнозис, 1994. – С. 385.

¹⁶⁰ Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. *Априоризм Хьюэлла и позитивизм Конта: конфликт коммуникации в условиях предметного консенсуса* // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. – 2018. – Т. 1. – № 3. – С. 82–94; Robus O.M. *Does science license metaphysics?* // *Philosophy of science*. – 2015. – Vol. 82. – № 5. – P. 845–855.

взаимосвязи субъекта и познаваемой им реальности¹⁶¹. В итоге неопозитивистский проект потерпел поражение; его «ультраобъективистский уклон» сменился субъективистским уклоном постпозитивизма¹⁶²; свойственный неопозитивизму «эпистемологический оптимизм» стал развеиваться. Одной из радикальных версий постпозитивизма стал «методологический анархизм» П. Фейерабенда, утвердивший нас в том, что, как теперь известно, «в принимаемом ученым теоретико-методологическом “багаже” многое остается неопределенным, двусмысленным и неизвестным, а если и известным, то трудно проверяемым»¹⁶³. В конечном счете, то, что требует определения в науке, но не может быть определено исключительно логически, определяется факторами не столько логическими, сколько внелогическими, в том числе социальными.

Как следствие, естественный и искусственный языки в науке как бы переплетаются, возможно, перерастают друг в друга. Формальная логика имеет большое значение для организации языка науки, однако к ней язык науки никак не сводится; по сути, помимо формальной логики науки, существует и имеет значение так называемая неформальная логика науки¹⁶⁴.

¹⁶¹ Патнэм Х. Ценности: создает ли их человек или находит? // *Философские науки*. – 2011. – № 12. – С. 99; Чешев В.В. Проблема познания в философии. – Томск: Том. архит.-строит. ун-т, 2003. – С. 179–180; Harre R. The Social Ingredients in All Ways of Acquiring Reliable Knowledge // *Эпистемология и философия науки*. – 2016. – Т. XLVII. – № 1. – Р. 69–72.

¹⁶² Руднев В.П. Философия шизофрении // Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2007. – С. 508.

¹⁶³ Огурцов А.П. Этнос науки и риторика (От нормативного разума к коммуникативной рациональности) // *Личность. Культура. Общество*. – 2005. – Вып. 3 (27). – С. 120.

¹⁶⁴ Там же. – С. 117–135. Неформальная логика науки перемежается с теорией аргументации и риторикой науки; к ней могут быть отнесены «методологический анархизм» П. Фейерабенда и философия С. Тулмина. См.: Васюков В.Л. Логическая реконструкция философских текстов // *Философский текст в современной текстовой культуре: Материалы всероссийской конференции*, Судак, пос. Новый Свет, 18–20 сентября 2018 года / Под ред. О.В. Зарапина. – Судак, пос. Новый Свет: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 146–149; Грифцова И.Н. Соотношение формальной и неформальной логики: философско-методологический анализ: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. – М., 1999. – 42 с.; Грифцова И.Н. О возможности трактовки неформальной логики как прикладной эпистемологии // *Преподаватель. XXI век*. – 2013. – № 3. – С. 251–257; Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 165–167; Порус В.Н. Цена «гибкой» рациональности (о философии науки Ст.Тулмина) // *Философия науки*. – Вып. 5: Философия науки в

На несводимость науки и ее языка к формальной логике косвенно указывает полемика по основаниям математики. Если уж математика как наиболее формализованная наука и как наука, которая в известном смысле (наравне с логикой) конституирует научное знание, не сводится к логике, то что уж говорить о науке вообще. Научное знание гораздо сложнее и противоречивее, нежели это может показаться на первый взгляд.

В конечном итоге, составляющие язык науки эпистемические объекты (например, понятия) нельзя считать абсолютно искусственными и функционирующими в строгом соответствии с формальной логикой. Так или иначе, свой отпечаток на них накладывает неустранимая метафизичность познания и его зависимость от естественного языка. В этой связи обращение к феномену концепта (наравне с феноменом понятия) приобретает дополнительный смысл, ибо концепт (в отличие от научного понятия) ставится в зависимость от норм формальной логики и иных искусственных языков значительно меньше.

1.4. Понятие как элемент языка науки

Когда-то Г. Фреге пронизательно заметил, что ошибочно рассматривать математические символы в качестве объектов математических исследований¹⁶⁵. Математические символы – средство, с помощью которых обозначены те или иные математические объекты¹⁶⁶. Аналогичным образом в науке понятия являются обозначениями тех или иных абстрактных

поисках новых путей. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 229–230; Сорина Г.В., Грифцова И.Н. Трансдискурсивный, коммуникативный характер аристотелевской логики: логика и теология // Ценности и смыслы. – 2016. – № 4 (44). – С. 83–93; Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.; Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Вып. 1 (21). – С. 303–308; Gross A.G. The Rhetoric of Science. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1996. – 284 p.; Toulmin S. Rationality & Reasonableness: from Propositions to Utterances // Revue Internationale de Philosophie. – 1996. – Vol. 50. – № 196. – P. 297–305.

¹⁶⁵ Фреге Г. Целое число // Философия науки. – 2004. – № 2 (21). – С. 100.

¹⁶⁶ Там же.

объектов¹⁶⁷, по сути – смыслов¹⁶⁸. В свою очередь, понятия обозначаются с помощью терминов. В этом плане было бы ошибкой путать (или отождествлять), во-первых, *термины*, во-вторых, обозначаемые терминами *понятия* и, в-третьих, обозначаемые понятиями *семантические объекты*. Положение о различении этих сущностей, вообще говоря, принципиально¹⁶⁹.

Классическая теория понятий предполагает, что понятие имеет две взаимосвязанные характеристики – интенциональную (интенционал, содержание понятия) и экстенциональную (экстенционал, объем понятия). Экстенционалом понятия является множество конкретных объектов, подпадающих под понятие, а интенционалом – совокупность предикатов (свойств), каждому из которых удовлетворяет каждый из объектов, составляющих его экстенционал.

Итак, понятие L формально может быть охарактеризовано как совокупность связанных между собой интенционала I и экстенционала E :

$$L = (I, E),$$

причем интенционал I представляет собой множество предикатов

$$I = \{p_i\}_{i=1}^n \equiv \{p_1, p_2, \dots, p_n\},$$

где p_i – i -й предикат ($i = \overline{1, n}$), n – количество предикатов, то есть мощность интенционала ($\text{card}(I) = n$); а экстенционал E представляет собой множество объектов, удовлетворяющих всем n предикатам множества I :

$$E = \{e_i\}_{i=1}^m \equiv \{e_1, e_2, \dots, e_m\},$$

где e_i – i -й объект экстенционала ($i = \overline{1, m}$), m – количество объектов экстенционала, то есть его мощность ($\text{card}(E) = m$). С одной стороны, любой объект, входящий в экстенционал, удовлетворяет всем условиям, составляющим интенционал. С другой стороны, все предикаты,

¹⁶⁷ Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 233–234.

¹⁶⁸ Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания: От теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. – М.: ИФ РАН, 2015. – С. 42.

¹⁶⁹ Брасье Р. Понятия и объекты // Логос. – 2020. – Т. 27. – № 3. – С. 227–260; Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. – 2005. – № 3 (48). – С. 144–145.

составляющие интенционал, удовлетворяют только объектам, составляющим экстенционал и никаким объектам сверх этого. В этом смысле интенционал и экстенционал должны взаимоднозначно определять друг друга.

Существо формально-логического понимания понятия таково, что его интенционал и экстенционал имеют четкие границы¹⁷⁰. Все это означает, что в отношении любого объекта действительности можно однозначно сказать, подпадает ли он под понятие (то есть удовлетворяет ли предикатам множества I и соответственно входит ли в состав объектов множества E). Более того, однозначно можно сказать, какая совокупность предикатов служит совокупностью условий, разграничивающих все объекты действительности на:

- а) удовлетворяющие условиям множества I объекты множества E и
- б) неудовлетворяющие хотя бы одному из условий множества I все остальные объекты (то есть объекты множества $\bar{E} \equiv -E$).

Понятие разграничивает все объектное пространство на две части: подпадающие под понятие объекты (объем понятия) и объекты, под понятие не подпадающие¹⁷¹. По сути, это разграничение и есть понятие; в каком-то смысле разграничение является базовым объектом теории понятий¹⁷².

В общем случае, изменение интенционала влечет изменение экстенционала¹⁷³, что фиксируется в форме закона об обратном отношении между объемом и содержанием понятия.

¹⁷⁰ На этом принципиально настаивал Г. Фреге. См.: Фреге Г. Функция и понятие // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 223–224; Бирюков Б.В. Послесловие. В логическом мире Фреге // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 457, 460, 476.

¹⁷¹ Луман Н. Истина. Знание. Наука как система. – М.: Логос, 2016. – С. 295–296.

¹⁷² В этом вопросе следует опираться на теории Дж. Спенсера Брауна и Н. Лумана. См.: Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – С. 68–93; Spenser Brown G. Laws of Form. – N.Y.: The Julian Press, Inc., 1972. – P. V.

¹⁷³ В ряде частных случаев этого может и не происходить. Так, далеко не всякое увеличение числа предикатов сокращает количество объектов, составляющих экстенционал. Допустим, понятие, фиксируемое термином «тело, имеющее массу 1 кг», и понятие, фиксируемое термином «тело, имеющее массу 1 кг и при этом такое, масса которого не равна 2 кг», имеют один и тот же экстенционал.

Понятия позволяют делать утверждения не об отдельных объектах, а о множествах объектов и соответственно о множествах предикатов, тем самым реализуя установку на генерализацию (обобщение) явлений действительности.

Экстенционал понятия могут составлять не только реально существующие объекты, но и объекты гипотетичные, то есть такие, существование которых предполагается или допускается в качестве возможного¹⁷⁴. В любом случае, в науке нередко предметами понятий оказываются «идеализированные предметы действительности (“абсолютно упругое тело”, “идеальный газ”, “материальная точка” и т. п.); идеальные предметы (“земной меридиан”, “сила”), абстрактные объекты (характеристики реальных предметов или множеств предметов, отвлеченные от них и ставшие самостоятельными объектами мысли, результаты изолирующего абстрагирования – пространство, время, упругость, числа, геометрические фигуры и т. п.)»¹⁷⁵.

В науке немало понятий, на объект которых нельзя указать как на нечто чувственно воспринимаемое¹⁷⁶; такой объект не воспринимается (не дан) при помощи органов чувств, в силу чего соответствующие понятия осваиваются нами только в контексте совокупности предложений языка¹⁷⁷ и нуждаются в других понятиях достаточно высокого уровня абстрактности. Более того, есть основания полагать, что по мере развития научного знания уровень абстрактности используемых им понятий стремительно возрастает¹⁷⁸.

¹⁷⁴ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – С. 95.

¹⁷⁵ Там же. – С. 100.

¹⁷⁶ К числу таких объектов следует отнести молекулы, гены, фотосинтез и т.п. См.: Гаспарян Д.Э. Проблема воплощенных и символических понятий в контексте машинной формализации семантики // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2017. – № 3. – С. 40; Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 30–31.

¹⁷⁷ Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 30–31.

¹⁷⁸ Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). – М.: ИФ РАН, 2004. – С. 217; Мамчур Е.А., Скорупская Ю.Г. Виртуальные миры искусства и науки: Проблема референции // Философские науки. –

На цели абстракций и идеализаций в языке науки указывал К. Айдукевич¹⁷⁹. Он, в частности, отмечал: ни один газ не является идеальным, однако введение в оборот такого рода идеализаций (идеальных объектов) позволяет приблизиться к познанию действительности¹⁸⁰. По сути, речь идет о том, что идеализация и абстракция позволяют более или менее успешным образом моделировать реальность¹⁸¹. Ряд идеализаций выступает своего рода точкой отсчета («нулевой точкой»), соотнесение реального объекта с которой существенным образом упрощает понимание законов функционирования реального объекта¹⁸².

Академик Т.И. Ойзерман отмечал, что в античности уже Евклид успешно применил идеализирующее абстрагирование, во многом определив дальнейшее развитие математики и в какой-то мере философии¹⁸³; а в Новое время математики (да и представители других наук) вообще «постоянно создавали понятия, лишённые физического (в широком смысле этого слова)

2007. – № 7. – С. 40; Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – С. 17–18; Павлов А.В. Дискурс и его логика: Рождение науки из духа улицы // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 16.

¹⁷⁹ Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. – 1996. – Т. 2. – № 1. – С. 252–253.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 55, 72–75; Печенкин А.А. От радиотехники к теоретической физике (предметно-практические основания знания) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2007. – № 1. – С. 36–45; Печенкин А.А. Проблема редукции химии к физике: Диалектика vs аналитическая философия // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XL. – № 2. – С. 157–173; Соколова Т.Д. Философия науки Уильяма Хьюэлла и априоризм Иммануила Канта // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 2. – С. 181; Харре Р. Конструктивизм и реализм // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 58–60; Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 224–225.

¹⁸² Так, первый закон И. Ньютона, постулирующий связь между инерциальным движением и полной уравновешенностью действующих на тело сил, служит своего рода принципом равновесия, отталкиваясь от которого, можно исследовать более общие ситуации, то есть такие, в которых движение тела неинерциально, а действующие на него силы не уравновешены.

¹⁸³ Ойзерман Т.И. Развитие понятия философии в кантовской «Критике способности суждения» // Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов. – 1991. – № 16. – С. 20.

содержания»¹⁸⁴. К числу примеров понятий подобного рода можно отнести одно из ключевых понятий математического анализа, в частности понятие бесконечно малой. В данном случае показательным представляется то, что с помощью данного понятия в математике кодируется «не какая-либо реальная, измеримая величина, а определенный математический подход к решению задач, которые, как правило, неразрешимы без применения этого, по существу, конвенционального понятия»¹⁸⁵. Указанное понятие не просто конституирует некоторый абстрактный объект, но посредством него задает подход к решению определенного класса математических задач, метод, то есть выступает не только идеализацией, но и «геномом» некоторого становящегося научного метода. Так, в теории К. Маркса таким «геномом» являлось понятие труда. Ключевое понятие теории (то, что образно можно назвать «геномом») оказывается не просто некоторым семиотическим средством в ряду себе подобных, а своего рода «прототеорией», «микротеорией». Ключевое понятие теории как бы управляет ее дальнейшим развитием, задает логику ее генезиса¹⁸⁶.

Коль скоро экстенционал понятия могут составлять абстрактные (в том числе возможные и/или гипотетичные) объекты, то нет ничего удивительного в том, что понятия могут отрываться от действительности. Как следствие, возможны понятия с нулевым экстенционалом, как, например, понятия вечного двигателя, вечного двигателя первого рода, вечного двигателя второго рода¹⁸⁷.

¹⁸⁴ Там же. – С. 20–21.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ В этой связи нелишне вспомнить марксистский метод восхождения от абстрактного к конкретному, ведь при построении теории он требует оттапливаться от конкретной абстракции, в которой бы подобно геному живой клетки в потенции бы скрывались все существенные черты объекта исследования. См.: Майданский А.Д. «Культурная психология» Л.С. Выготского в оптике Спинозы и Маркса // Культурно-историческая психология. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 128.

¹⁸⁷ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – С. 96.

По сути, объекты понятий можно трактовать в духе теории типов Б. Рассела¹⁸⁸.

В частности, объектами понятий могут служить¹⁸⁹:

- *предметы первого уровня* – индивидуальные объекты (индивиды) любой природы, рассматриваемые без учета их внутренней структуры;
- *предметы второго уровня* – рассматриваемые в качестве предметов мысли свойства и отношения индивидов, множества и системы индивидов.

В общем случае, если в рассмотрение введены предметы i -го уровня, предметами $(i + 1)$ -го уровня будут «свойства предметов i -го уровня, отношения, аргументами которых являются предметы i -го и, возможно, предметы более низких уровней, множества и системы, состоящие из предметов i -го и, возможно, также более низкого уровня»¹⁹⁰.

Экстенционал понятия с течением времени может изменяться, причем это возможно даже без явных изменений в его интенционале. Так, объем понятия, заданного термином «человек, побывавший в космосе» до 1961 года был нулевым, а с 1961 года стал увеличиваться.

Вместе с тем, изменениям могут подвергаться не только экстенционалы, но и интенционалы. Понятия и их интенционалы могут претерпевать изменения, причем как эволюционные, так и революционные¹⁹¹. Примером тому может служить переход от классической модели атома к квантово-механической его модели и соответствующая этому

¹⁸⁸ О теории типов см.: Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // *Философия науки*. – 2003. – № 3 (18); Рассел Б. Основания математики. Приложение В. Теория типов // *Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология*. – 2008. – № 1 (2). – С. 123–125.

¹⁸⁹ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – С. 101; Маркин В.И. Понятие // *Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 720.

¹⁹⁰ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – С. 101.

¹⁹¹ Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – С. 26; Луман Н. Эволюция науки // *Эпистемология и философия науки*. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 215–233; Пирс Ч. *Grammatica Speculativa* // Пирс Ч. Начала прагматизма. – Т. 2. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований филос. факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – С. 42; Харре Р. Юм и физики // *Эпистемология и философия науки*. – 2012. – Т. XXXII. – № 2. – С. 28.

переходу смена понятий¹⁹². Подобного рода переходы нередко описывают с помощью принципа соответствия, согласно которому модификация (уточнение) старой теории приводит к тому, что она становится частным случаем новой теории¹⁹³. Как представляется, понятия старой теории и понятия новой теории могут вступать между собой в достаточно глубокие противоречия.

Несмотря на изменчивость реальных понятий¹⁹⁴ с течением времени, в формальной логике к их устойчивости и статичности предъявляются довольно строгие требования¹⁹⁵. В контексте конкретного исследования, ориентированного на соблюдение норм формальной логики, понятия должны обладать строго фиксированным содержанием и соответственно быть жесткими, однако на более высоких этажах научного знания ситуация с жесткостью понятий имеет принципиально более сложный характер. С течением времени научные понятия претерпевают изменения. Примеры

¹⁹² Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – С. 163. О проблеме несоизмеримости понятий различных теорий см.: Oberheim E. On the historical origins of the contemporary notion of incommensurability: Paul Feyerabend's assault on conceptual conservatism // *Studies in History and Philosophy of Science*. – 2005. – Vol. 36. – P. 363–390.

¹⁹³ Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – С. 164–166; Войшвилло Е.К. Принцип соответствия как форма развития знаний и понятие относительной истины. Критика концепции несоизмеримости сменяющих друг друга теорий // *Логика и В.Е.К.: сб. науч. тр.: К 90-летию со дня рождения проф. Войшвилло Евгения Казимировича*. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 11–15.

¹⁹⁴ Рорти Р. Мозг как компьютер, культура как программа // *Эпистемология и философия науки*. – 2005. – Т. IV. – № 2. – С. 23, 35; Хьюэлл У. *Novum organon renovatum: Предисловие, книга I. Афоризмы, касающиеся идей* // *Эпистемология и философия науки*. – 2018. – Т. 55. – № 2. – С. 205.

¹⁹⁵ Буданов В.Г. Принципы синергетики и язык // *Философия науки*. – 2002. – Вып. 8. – С. 340–341; Ивлев Ю.В. Логика и реальность // *Философия и общество*. – 2007. – № 3. – С. 165–174; Ивлев Ю.В. Логико-методологические критерии научности и ненаучности знания // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. – 2008. – № 5. – С. 40–45; Пирс Ч. Что есть прагматизм? // Пирс Ч. *Начала прагматизма*. – Т. 1. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований филос. факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – С. 158–159; Пирс Ч. *Grammatica Speculativa* // Пирс Ч. *Начала прагматизма*. – Т. 2. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований филос. факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – С. 42–46; Хьюэлл У. *Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю* // *Эпистемология и философия науки*. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 225–226, 234–238; Хьюэлл У. *Novum organon renovatum: Предисловие, книга I. Афоризмы, касающиеся идей* // *Эпистемология и философия науки*. – 2018. – Т. 55. – № 2. – С. 205.

такого рода изменений являют в своих исследованиях Д. Блур¹⁹⁶, М. Джеммер¹⁹⁷, И. Лакатос¹⁹⁸, Г.П. Щедровицкий¹⁹⁹.

Осмысливая феномен изменчивости реальных научных понятий, приходится признать, что они не только эволюционируют во времени, но и нередко конкурируют между собой²⁰⁰, в силу чего реальный язык научного познания много сложнее, чем те представления, которые нам предписывают принципы формальной логики.

1.5. Теория «семейных сходств» Л. Витгенштейна и общий взгляд на феномен понятия

Поворот в развитии учения о понятии связан с творчеством Л. Витгенштейна, которое в существенной мере отвечало некоторым значимым тенденциям развития научного знания XX века. В частности, мы имеем в виду то, что надежды и ожидания, связываемые с формализацией научно-философского знания, стали слабеть, что отчасти происходило под воздействием философского осмысления теоретических результатов К. Геделя и основных идей релятивистской и квантовой механики²⁰¹, а также нескольких веков развития теории вероятностей и успехов статистической

¹⁹⁶ Блур Д. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 154–162.

¹⁹⁷ Джеммер М. Понятие массы в классической и современной физике. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 252 с.; Jemmer M. Concepts of Space: A History of Theories of Space in Physics. – Cambridge: Harvard University Press, 1954. – 196 p.; Jemmer M. Concepts of Force: A Study in the Foundations of Dynamics. – Cambridge: Harvard University Press, 1957. – 269 p.

¹⁹⁸ Лакатос И. Доказательства и опровержения (Как доказываются теоремы) // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 27–198; Лакатос И. Дедуктивистский versus эвристический подход // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 20. – № 2. – С. 210–225.

¹⁹⁹ Щедровицкий Г.П. О некоторых моментах в развитии понятий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 577–589.

²⁰⁰ Печенкин А.А. Понятие вероятности в математике и физике (дискуссии 1920–30-х гг. в СССР) // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 202–218.

²⁰¹ Так, понятия привычного нам языка (включая понятия пространства, скорости, места и времени) оказываются некорректными при соприкосновении с принципиально новым опытом, который явили миру теория относительности и квантовая механика. См.: Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – С. 212–221.

физики. Благодаря развитию науки и философии стало ясно, что формальная логика имеет весьма ограниченное применение в развитии научного знания и в описании мира вообще. Поздний Л. Витгенштейн уловил и выразил именно этот дух своего времени, хотя на раннем этапе своего творчества грезил идеями излечения языка от метафизики и построения идеального языка.

В «Философских исследованиях»²⁰² он предложил для интерпретации существа понятий теорию «семейных сходств». В общих чертах суть этой теории состоит в том, что любое понятие обозначает «семейное сходство» подпадающих под него объектов. По сути, «семейное сходство» как дескриптивный инструмент пришло на смену обобщению, классу, родовидовым отношениям²⁰³. Иными словами, Л. Витгенштейну стало ясно, что реальное понятие может быть зафиксировано только в «семейных сходствах», но не в «общих свойствах»²⁰⁴, как это считалось раньше.

Идея семейного сходства оказалась весьма эвристичной и ее стали применять для анализа разных явлений и проблем²⁰⁵. Идеи, близкие к ней по сути, можно обнаружить в исследованиях Л.С. Выготского. Речь, в частности, идет об идеях фамильного имени и мышления в комплексах²⁰⁶.

Приглядимся к изменениям, предложенным Л. Витгенштейном, более внимательно. Если классическая формально-логическая теория понятий, восходящая к Аристотелю, определяла понятия через род и видовое отличие, то витгенштейнова теория «семейных сходств» рисовала принципиально иную картину понятия. У Витгенштейна понятие обозначает собой не *вид* и

²⁰² Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 220–546.

²⁰³ Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 224–225.

²⁰⁴ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 28.

²⁰⁵ Bloor D. Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge. – N.Y.: Columbia University Press, 1983. – 213 p.; Henderson G.P. The Concept of Ugliness // British Journal of Aesthetics. – 1964. – Vol. 4. – № 3. – P. 218–229; Morgan D.L. Living within blurry boundaries: The value of distinguishing between qualitative and quantitative research // Journal of mixed methods research. – 2016. – Vol. 10. – № 1. – P. 268–279.

²⁰⁶ Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Психология развития человека. – М.: Смысл; Эксмо, 2006. – С. 664–1019.

не множество соответствующих виду объектов, а «*семейное сходство*». Если предлагаемая Аристотелем и уж тем более Г. Фреге картина понятия была формально-логической, то Л. Витгенштейн смещает акценты с формально-логического рассмотрения сущности феномена понятия в сторону неформально-логического²⁰⁷. Так, «семейные сходства» не могут быть четко выявлены²⁰⁸, в силу чего ни интенционал, ни экстенционал понятия в общем случае четких границ не имеют.

Понятие, трактуемое в духе теории Г. Фреге, строго очерчено (строго ограничено)²⁰⁹, тогда как реальное понятие расплывчато, четких границ в общем случае не имеет и иметь не может²¹⁰. В силу того, что в реальном употреблении слово (или даже термин) дефиниции и предела (четких границ) не имеет²¹¹ (хотя при этом обеспечивает некоторую устойчивость языка и присущий ему ненулевой коммуникативный потенциал)²¹², трактуемое в духе теории «семейных сходств» понятие оказывается более реалистичным, нежели понятие, трактуемое в духе теории Г. Фреге²¹³. Более того, становится ясно, что устойчивость языка и его коммуникативные возможности обеспечиваются не ценой как можно более жестких и строгих

²⁰⁷ Bambrough R. Universals and Family Resemblances // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). – 1961. – Vol. 61. – P. 209.

²⁰⁸ Витгенштейн Л. Голубая книга // Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 361.

²⁰⁹ Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 250; Фреге Г. Введение в логику // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 306; Бирюков Б.В. Введение. Готтлоб Фреге: современный взгляд // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 33; Бирюков Б.В. Послесловие. В логическом мире Фреге // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 457, 460, 476.

²¹⁰ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 32–34.

²¹¹ «Слово живет не проводимой вокруг него условной изгородью, а вносимой им разницей между светом и тьмой» (Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 358.).

²¹² Там же. – С. 352–353.

²¹³ Бартли III У.У. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1993. – С. 244–247.

(формальных, точных и т.д.) определений входящих в него терминов²¹⁴, а чем-то принципиально иным²¹⁵.

Любое реальное понятие как бы текуче, причем его текучесть столь принципиальна, что кодируемый с его помощью объект в каком-то смысле флуктуирует между бытием и небытием²¹⁶.

Иллюзией и источником метафизики согласно Л. Витгенштейну оказывается та аксиома (идеализация), согласно которой всем подпадающим под понятие объектам присуще некоторое общее свойство²¹⁷, *общее* как таковое²¹⁸. Формальное учение о понятиях, предложенное Г. Фреге, Л. Витгенштейну представлялось метафизическим, виделось следствием заблуждения²¹⁹, в том числе склонности «искать нечто общее во всех сущностях, которые мы обычно подводим под общий термин»²²⁰. По сути, по

²¹⁴ См. пример со шваброй в п. 60 «Философских исследований», указывающий на то, что уточнение понятия швабры (по крайней мере, уточнение сверх некоторого предела) не уточняет, а лишь затуманивает нашу мысль и нашу речь. Сходным образом рассуждал Б. Паскаль, когда критиковал платоновское понятие человека как двуногого и не имеющего перьев животного (Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать // Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. – М.: Республика, 1994. – С. 437.). Впрочем, критиковалось платоновское понятие человека уже в античности. Так, можно вспомнить Диогена Синопского, ошипавшего петуха и предъявившего его в качестве платоновского человека (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 226.). Оказалось, что попытка дать строгое определение понятию человека скорее ведёт к несурзнице, нежели к четкому выражению содержания мысли, касающейся существа человека как такового.

²¹⁵ Бартли Ш У.У. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1993. – С. 244–247.

²¹⁶ Бибахин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 355, 361.

²¹⁷ Там же. – С. 348–351; Витгенштейн Л. Голубая книга. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 33–37.

²¹⁸ Если в духе классической теории понятий это *общее* можно отождествить с *существенным* и даже *сущностным* (См.: Кассирер Э. Познание и действительность. – М.: Юрайт, 2018. – С. 13–17.), то у Л. Витгенштейна это общее признается уже не только несущественным, но и вовсе несуществующим (по крайней мере, для достаточно сложных и реалистичных понятий).

²¹⁹ Витгенштейн Л. Голубая книга // Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 46–47.

²²⁰ Там же. – С. 46. См. также: Vambrough R. Universals and Family Resemblances // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). – 1961. – Vol. 61. – P. 207–222; Griffin N. Wittgenstein, Universals and Family Resemblances // Canadian Journal of Philosophy. – 1974. – Vol. 3. – № 4. – P. 635–651.

отношению к феномену понятия Л. Витгенштейн занимал номиналистическую позицию, тогда как Г. Фреге – реалистическую.

В качестве одного из примеров, разъясняющих суть своей теории, Л. Витгенштейн приводит понятие игры²²¹. Так, ничего общего всем играм ввиду их разнообразия не свойственно; есть лишь перемежающиеся «семейные сходства», обнаруживаемые нами между играми, группами игр и т.д. и т.п.²²² «...Мы видим сложную сеть подобий, накладывающуюся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом»²²³.

Естественно, границы и содержание понятия в таком случае зависят от субъекта. Каждый субъект сам и на свой манер наделяет тот или иной термин интенциональным и экстенциональным содержанием. В этой связи В.В. Бибахин замечает: «Значение слова *игра* ограничено... не множеством наблюдаемых форм поведения, а моей способностью или неспособностью видеть семейное сходство. Возможно состояние, в котором всё повернется ко мне аспектом игры, и другое, когда я не увижу игры ни в чем. Всё может показаться войной (Гераклит), глупостью (Эразм Роттердамский), цинизмом (Слотердаик). Красота, игра, война, глупость, цинизм и т. д. образуют нити, или цвета, нашей формы жизни, могущие окрасить собой все поле нашего зрения»²²⁴. В конечном итоге, выявление семейных сходств в существенной мере обуславливается познающим субъектом, в том числе его кругозором, когнитивными способностями, жизненным опытом, уровнем образования, интеллектуальным багажом, профессией, психоэмоциональным состоянием и множеством других разнообразных факторов.

²²¹ В современной литературе можно найти немало других примеров, касающихся теории «семейных сходств». См.: Оглезнев В.В. Проблемы определения кластерных понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 51. – С. 70–78; Weiskopf D.A. Anthropie Concepts // NOÛS. – 2018. – Vol. 54. – № 2. – P. 451–468.

²²² См. п.п. 66–67 «Философских исследований».

²²³ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 266.

²²⁴ Бибахин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 350.

«В отличие от обобщения, опирающегося на фиксацию объективно наблюдаемых признаков, семейное сходство может быть опознано или не опознано»²²⁵. Семейное сходство подлежит «улавливанию» и, вместе с тем, оно «неуловимо»²²⁶. Семейное сходство – это трудноуловимый намек и ничего более; этот намек может быть распознан (обнаружен и разгадан), а может остаться нераспознанным (необнаруженным и неразгаданным).

Объекты, составляющие объем трактуемого в духе теории «семейных сходств» понятия, находятся в отношениях примерно такого характера: объект *A* сходен с объектом *B*, объект *B* сходен с объектами *C* и *D*; объект *C* сходен с объектом *E* и т.д. и т.п.²²⁷ Налицо сеть сходных объектов, составляющих некоторое понятие. Также налицо сеть сходств, обнаруживаемых между объектами²²⁸. В этом смысле теорию Л. Витгенштейна можно рассматривать как сетевую; в его понятии как бы нет центра (оно полицентрично или ацентрично); оно носит сетевой, а, может быть, и ризоматичный характер. Кроме того, витгенштейнова трактовка значения понятия является деятельностной трактовкой, ибо в ней акцентируется внимание на том, что понятие связано с языковой игрой, описывающей некую неязыковую деятельность²²⁹. Значение понятия не только носит сетевой характер, но и обретается в конкретной языковой ситуации, в некоторой языковой игре и вообще в деятельности.

²²⁵ Там же. – С. 350.

²²⁶ Там же. – С. 350–351.

²²⁷ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – С. 270–271; Левин Г.Д. Теория конкретно-всеобщего // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 90; Bambrough R. Universals and Family Resemblances // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). – 1961. – Vol. 61. – P. 209–211.

²²⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 266–267; Barnes B. The Conventional Component in Knowledge and Cognition // Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge and Science. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2009. – P. 151–174.

²²⁹ Касавин И.Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения) // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 5–28.

Понятия, подчиняющиеся теории «семейных сходств», нередко называют кластерными²³⁰. Под кластерное понятие попадают конкретные объекты, но при этом в общем случае нет ни одного общего для всех них свойства. Если говорить в терминах классического подхода, такие понятия способны обладать объемом, но при этом не обладать содержанием²³¹.

В качестве примера понятий такого рода укажем на изучаемые медиками синдромы. Синдром – это закономерное сочетание симптомов, обусловленное некоторым патогенезом. Однако, симптом (тем более отдельно взятый) еще не есть заболевание и не обязательно является признаком, необходимым и достаточным для диагностирования заболевания, – более важна совокупность симптомов. Вместе с тем, в общем случае конкретный синдром может характеризоваться не всеми типичными для него симптомами, а только некоторыми из них; у разных пациентов совокупность симптомов может варьироваться, а сами симптомы могут быть дифференцированы по их выраженности. Установление наличия заболевания в случае синдрома может определяться не каким-то универсальным для заболевания критерием, а скорее примерной (ориентировочной) совокупностью конкретных симптомов в целом²³².

Проблематика кластерных понятий нашла множественные подтверждения в науке. Так, стало ясно, что понятия с нулевым содержанием и ненулевым объемом нередко составляют ядро научного знания²³³. В частности, именно в таком странном положении оказалась теория

²³⁰ Оглезнев В.В. Проблемы определения кластерных понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 51. – С. 70–78.

²³¹ Левин Г.Д. Теория конкретно-всеобщего // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 90.

²³² Витгенштейн Л. Голубая книга. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 45–46; Сорина Г.В. Коммуникативное пространство психологизма и антипсихологизма (на примере философии Л. Витгенштейна – раннего и позднего) // Пространство и Время. – 2015. – № 3 (21). – С. 51–60.

²³³ Левин Г.Д. Теория конкретно-всеобщего // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 90–91.

элементарных частиц²³⁴. Так, в своих лекциях Р. Фейнман указывал, что элементарные частицы не удается представить в качестве разных проявлений некой единой сущности, однако, в распоряжении физиков имеется некое множество элементарных частиц, не понятно как связанных и предоставляющих им огромную совокупность плохо связанной информации²³⁵. Если все химические элементы обладают тем общим признаком, что имеют зарядовое число (заряд ядра), по значению которого они, между прочим, дифференцированы, то в случае с элементарными частицами такого общего признака обнаружено не было²³⁶. Подобное положение вещей если и не доказывает теорию «семейных сходств», то, во всяком случае, усиливает ее аргументы.

Лишено содержания (но не объема) не только понятие элементарной частицы, но и понятие числа²³⁷. Будет ли это содержание когда-либо обнаружено и возможно ли такое обнаружение в принципе – вопрос открытый. В зависимости от ответа на него понятия, обладающие нулевым содержанием при ненулевом объеме, можно трактовать онтологически и эпистемологически. В первом случае нулевое содержание ряда ключевых научных понятий – отражение на уровне понятий объективного положения вещей, реалий окружающего нас мира, во втором – нулевое содержание

²³⁴ Там же. – С. 90.

²³⁵ Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. – Ч. 1–2. – М.: Мир, 1976. – С. 49–52.

²³⁶ Левин Г.Д. Теория конкретно-всеобщего // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 90–91.

²³⁷ Как можно интерпретировать позицию Л. Витгенштейна, он, например, задавался вопросом о том, что общего между различными классами чисел: действительными, отрицательными, рациональными, иррациональными, кардинальными, трансфинитными и т.п. См.: Там же. – С. 91–92; Биbihин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 351–352; Витгенштейн Л. Замечания по основаниям математики // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть II. – М.: Гнозис, 1994. – 213 с.; Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 266–267; Griffin N. Wittgenstein, Universals and Family Resemblances // Canadian Journal of Philosophy. – 1974. – Vol. 3. – № 4. – P. 640.

служит лишь следствием недостатка наших знаний о мире, который со временем будет в чем-то восполняться, а в чем-то нарастать²³⁸.

Наполнено кластерными понятиями и гуманитарное знание. Так, кластерным понятием оказалось понятие религии. Оказалось, что разнообразие религиозных практик, а также религиозных идеологий²³⁹, завязанность понятия религии на другие чрезвычайно метафизические понятия (например, на понятия посюстороннего и потустороннего миров, на понятие божественного и т.п.) делает понятие религии чрезвычайно сложным для того, чтобы можно было обойтись классическим учением о понятии²⁴⁰. Аналогичная ситуация возникла с понятием знания, ибо многообразие форм и видов знания ставит под сомнение возможность найти общий для всех форм и видов знания предикат²⁴¹. Сходная ситуация возникла с понятием науки в силу того, что оно представляет собой чересчур гетерогенное многообразие²⁴². Наконец, и многообразие философии, наличие в ней как рациональной, так и иррациональной традиций, наличие различных

²³⁸ Так, Л. Витгенштейн и Э.В. Ильенков трактовали проблему нулевого содержания понятий именно в онтологическом ключе. См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1974. – С. 250–253; Левин Г.Д. Теория конкретно-всеобщего // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 91.

²³⁹ В этой связи можно задаться, например, вопросом о том, считать ли буддизм *атеистической* религией, или все-таки к такой формулировке лучше не прибегать. Само собой, мы не станем погружаться в этот вопрос, а лишь укажем на его дискуссионность. См.: Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2006. – 508 с.; Ясперс К. Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагараджуна. – М.: ИФРАН, 2007. – С. 114.

²⁴⁰ Sauchelli A. The Definition of Religion, Super-empirical Realities and Mathematics // *Neue Zeitschrift für systematische Theologie und Religionsphilosophie*. – 2016. – Bd. 58. – H. 1. – P. 67–75.

²⁴¹ Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии // *Познание в социальном контексте*. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 6–36.

²⁴² Вархотов Т.А., Гавриленко С.М. История, наука и онтология // *Эпистемология и философия науки*. – 2015. – Т. XLVI. – № 4. – С. 249; Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // *Эпистемология и философия науки*. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 23; Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // *Логос*. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 29–62; Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // *Логос*. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 1–28; Bauer H.H. «Pathological science» is not scientific misconduct (nor is it pathological) // *Hyle: International Journal for the Philosophy of Chemistry*. – 2002. – Vol. 8. – № 1. – P. 5–20; Golinski J. Is It Time to Forget Science? Reflections on Singular Science and Its History // *Osiris*. – 2012. – Vol. 27. – № 1. – P. 19–36.

исторических традиций, разнообразие «интересов» философии, сделало невозможным формулирование трактуемого в духе классической теории понятий и вместе с тем исчерпывающего определения философии²⁴³.

В конечном итоге, «интенциональная пустота» понятий не мешает им составлять ядро науки²⁴⁴, использоваться в познавательном процессе и при этом служить эффективным средством научной коммуникации.

Реальные (в том числе научные) понятия могут не иметь трактуемого формально-логически содержания; хотя, конечно, их бессодержательность в формально-логическом плане отнюдь не указывает на их бессодержательность в познавательном плане. Иными словами, «бессодержательные» понятия вполне могут обладать существенным эвристическим потенциалом и вообще познавательным потенциалом.

В общем случае возможны понятия не только с ненулевыми объемом и содержанием, но и с нулевыми. Как интенционал, так и экстенционал могут иметь как ненулевые, так и нулевые значения. Таким образом, в зависимости от значений мощностей интенционала и экстенционала логические понятия можно подразделить на четыре вида – представим их в матричной форме с помощью следующей ниже таблицы (табл. 1).

Завершая параграф, перечислим значимые выводы «позднего» Л. Витгенштейна, представив их следующей совокупностью утверждений²⁴⁵:

1. Реальные понятия обладают нечеткими (размытыми) границами.
2. Значение слова определяется уникальными (в том числе случайными) условиями его применения.

²⁴³ Аргмакова А.А. Логический анализ языка науки в философии Рудольфа Карнапа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2013. – С. 89–94, 103–104; Carnap R. Replies and Systematic Expositions // The Philosophy of Rudolf Carnap. – Vol. XI. – La Salle, Illinois: Open Court, 1999. – P. 861–862.

²⁴⁴ Левин Г.Д. Теория конкретно-всеобщего // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 90–92.

²⁴⁵ При их формулировании мы опираемся на следующие сочинения: Бочкарев А.Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: pro et contra // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 253; Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – С. 312.

3. Связи между объектами, входящими в объем понятия, по преимуществу являются ассоциативными.

4. В реальных понятиях наблюдается варьирование «общих» признаков («многие общие черты исчезают, а другие появляются»²⁴⁶).

5. Отношения между объектами, входящими в объем понятия, структурированы «семейным сходством», подобием, родством.

6. Выявить объект, который был бы для понятия наиболее характерным, затруднительно, тем более что для разных людей и групп людей такие объекты нередко различны.

Таблица 1. Виды понятий

		$\text{card}(E) \geq 0$	
		$\text{card}(E) = 0$	$\text{card}(E) > 0$
$\text{card}(I) \geq 0$	$\text{card}(I) = 0$	Понятие с пустыми объемом и содержанием ²⁴⁷	Понятие с пустым содержанием и непустым объемом
	$\text{card}(I) > 0$	Понятие с пустым объемом и непустым содержанием	Понятие с непустыми объемом и содержанием

Все это не только подтверждает некоторую ирреалистичность классического учения о понятиях, но и указывает на небесспорность его применения в деле анализа языка науки. В свою очередь, теория «семейных сходств» столь сильно расширяет трактовку понятия, что оно в итоге в какой-то мере сближается со словом естественного языка. Подобное положение вещей задает иную, – постклассическую, – рамку для анализа языка науки.

²⁴⁶ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 265–266.

²⁴⁷ Предельным случаем понятия является понятие, обладающее нулевыми объемом и содержанием. Сразу же возникает вопрос, возможно ли такое понятие в принципе. Полагаем, что да, возможно, но ровно в том смысле, в каком возможно пустое множество или ноль. Понятие с нулевыми объемом и содержанием – это понятие, предполагающее, что множество объектов, составляющих его объем, пусто, равно как пусто множество утверждений, составляющих его содержание. По сути, это «нулевое» понятие.

1.6. Основные направления развития учения о понятии после Л. Витгенштейна

Идеи Л. Витгенштейна дали импульс к дальнейшему развитию учения о понятии. Благодаря этому возникло несколько новых направлений теории понятия. В этом параграфе мы кратко рассмотрим некоторые из наиболее актуальных в контексте нашего исследования направлений.

Одна из линий развития поствитгенштейновского учения о понятии состояла в разработке *теории нечетких множеств*, а далее, на ее основе, *нечеткой логики* и *теории лингвистической переменной*. Данное направление реализовывалось на стыке сразу нескольких дисциплин, в том числе логики и математики. Лидером этого направления был Л. Заде²⁴⁸. Благодаря предложенной им нечеткой логике и благодаря теории Л. Витгенштейна теоретическое обоснование получил феномен нечеткого понятия²⁴⁹.

Следует отметить, что само развитие науки XX века, в том числе явленное в достижениях квантовой механики и в теоретических результатах К. Гёделя и Л. Витгенштейна, потребовало частично перейти в научном познании от языка жестких / категоричных утверждений к языку нежестких / некатегоричных утверждений²⁵⁰, а также к более активному использованию модальностей и соответственно модальных операторов, придающих тот или

²⁴⁸ Заде Л. Тени нечетких множеств // Проблемы передачи информации. – 1966. – Т. II. – Вып. 1. – С. 37–38; Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976. – 165 с.; Заде Л.А. Нечеткие множества // Нечеткие системы и мягкие вычисления. – 2015. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 7–8; Zadeh L.A. Fuzzy logic – a personal perspective // Fuzzy Sets and Systems. – 2015. – Vol. 281. – P. 4–20.

²⁴⁹ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 30, 40–41.

²⁵⁰ В более широком контексте отметим, что для науки оказалось важным освоить переход от категорических суждений к некатегорическим, и наоборот, а также научиться управлять категоричностью суждений. Так, у участников научной коммуникации возникает необходимость «в одних случаях, по возможности точно передавать информацию, в других – быть некатегоричными, в-третьих – уменьшить ответственность за излагаемые данные» (Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2010. – С. 5.).

иной вес научным утверждениям²⁵¹. Причина такого перехода, по всей видимости, состояла в том, что невозможность достигнуть абсолютной истинности и объективности своих утверждений требовала от ученых снизить уровень претензий по части истинности и объективности суждений, а также осознать их приблизительность, относительность и неполную объективность²⁵². Нечеткая логика в определенной мере позволила формализовать и решить именно эту задачу.

Другим значимым направлением развития поствитгенштейновского учения о понятии стала *теория прототипов* («prototype theory»)²⁵³. Непосредственным импульсом к ее возникновению послужила теория «семейных сходств». Сама теория прототипов была выдвинута в 1970-е годы группой исследователей под руководством американского психолога Э. Рош²⁵⁴. По сути, была предложена теория категоризации, альтернативная классической (аристотелевской) теории. В частности, если классическая теория понятий предполагала искусственную категоризацию, то теория прототипов – естественную, то есть акцент в ней был сделан на том, как

²⁵¹ Касавин И.Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения) // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания* / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 24–25; Латур Б., Вулгар С. *Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию* // *Социология власти*. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 178–234. Модальности могут задаваться с помощью оборотов типа «Высоковероятно, что ...», «Не исключено ...», «По неподтвержденным данным ...» и т.п.

²⁵² В современной науке многое построено на приблизительности, в силу чего оказалось необходимым найти такие способы утверждений, которые бы при всей своей приблизительности, отвечали бы принципам объективности. Так, квантовая механика предполагает ситуацию, в которой заменяют «недостовверную констатацию события достоверной констатацией вероятности» (Марюхин А.П. *Непрямая коммуникация в научном дискурсе* (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2010. – С. 23.).

²⁵³ Лакофф Дж. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.; Fodor J. *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – 174 p.

²⁵⁴ Mervis C., Rosch E. *Categorization of Natural Objects* // *Annual Review of Psychology*. – 1981. – Vol. 32. – P. 89–115; Rosch E., Mervis C.B. *Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories* // *Cognitive Psychology*. – 1975. – Vol. 7. – P. 573–605; Rosch E. *Neither Concepts Nor Lotfi Zadeh are Fuzzy Sets* // *Studies in Fuzziness and Soft Computing*. – 2013. – Vol. 299. – P. 591–596.

люди реально декомпозируют и концептуализируют объекты действительности.

Прототип – это наиболее характерный (наиболее типичный) для некоторой категории объект, то есть объект, обладающий «категориальными свойствами в наивысшей степени»²⁵⁵. Все другие подпадающие под категорию объекты сопоставляются с ним, но нередко по своим свойствам не соответствуют прототипу полностью, что отчасти обуславливает нечеткие границы категорий²⁵⁶.

Отталкиваясь от теории прототипов, Дж. Лакофф распространил (экстраполировал) соответствующую проблематику на случай абстрактных понятий, по отношению к которым нет конкретно существующих объектов, способных выступать в роли прототипов.

Значимую роль в развитии прототипической теории сыграли теории Л. Витгенштейна и Л. Заде, которые существенным образом ослабили сложность задачи категоризации объектов реального мира. Если в классической трактовке объект должен был либо принадлежать классу, либо не принадлежать ему, то в теории нечетких множеств возникла возможность рассмотрения существования в этом вопросе промежуточных вариантов ответа. Так, объект может с уровнем значимости p принадлежать классу и, соответственно, с уровнем значимости $1-p$ не принадлежать классу²⁵⁷. Если в случае с объектами, расположенными вблизи прототипа (то есть похожими на прототип), особой необходимости в таком логическом ходе может не

²⁵⁵ Бочкарев А.Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: pro et contra // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 251.

²⁵⁶ Там же. – С. 252; Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 28; Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени: автореф. ... д-ра филос. наук: 19.00.08. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 42; Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход): автореф. ... канд. филос. наук: 24.00.01, 09.00.01. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 11, 16.

²⁵⁷ Заде Л.А. Нечеткие множества // Нечеткие системы и мягкие вычисления. – 2015. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 8.

возникать, то в случае с удаленными от прототипа объектами такая необходимость появляется²⁵⁸.

Б. Барнсом был предложен подход²⁵⁹, согласно которому в сознании по отношению к слову постепенно формируется совокупность признаков обозначаемого им общего объекта. Так, по отношению к слову «собака» формируется совокупность признаков собаки (обладает четырьмя лапами, хвостом, шерстью, способностью лаять и т.д. и т.п.). Естественно, в духе теории «семейных сходств», то, что некоторые реальные собаки могут не обладать теми или иными характерными признаками, не превращает этих собак в «не-собак», то есть в нечто, собакой не являющееся.

Формирование понятий при этом является предполагающим непрерывную коррекцию динамическим процессом, базирующимся на остенсивных процедурах и процедурах генерализации (обобщения).

Значимым направлением развития современных представлений о понятии стала так называемая «*theory-theory*», истоками которой среди прочего послужили критика теории прототипов и концепции несоизмеримости (Т. Кун, П. Фейерабенд). По большому счету, «*theory-theory*» является результатом развития концепции несоизмеримости.

В центре внимания «*theory-theory*» находятся процессы формирования, структурирования и развития понятий. При этом все эти процессы, так или иначе, связываются с работой с теориями как системами знаний, представлений и т.п. Явно или неявно в сознании человека присутствует определенная теория той или иной предметной области – она и оказывает

²⁵⁸ «Высказывание “Угорь – это что-то вроде рыбы” приемлемо, но высказывание “Щука – это что-то вроде рыбы” абсурдно» (Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2010. – С. 9.). Другой пример удаленного от прототипа объекта: пингвин – водоплавающая птица, крылья которой похожи на ласты, то есть эта птица сочетает в себе типичные и нетипичные для птиц черты (свойства).

²⁵⁹ Barnes B. On the Conventional Character of Knowledge and Cognition // *Philosophy of the Social Sciences*. – 1981. – № 11. – P. 303–333; Barnes B. The Conventional Component in Knowledge and Cognition // *Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge and Science*. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2009. – P. 151–174.

влияние на его понятия. Иными словами, наши понятия конституируются подобными теориями.

Имеется два варианта «theory-theory». В рамках первого понятия рассматриваются в качестве конституирующих элементов теорий²⁶⁰; в рамках второго – в качестве «микротеорий». Второй вариант хорошо иллюстрирует пример с понятием массы: данное понятие является не простым термином теории, а само является «микротеорией». Недаром в механике второй закон И. Ньютона, по сути, является определением понятия инертной массы.

В этом смысле такие термины, как «масса», «атом», «электрон» и т.п., обозначают понятия, которые по сути своей являются «микротеориями». Конечно, понятия при таком их понимании оказываются весьма сложными теоретическими образованиями, некоторыми узлами теорий, своего рода конденсатами теоретической рефлексии.

Альтернативой всем приведенным выше направлениям развития учения о понятии стала так называемая *атомистическая теория понятий*. Одна из основных позиций этой теории состоит в том, что содержание понятия определяется его отношением к реальности, а не к другим понятиям. Суть этого положения может быть продемонстрирована на примере парадокса именованья²⁶¹. Рассмотрим в этой связи мысленный эксперимент,

²⁶⁰ При этом под теорией здесь могут пониматься не только научные теории, но и так называемые «наивные» («обыденные», донаучные) теории. По крайней мере, одной из идей «theory-theory» является идея наличия подобия между научным мышлением и мышлением ненаучным, в том числе мышлением детей. См.: Bishop M.A., Downes S.M. The theory theory thrice over: The child as scientist, superscientist or social institution? // *Studies in history a philosophy of science*. – 2002. – Vol. 33. – № 2. – P. 121–136.

²⁶¹ Суть его в том, что, например, в косвенных контекстах термины «Вальтер Скотт» и «автор “Уэверли”» не являются взаимозаменяемыми. Так, вопрос «Является ли Вальтер Скотт автором “Уэверли”?» по смыслу не тождественен вопросам «Является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом?» и «Является ли автор “Уэверли” автором “Уэверли”?» Проблема состоит в том, что термины могут обозначать один и тот же объект, но при этом иметь разные смыслы. См.: Айдукевич К. Язык и смысл // *Эпистемология и философия науки*. – 2007. – Т. XIV. – № 4. – С. 247; Бирюков Б.В. Послесловие. В логическом мире Фреге // Фреге Г. *Логика и логическая семантика*. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 497; Гаспарян Д.Э. Проблема воплощенных и символических понятий в контексте машинной формализации семантики // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. – 2017. – № 3. – С. 44; Рассел Б. *Дескрипции* // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. XIII. *Логика и лингвистика (Проблемы референции)*. – М.: Радуга, 1982. – С. 46–50; Фреге

отсылающий к предложенному С. Крипке различению жестких и нежестких десигнаторов²⁶². Так, допустим, что некий X известен как автор теории Z. Используя термин «автор теории Z», все полагают, что его референциальным значением является господин X. Однако, в реальности все обстоит совсем иначе: никому не известный родственник господина X (обозначим его господином Y) разработал теорию Z, после чего умер. Господин X, разбирая архив умершего, обнаружил никому не известные пионерские работы по теории Z, после чего издал их под своим именем.

В итоге реальным автором теории Z был господин Y (но об этом авторстве никому не известно, кроме укравшего чужое авторство господина X), тогда как общепризнанным автором теории Z стал господин X. Кто же автор теории Z? В общественном сознании – господин X, а в реальности или в сознании читателя как всевидящего наблюдателя (по крайней мере, по отношению к данной ситуации), а также в сознании конспиролога, узнавшего о существовании господина Y и уверовавшего в заговор господина X против подлинного автора теории, автором теории является господин Y. В реальности автором теории (то есть значением термина «автор теории Z») является господин Y, хотя в общественном сознании автором является господин X.

Термин «автор теории Z» имеет в качестве референциального значения господина Y. То, что все считают, что значением термина является господин X, сути дела не меняет (данный факт подлинное авторство пусть в чем-то и проблематизирует, но уж точно не отменяет). В данном случае истинность сталкивается с консенсусностью, коллективной убежденностью²⁶³. Быть

Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: сб. науч. ст. – Вып. 35. – М.: Русские словари, 1997. – С. 352–379.

²⁶² Крипке С. Тождество и необходимость // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 340–376; Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions // Synthese. – 1970. – Vol. 21. – P. 335–358; Machery E., Mallon R., Nichols S., Stich S. Semantics, Cross-Cultural Style // Cognition. – 2004. – № 92. – P. B3–B4.

²⁶³ Об этой проблеме мы уже рассуждали в п. 1.1.

истиной и признаваться подавляющим большинством представителей некоторого сообщества в качестве истины – совсем не одно и то же.

Проблема возможного несоответствия истины и стереотипа является одной из трудностей учения о понятии²⁶⁴. Об этой проблеме мы еще будем размышлять. В заключение же отметим, что в XX веке неудовлетворительность классического учения о понятии была плодотворно осмыслена, в частности был предложен целый ряд теорий и моделей, серьезно развивших наши представления о понятиях. В очередной раз следует признать, что реальные (в том числе научные) понятия устроены достаточно сложно, и применительно к их описанию классическая теория понятий может рассматриваться в качестве результата достаточно сильного упрощения существа дела.

1.7. Комплексный характер понятия

Формально-логическая трактовка понятия годится как некая идеализация, однако реальные понятия описать с ее помощью весьма затруднительно. По большому счету, она имеет весьма ограниченное применение. Основные трудности, которые возникают на пути ее применения, состоят в следующем²⁶⁵:

1. Реальные научные понятия изменчивы и историчны. В общем случае интенционал и экстенционал понятия являются динамическими множествами;

2. В общем случае пользователи не знают всех объектов, составляющих экстенционал понятия, тем более что с течением времени он может изменяться, в том числе при фиксированном интенционале;

²⁶⁴ Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235.

²⁶⁵ На ряд из этих проблем в той или иной мере указывал в своих сочинениях Х. Патнэм (*Там же*). Дополнительно см.: Fodor J.A., Pylyshyn Z.W. Minds without meanings: An essay on the content of concepts. – London; Cambridge (Mass.): MIT press, 2015. – 193 p.

3. Реальные научные понятия нередко охватывают чрезвычайно разнообразные явления и в силу этого не могут быть определены в соответствии с классической теорией понятия²⁶⁶. В общем случае доподлинно установить предикаты, составляющие интенционал понятия, невозможно; как следует из идей Л. Витгенштейна, в реальности интенционала у понятия может не быть, а само предположение о существовании у понятия ненулевого интенционала метафизично в своем существе;

4. В общем случае не ясна связь между интенционалом и экстенционалом в некотором ряду однотипных понятий. Проще говоря, далеко не всегда мы знаем, как изменение интенционала понятия меняет его экстенционал, и как изменение экстенционала меняет интенционал;

5. Далеко не всегда реальные научные понятия имеют четкие границы своих интенционала и экстенционала; нередко эти границы размыты, в результате чего возникают различные версии не до конца четких понятий; эти версии (равно как и их пользователи) нередко сосуществуют в научной коммуникации и вступают в конкуренцию между собой²⁶⁷;

6. Представления об интенционале и экстенционале понятия нередко имеют характер стереотипа или некоего субъективного представления и в общем случае далеко не в полной мере соответствуют объективным реалиям (хотя часто наши стереотипные понятия вполне достаточны для решения многих обыденных и в какой-то мере даже научных задач).

²⁶⁶ Примерами могут служить понятия религии, искусства, науки, знания и т.д. и т.п. См.: Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 23; Гаспарян Д.Э. О всегда уже выраженном невыразимом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. II. – № 4. – С. 148–149; Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 29–62; Sauchelli A. The Definition of Religion, Super-empirical Realities and Mathematics // Neue Zeitschrift für systematische Theologie und Religionsphilosophie. – 2016. – Bd. 58. – H. 1. – P. 67–75.

²⁶⁷ Печенкин А.А. Понятие вероятности в математике и физике (дискуссии 1920–30-х гг. в СССР) // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 202–218; Тухватулина Л.А. Проблема рациональности в науке о праве: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2017. – С. 98–102.

Строго говоря, проблема категоризации (классификации) объектов нашего мира (а соответственно и представление этих объектов на языке общих понятий) является трудноразрешимой. Повышение требований к формальной строгости её решения ситуацию явно не упрощает.

Рассмотрим проблему категоризации через призму теории распознавания образов. Являясь одним из разделов прикладной математики, эта теория обладает весьма широким философско-методологическим потенциалом, позволяющим обращаться к ней при решении в том числе и эпистемологических задач. Так, проблема отнесения к множеству A некоторого объекта x , сходного с объектами, входящими в множество A , вполне может трактоваться как задача распознавания, ведь проблема сходства («похожести») и его меры во многом составляет предмет исследования данной теории²⁶⁸.

Теоретически, если стоять на позициях классической теории понятий необходимо выявить такие признаки, которым удовлетворяют все объекты множества A и более никакие объекты сверх этого. Несмотря на простоту формулировки, решение данной задачи в реальных условиях не является простым. Во-первых, в большинстве реальных ситуаций мы не можем перебрать и проанализировать все объекты этого мира²⁶⁹ (а тем более объекты воображаемые, возможные и невозможные) с тем, чтобы быть абсолютно уверенными в том, что те или иные признаки объектов характерны только для объектов множества A и ни для каких объектов сверх этого. Во-вторых, у нас есть объекты вроде объекта x , принадлежность которых к множеству A не ясна, то есть мощность этого множества $\text{card}(A)$ не имеет точной оценки; по сути, само это множество может иметь своего рода скрытые элементы, то есть объекты, о которых нам не известно, но которые в реальности входят в это множество. Иными словами, возникает

²⁶⁸ Чернавский Д.С., Чернавская Н.М. К онтологии научного творчества. Синергетический подход // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 1. – № 1. – С. 123.

²⁶⁹ Гаспарян Д.Э. Кто убил Джона Кеннеди. Или что известно глобальному наблюдателю? // РАЦИО.ru. – 2013. – № 9. – С. 56–76.

ситуация, в рамках которой множество A и множество A' , являющееся нашим представлением о множестве A , то есть о входящих в его состав объектах, могут сильно различаться. Делать в таких условиях выводы об общих свойствах объектов, входящих в множество A , весьма рискованно. В любом случае, вывод о видовых признаках объектов, входящих в множество A , приходится делать не по объектам этого множества, а по объектам множества A' , к которым, кроме того, некоторые объекты могут быть отнесены по ошибке (как, например, кит, отнесенный к множеству рыб²⁷⁰).

Хрестоматийным примером несовпадения множеств A и A' служит проблема черного лебедя. Так, продолжительное время наблюдая за лебедями, можно сделать вывод, что все лебеди белые (а если не белый, то уж точно не лебедь), однако такой вывод не является эпистемологически безупречным. Само же понятие лебедя как именно белого лебедя в какой-то момент может утратить устойчивость и, в любом случае, с его принятием всегда сопряжен определенный риск. Риск проявляется, как в том, что после «открытия Австралии» могут быть обнаружены черные лебеди²⁷¹, так и в том, что гипотетически возможно открытие жизни на некоторой планете, населенной лебедями, причем не только белыми, но и имеющими иной окрас своего оперения (красный, оранжевый, желтый и т.д. и т.п.). Нельзя не учитывать и ту проблему, которая была обозначена теорией предметов А. Майнонга, в том числе в связи с нетождественностью невозможного и несуществующего. Иными словами, возможно, зеброподобных (по своему окрасу) лебедей не существует, но, в принципе, они возможны и тем самым составляют предметы если не реального, то возможного мира. Более того,

²⁷⁰ Об аналогичных проблемах см.: Bowler P. J. Are the arthropoda a natural group? An episode in the history of evolutionary biology // Journal of the history of biology. – 1994. – Vol. 27. – № 2. – P. 177–213.

²⁷¹ Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – С. 229.

грань между возможным и невозможным по мере развития науки и техники нередко смещается²⁷².

В любом случае, множество и представление о нем в реальной практике нередко не совпадают. Так, для среднестатистического жителя России нередко представление о кукурузе включает в себя представление о ней как о растении, имеющем в зрелом состоянии желтые зерна. Можно подумать, что кукуруза только такая и бывает, однако это было бы заблуждением, ведь в Америке известны сорта кукурузы с совершенно другими цветами зерен.

Рассмотрим другой пример. Так, лук, чеснок и лилия относятся к травам семейства луковых, однако, не зная этих положений ботаники, человек, скорее всего, отнесет эти травы к разным категориям, ибо лук и чеснок – это растения, прежде всего, съедобные, а лилия – растение декоративное²⁷³. Лук и чеснок выращивают в связи с их вкусовыми и кулинарными свойствами, а лилии – в связи с их эстетическими свойствами. Иными словами, процессы категоризации во многом определяется реальными человеческими потребностями (потребностями в пище, жилище, лечении болезней, духовными потребностями и т.п.), практической деятельностью и т.п.²⁷⁴ В этом смысле реальные понятия не строго объективны, а несут на себе отпечаток человеческой субъективности, социальности, в том числе культуры и истории²⁷⁵.

²⁷² Нельзя, например, исключать, что со временем генетики эксперимента ради выведут лебедей, которые по окрасу будут похожи на зебр. В этом смысле даже несуществование таких лебедей не должно убеждать нас в их невозможности. Впрочем, их несуществование ничем не доказано. Мы убеждены не в несуществовании таких лебедей, а в том, что в нашем опыте (например, в опыте автора этих строк) они не встречались.

²⁷³ Weiskopf D.A. *Anthropic Concepts* // *NOÛS*. – 2018. – Vol. 54. – № 2. – P. 451–468.

²⁷⁴ *Ibidem*.

²⁷⁵ Во многом это связано с тем, что прототипы понятий культурно (да и географически) обусловлены. Так, для американцев типичными животными являются белки и еноты, а для индейцев племени майя – рыба и рыси (*Ibidem*). Дополнительно по проблеме категоризации см.: Вострикова Е.В., Куслий П.С. Язык как динамическая система: Наследие Вильгельма фон Гумбольдта и современное языкознание // *Эпистемология и философия науки*. – 2020. – Т. 57. – № 1. – С. 110–130; Гаспарян Д.Э. Проблема воплощенных и символических понятий в контексте машинной формализации семантики // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. – 2017. – № 3. – С. 47; Деар П.

Насколько можно судить, решая задачу по отнесению объекта x к множеству A , действовать во многом приходится интуитивно. Не спасает и попытка сформировать некий критерий принадлежности объекта к множеству A , ибо множество A может иметь скрытые объекты, наше представление о множестве A (множество A') может содержать «ошибки», наконец, нам не дано знать всех объектов реального мира и уж тем более объектов всех возможных миров. В таких условиях формирование критерия принадлежности объекта к некоторому множеству все равно оказывается интуитивной (и, в конечном счете, субъективной) операцией²⁷⁶. Применять этот критерий (если он будет сформирован) можно строго логически, но его формирование строго логическим быть не может.

Новации Л. Витгенштейна в некотором роде упростили решение задачи категоризации, но сами понятия предстали, пожалуй, более сложными семантическими образованиями, нежели это было в теории Г. Фреге. Если в теории Г. Фреге предполагалось, что интенционал и экстенционал понятия являются непустыми множествами, то есть их мощности имеют ненулевые значения ($\text{card}(I) > 0$, $\text{card}(E) > 0$), то ныне (в том числе вслед за Л. Витгенштейном) приходится признавать, что интенционал и экстенционал понятия вполне могут быть пустыми множествами, то есть их мощности могут иметь нулевые значения ($\text{card}(I) \geq 0$, $\text{card}(E) \geq 0$).

Мы полагаем, что можно шагнуть несколько дальше и попробовать рассмотреть интенционал и экстенционал понятия как в общем случае *комплексные множества* (комплексные образования), то есть предполагающие не только действительную, но и мнимую составляющие, или, если говорить в ином аспекте, не только объективную (истинностную), но и субъективную (стереотипическую) составляющие. В этом случае

Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 29–62; Князева Е.Н. Ускользящее настоящее // Человек. – 2009. – № 1. – С. 5–18.

²⁷⁶ Чернавский Д.С., Чернавская Н.М. К онтологии научного творчества. Синергетический подход // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 1. – № 1. – С. 124.

придется рассматривать мощности $\text{card}(I)$ и $\text{card}(E)$ не как некие неотрицательные целочисленные действительные (вещественные) величины, а как комплексные величины, действительная и мнимая части которых имеют неотрицательные целочисленные значения.

Таким образом, проводя некоторую аналогию с теорией комплексных чисел, можно сформировать представления о комплексном понятии. Формально такое понятие можно представить следующим образом

$$P = (I, E) = (I_o + iI_s, E_o + iE_s),$$

где $I = I_o + iI_s$ и $E = E_o + iE_s$ – комплексные интенционал и экстенционал понятия; I_o и E_o – объективные (действительные) интенционал и экстенционал понятия; I_s и E_s – субъективные (мнимые) интенционал и экстенционал понятия; i – мнимая единица. По сути, реальное понятие можно смоделировать как совокупность объективного (действительного) и субъективного (мнимого, стереотипического) понятий P_o и P_s :

$$P = P_o + iP_s = (I_o, E_o) + i(I_s, E_s).$$

Предложенный формализм призван отразить тот факт, что нередко наше представление об интенционале и экстенционале понятия не соответствует действительности, реальному положению дел, что, впрочем, не мешает нам оперировать понятием. Следует при этом понимать, что в реальности мы оперируем не действительным (объективным) понятием, а мнимым (субъективным) понятием, которое в общем случае имеет то или иное отклонение (по интенционалу и экстенционалу) от действительного (объективного) понятия.

Основанием для такого понимания служит тот факт, что в общем случае проблема категоризации носит характер сложной суперпозиции объективных и субъективных факторов²⁷⁷. Проблема несоответствия между

²⁷⁷ Лекторский В.А., Аршинов В.И., Кузнецов В.Ю., Пружинин Б.И. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 8. – С. 748; Weiskopf D.A. Anthropie Concepts // NOÛS. – 2018. – Vol. 54. – № 2. – P. 451–468.

объективным и субъективным понятиями нашла определенное отражение в литературе, подтверждением чему служат работы Х. Патнэма²⁷⁸. Дополнительно в этой связи обратим внимание на мысленный эксперимент, предложенный в п. 1.6 при описании атомистической теории понятия, а также на размышления, представленные в п. 1.1.

Рассмотрим несколько примеров.

Наши современные представления о золоте таковы, что мы под ним понимаем химический элемент (в частности металл) с атомным номером 79 (то есть элемент, имеющий 79 протонов в атомном ядре). По сути, таков ныне стереотипный (но при этом вполне широко принятый) интенционал соответствующего понятия. Вместе с тем, мы понимаем, что были времена, когда человеческая цивилизация уже вполне активно пользовалась понятием золота (пусть оно и было менее строгим и точным), однако при этом никто не трактовал его в терминах количества протонов в атомном ядре. Очевидно, что у понятия был иной стереотипный (широко принятый) интенционал (так, золото могло трактоваться как металл желтого цвета, на каком-то этапе развития человеческого знания этого было вполне достаточно для практических целей)²⁷⁹. Как видим, субъективный интенционал понятия золота претерпел существенные изменения. Более того, со временем может быть обнаружено, что наша «современная» химия чересчур наивна и должна быть заменена другой – более точной – системой химических знаний. В итоге вполне возможно, что ныне принятый нами (современный) интенционал понятия золота окажется сильным упрощением существа дела и будет заменен на более точный, лучше отвечающий сути вещей²⁸⁰.

²⁷⁸ Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235; Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 146–163.

²⁷⁹ Схожие примеры приводятся в следующих сочинениях: Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235; Weiskopf D.A. Anthropoc Concepts // NOÛS. – 2018. – Vol. 54. – № 2. – P. 451–468.

²⁸⁰ В качестве примера изменения стереотипного интенционала некоторого понятия укажем на то, что на каком-то этапе казалось, что скорость тела определяется формулой

Метаморфозы такого рода, претерпеваемые субъективным интенционалом понятия, не изменяют химического строения золота, его сущности, но они изменяют наше представление о них.

Впрочем, изменениям может подвергаться не только субъективный интенционал некоторого понятия, но и его субъективный экстенционал.

Опираясь на ряд идей Д. Чалмерса, рассмотрим мысленный эксперимент с Мэри²⁸¹, правда, приурочив его под нужды нашего исследования. Некая Мэри, которая провела всю жизнь в черно-белой комнате, на своем личном опыте знает черный и белый цвета, а также какие-то оттенки серого; возможно, она знает еще какие-то цвета, однако она не знает зеленого цвета. В ее представлении о цветах не существует понятия о зеленом цвете и соответственно не существует зеленого цвета как объекта, входящего в экстенционал понятия, заданного термином «основные цвета». Если Мэри выйдет из своей комнаты в окружающий мир, расширит область своего пребывания, сферу своего общения, то, возможно, она сможет обнаружить зеленый цвет и расширить экстенционал своего стереотипного понятия, заданного термином «основные цвета».

Значимый смысл этого мысленного эксперимента состоит в том, что для формирования относительно адекватных понятий важна коммуникация с *другими*, с субъектами, обладающими иным жизненным опытом и в силу этого расширяющими массив доступных нам опытных знаний. Проще

$v = \frac{s}{t}$, где s – пройденное телом расстояние, а t – время, за которое это расстояние пройдено. Вместе с тем, по мере развития механики стало ясно, что это справедливо лишь для равномерного движения (а также для среднего значения скорости на участке пути). Благодаря развитию дифференциального исчисления стало ясно, что в более общем случае справедлива формула $v = \frac{ds}{dt}$, то есть скорость является производной пройденного расстояния, взятой по времени. См.: Щедровицкий Г.П. О некоторых моментах в развитии понятий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 577–589; Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 160–162.

²⁸¹ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013. – С. 137.

говоря, опыт множества познающих мир индивидов призван обеспечить если не идеально полное познание реальности, то, во всяком случае, познание относительно полное и достаточно широкое.

В любом случае, субъективный экстенционал может подвергаться изменениям, причем это возможно и в том случае, когда представление о нем стало общепринятым. В очередной раз здесь можно сослаться на проблему черного лебедя. После открытия Австралии и обнаружения там черных лебедей стереотипный экстенционал понятия лебедя пришлось расширить, включив в него этих самых черных лебедей.

Нередки случаи, когда стереотипный экстенционал приходится не расширять, а сужать. Так, долгое время киты подводились под понятие рыб, однако со временем понятия рыб и китов были разведены; в частности, киты были зачислены в водные млекопитающие. Произошло это, по всей видимости, в силу того, что с течением времени субъективные интенционалы многих понятий (в том числе понятий рыб и китов) были реинтерпретированы и уточнены.

Приведенные нами примеры указывают на то, что реальные понятия, которыми мы оперируем, в определенной мере субъективны. Именно по субъективным понятиям мы догадываемся о том, какова объективная реальность на самом деле, и соответственно о том, какие понятия для нее релевантны. В конечном счете, все это указывает на тот факт, согласно которому нашим понятиям часто присуща немалая доля субъективизма, обусловленная жизненным опытом познающего субъекта (коллективного или индивидуального), средой его обитания, культурой и прочими факторами.

Выводы к главе 1

1. Язык науки служит средством познания и коммуникации, в силу чего оценивать составляющие его объекты надлежит не только с точки зрения их истинности, но и с точки зрения их коммуникативного потенциала.

2. Научные понятия – это далеко не всегда знаки каких-либо объективных данностей. Скорее, реальные научные понятия – это сложные сочетания объективного и субъективного; понятия не только отражают реальность (естественно, частично), но и конструируют представления о ней, а через это – в каком-то смысле конструируют и саму реальность.

3. Теория «семейных сходств» Л. Витгенштейна существенным образом расширила понимание феномена понятия. Если в классической теории понятий считалось, что логическое понятие характеризует нечто *общее*, присущее всем подпадающим под понятие объектам и только им, и при этом, как настаивал Г. Фреге, отличается четкостью границ своего объема (то есть о каждом объекте можно определенно сказать, подпадает он под понятие или нет), то Л. Витгенштейн обе эти позиции подверг критике. Во-первых, общего, присущего подпадающим под понятие объектам и только им, в принципе, у многих понятий не существует. Во-вторых, границы интенционала и экстенционала понятия в общем случае не могут быть очерчены достаточно четко.

4. Существуют научные понятия, в отношении которых не удастся найти признака, присущего всем подпадающим под понятие объектам и никаким объектам сверх них. Подобное положение вещей характерно для значимых научных понятий, однако, оно не превращает научную коммуникацию в нечто невозможное или иррациональное.

5. Реальные научные понятия отражают не только объективные положения вещей, но и наши субъективные представления об этих положениях, и тем самым являются переплетениями объективной и субъективной реальностей.

Глава 2. Концепт как элемент языка и как инструмент познания

Классическая теория понятия сталкивается с некими аномалиями, состоящими, например, в том, что с ее помощью не удастся адекватно описать некоторые научные понятия (понятия культуры²⁸², искусства²⁸³, религии²⁸⁴, философии²⁸⁵, науки²⁸⁶, знания²⁸⁷ и т.п.), прежде всего понятия, под которые подпадают чрезвычайно разнообразные объекты. В качестве развития классической теории понятия возникло несколько неклассических теорий. В результате этого вопрос о сущности понятия как некоторого лингвоэпистемического средства некоторым образом усложнился.

Вместе с тем, по мере развития эпистемологии возник новый вариант исследования языка науки; суть его состоит в следующем. Вместо того чтобы рассматривать понятие как основной (или даже единственный) «кирпичик»

²⁸² Смирнов А.В. Субстанциальная и процессуальная картина мира (к вопросу о типологии культур и картин мира) // *Философская антропология*. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 63; Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – С. 32–40.

²⁸³ Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // *Логос*. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 31–32.

²⁸⁴ Там же; Яблоков И.Н. Понятие и функции религии // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2011. – Т. 29. – № 1. – С. 204–211; Sauchelli A. The Definition of Religion, Super-empirical Realities and Mathematics // *Neue Zeitschrift für systematische Theologie und Religionsphilosophie*. – 2016. – Bd. 58. – H. 1. – P. 67–75.

²⁸⁵ Арграмакова А.А. Логический анализ языка науки в философии Рудольфа Карнапа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2013. – С. 89–94, 103–104; Carnap R. Replies and Systematic Expositions // *The Philosophy of Rudolf Carnap*. – Vol. XI. – La Salle, Illinois: Open Court, 1999. – P. 861–862.

²⁸⁶ Вархотов Т.А., Гавриленко С.М. История, наука и онтология // *Эпистемология и философия науки*. – 2015. – Т. XLVI. – № 4. – С. 249; Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // *Эпистемология и философия науки*. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 23; Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // *Логос*. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 1–28; Bauer H.H. «Pathological science» is not scientific misconduct (nor is it pathological) // *Hyle: International Journal for the Philosophy of Chemistry*. – 2002. – Vol. 8. – № 1. – P. 5–20; Golinski J. Is It Time to Forget Science? Reflections on Singular Science and Its History // *Osiris*. – 2012. – Vol. 27. – № 1. – P. 19–36.

²⁸⁷ Витгенштейн Л. Голубая книга // Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 368–369; Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии // *Познание в социальном контексте*. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 6–36; Розин В.М. Знание как представление, «episteme», концепт и реконструкция // *Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений*. – 2012. – № 1 (3). – С. 5–26.

языка науки, в исследовательских целях имеет смысл *в качестве гипотезы* попробовать ввести в анализ данного языка некий альтернативный понятию феномен. В качестве такого альтернативного феномена мы полагаем возможным рассмотреть концепт и предположить существование концептного уровня языка науки. Такова гипотеза нашего исследования.

В любом случае мы полагаем, что в языке науки существуют концепты, или, во всяком случае, концепт может выступать некой моделью, позволяющей более или менее эффективно описать некоторые объекты языка науки. Понимая, что соответствующие предположения являются системой большого числа достаточно сильных допущений и гипотез, мы, во-первых, надеемся на их продуктивность и эвристичность, а, во-вторых, допускаем, что подобного рода «экспериментирование с гипотезами» позволяет взглянуть на термины науки под новым углом зрения.

Дать строгое обоснование соответствующей гипотезе в настоящее время вряд ли возможно. В качестве главного доказательства ее «легальности», скорее всего, надо считать опыт, проверку на практике. В то же время, некоторую надежду на перспективность подобной гипотезы дает изучение роли образов и метафор в реальном научном познании, оказавшееся, как известно, весьма ценным для философии науки.

2.1. Проблема концепта в средневековой философии

Проблема концепта восходит к средневековому *спору об универсалиях*, который, в свою очередь, является развитием осознанной уже в древности *проблемы универсалий*²⁸⁸. С течением времени эта проблема вышла далеко за рамки древней и средневековой философии, превратившись в проблему на все времена, проблему, которая в том или ином виде характерна практически

²⁸⁸ Жильсон Э. Бытие и сущность // Жильсон Э. Избранное: Христианская философия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 360–364; Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. – М.: Культурная революция, Республика, 2010. – С. 107–110.

для любого этапа развития философии и, более того, является одной из основных для философии и методологии науки²⁸⁹.

В основе этой проблемы лежал вопрос об онтологическом статусе универсалий (общих имен), а в другом контексте – вопрос об онтологическом статусе общего как такового²⁹⁰. Возникшая вокруг данной проблемы полемика на первый взгляд может показаться никак не связанной с реальностью, однако такое впечатление ошибочно. Соответствующая полемика находилась в ядре схоластической философии и была средоточием всего философского знания своего времени, в том числе и тех его пластов, которые ныне мы относим к ведению онтологии, эпистемологии, аксиологии, политической философии и т.п. Значимость проблемы универсалий обусловлена ее связью с вопросом об истинности наших интеллектуальных построений – вопросом о том, являются ли наши интеллектуальные построения отвлеченной игрой ума или все-таки они имеют основания в реальности²⁹¹. По сути, это вопрос о возможности подлинного знания как такового²⁹².

Спор об универсалиях определенным образом задевал дух эпохи²⁹³ и был непосредственно связан с христианскими догматами (например, с догматом о Троице и с догматом о сотворении мира по Слову), а также с

²⁸⁹ Куайн У.В.О. О том, что есть // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 7–23; Кюннг Г. Онтология и логический анализ языка. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 237 с.; Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. – М.: Канон+, 2005. – 222 с.; Огурцов А.П. Проблема универсалий в философии XX века // Истина и благо: универсальное и сингулярное. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 260–339; Поппер К. Нищета историцизма. – М.: Прогресс; VIA, 1993. – 187 с.; Armstrong D.M. Universals. An Opinionated Introduction. – Boulder, San Francisco, London: Westview Press, 1989. – 160 p.

²⁹⁰ Белялетдинов Р.Р. Иоанн Солсберийский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 1. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 495–496.

²⁹¹ Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. – Т. 3 (2). – М.: Мысль, 2000. – С. 71–85.

²⁹² Карсавин Л.П. Джордано Бруно. – СПб.: Наука, 2016. – С. 167–170.

²⁹³ Хейзинга Й. Осень Средневековья. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – С. 345–349.

вопросом о соотношении духовной и светской властей²⁹⁴. В силу разнообразия позиций различных своих участников спор носил чрезвычайно сложный и запутанный характер²⁹⁵; более того, ему был присущ характер острого и даже ожесточенного противоборства. Сказывалось множество иных осложняющих обстоятельств, в том числе принципиальная нетождественность значений терминов, использовавшихся дискутантами²⁹⁶.

Как известно, в связи со спором об универсалиях в средневековой схоластике сложилось три течения мысли: *реализм*, *номинализм* и *концептуализм*, однако следует иметь в виду, что такое разделение было установлено сугубо ретроспективно, и поэтому принятие точки зрения о трех течениях схоластической мысли может определенным образом огрублять панораму реальной дискуссии²⁹⁷.

В самых общих чертах можно дать следующие характеристики²⁹⁸.

Реализм, являясь платонистской доктриной, трактовал универсалии в качестве реально существующих объектов, не предполагающих какой-либо обусловленности духовным миром познающего субъекта. Для реализма универсалии первичны; в свою очередь, индивидуально неповторимое, единичное и партикулярное редуцировалось к универсальному, всеобщему. Так, партикулярии трактовались в качестве воплощений или результатов экземплификации универсалий.

Номинализм рассматривал универсалии лишь в качестве знаков (например, имен или ментальных образов), которые обозначают нечто общее,

²⁹⁴ Яворский Д.Р. Социокультурные импликации понятия «природа» в европейской философии: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Волгоград, 2013. – С. 20–25.

²⁹⁵ Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. – М.: Культурная революция, Республика, 2010. – 678 с.

²⁹⁶ Там же. – С. 209–210; Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – С. 204–205.

²⁹⁷ Федотов Г.П. Абельяр // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. – Т. 1: «Абельяр» и статьи 1911–1925 гг. – М.: Мартис, 1996. – С. 257–258. Так, если смотреть ретроспективно, можно увидеть, что подчас один и тот же мыслитель мог менять свою позицию и / или сочетать в ней тезисы, относящиеся к разным течениям мысли.

²⁹⁸ Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 11–17; Куайн У.В.О. О том, что есть // Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 336–338.

что присуще некоторому множеству объектов, и отказывал им в статусе объектов, обладающих реальным бытием. Для номинализма универсалии были суть конвенции или фикции (симулякры); акцент же делался не на универсальном, а на индивидуальном, единичном и партикулярном.

Концептуализм считал универсалии существующими, однако связывал их с активностью духовного мира познающего субъекта, с его волей и разумом. Подобно реализму данное течение мысли признавало существование универсалий, но в отличие от реализма ставило их в зависимость от познающего субъекта. В этой связи концептуализм нередко упрекают в психологизме, однако его значение для философии обусловлено присущим ему вниманием к актам смыслопорождения и к аспекту межличностной коммуникации в анализе познавательных процессов.

В сжатом виде различие между тремя названными течениями мысли можно отразить с помощью таблицы 2.

Таблица 2. Сходства и различия трех направлений мысли в споре об универсалиях

Направления мысли в споре об универсалиях	Реальное существование универсалий	Зависимость универсалий от воли и разума познающего субъекта
Реализм	Признаётся	Отрицается
Концептуализм	Признаётся	Признаётся
Номинализм	Отрицается	–

В принципе, рассматриваемые течения мысли по-разному трактуют универсалии и их существование. Для реализма универсалии существуют *до и вне вещей* – в качестве прообразов вещей, своего рода их прототипов; для номинализма универсалии существуют *после и вне вещей* – в качестве их ментальных образов, то есть того, что реально не существует; наконец, для концептуализма универсалии существуют *в самих вещах* – в качестве

концептов²⁹⁹. Схематично различия между течениями мысли в вопросе о существовании универсалий можно зафиксировать с помощью рис. 6.

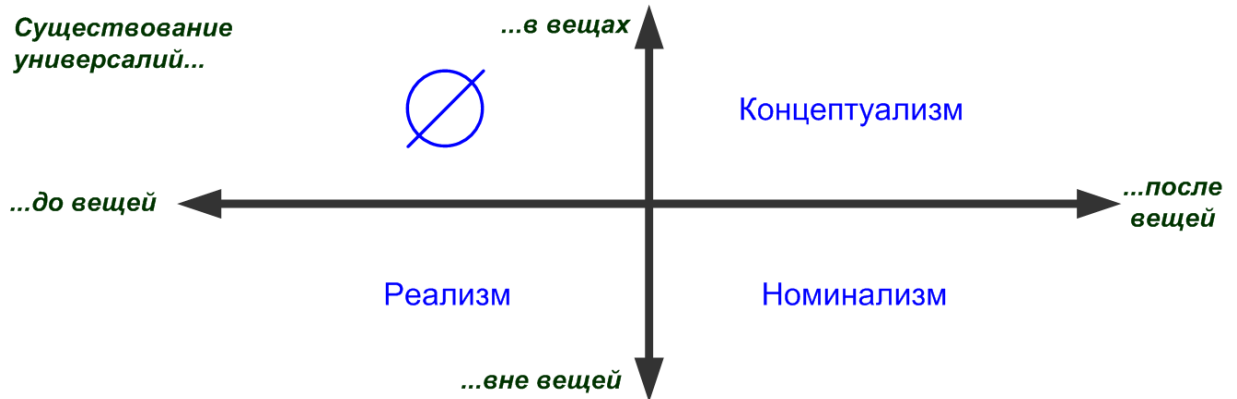

Рис. 6. Сходства и различия трех направлений мысли в споре об универсалиях

При всех различиях обсуждаемых течений их можно попытаться тем или иным образом сочетать. Так, с точки зрения Фомы Аквинского, универсалии пребывают в трех состояниях: в разуме Бога они существуют в качестве идей *до вещей*; в сознании человека они существуют в качестве ментальных образов *после вещей*; наконец, они существуют в качестве концептов *в самих вещах* (ибо в противном случае сходства и различия между единичными вещами были бы лишены связи с реальностью, не имели бы референта)³⁰⁰. Соответственно, можно прийти к выводу, согласно которому представители реализма, номинализма и концептуализма рассуждали в каком-то смысле о принципиально различных феноменах, правда, соотнося их с универсальным как таковым. В частности, для сторонников реализма универсалии – это идеи, служащие прообразами вещей; для сторонников номинализма – знаки, с помощью которых

²⁹⁹ Яворский Д.Р. Социокультурный подтекст проблемы универсалий в средневековой схоластике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Социально-экономические науки и искусство. – 2009. – № 3 (37). – С. 45–46.

³⁰⁰ Там же. – С. 46. Надо сказать, что, как указывал учитель Фомы Аквинского Альберт Великий, уже у Платона можно обнаружить тройное понимание универсального (Альберт Великий. Об интеллекте и интеллигибельном // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 74–75.). Более того, Альберт Великий это понимание, вообще говоря, разделял (Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. – М.: Культурная революция, Республика, 2010. – С. 386–387.). В этом смысле позиция Фомы Аквинского вписывается в определенную традицию в понимании универсального.

познающим субъектом схватывается нечто общее, присущее множеству вещей; для сторонников концептуализма – концепты.

Идея концепта для нашего исследования является ключевой. В этой связи далее мы обратимся к ней, однако прежде нам придется сделать ряд предварительных пояснений методологического характера.

В исследованиях средневековой философии и средневековой культуры вообще чрезвычайно сильна проблема несоизмеримости современного и средневекового философских дискурсов. Между этими дискурсами пролегает немало веков. За это время не только произошла смена нескольких культурно-исторических эпох, но и сам смысл ключевых философских терминов и понятий претерпел существенные изменения. В этой связи возникает довольно непростой вопрос о том, насколько обоснованно применение понятийного инструментария современной философии для анализа средневекового философского дискурса и в какой мере такое применение искажает подвергаемый анализу дискурс³⁰¹. Насколько возможно постичь философский дискурс иной культурной эпохи, «инаковость» которой задается в том числе и глубоко (тотально) теоцентричным характером культуры и соответственно философского дискурса, учитывая, что современные нам культура и философский дискурс тотально теоцентричными не являются? Насколько допустимо вообще вычленив из глубоко теоцентричной средневековой культуры некую средневековую философию, абстрагировав ее от средневекового же

³⁰¹ Об этой проблеме в ее различных вариациях (причем в применении и к философскому дискурсу, и к обыденному мирозерцанию) написано немало. См.: Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 34–55; Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 66–94; Вульф М. Средневековая философия и цивилизация. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. – С. 10–15; Гуревич А.Я. История историка. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 288 с.; Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. – С. 242–244, 411–413; Либер А. Средневековое мышление. – М.: Праксис, 2004. – 359 с.; Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 239; Флаш К. Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Панаичио и Алена де Либеры о философской ценности историко-философских исследований // Логос. – 2009. – № 4–5 (72). – С. 224–246.

богословия (теологии), то есть того, что во многом ядро средневековой культуры (да и средневековой философии), в принципе, и составляет? По большому счету, это вопросы об историзме менталитета и влиянии этого историзма на философию. Ясно, что специфику менталитета представителей иной культурной эпохи надлежит учитывать, но *как* это делать и насколько правильно историки и философы это *делают*, вопрос весьма непростой и, вообще говоря, дискуссионный.

Две крайние позиции в соответствующих дискуссиях³⁰² состоят примерно в следующем. Одни авторы считают, что понятия средневекового и современного философского дискурсов, в принципе, соизмеримы и (возможно, при некотором учете процессов их эволюционирования) вполне допустимо современные нам понятия прилагать к описанию средневекового философского дискурса, то есть переводить его на современный философский язык. Другие, напротив, с этой позицией не согласны и полагают, что понятия соответствующих дискурсов несоизмеримы и без глубокого анализа понятий адекватно понять средневековую философию, в принципе, невозможно.

Как именно надлежит работать со средневековым текстом? Можно ли его понять, исходя из самого себя или исходя из историко-культурного контекста, или его понимание является значительно более глубокой интерпретацией и реконструкцией, то есть требует гораздо более масштабного подключения потенциалов духовного мира познающего субъекта, действующего в современности³⁰³? Весь этот комплекс вопросов

³⁰² Флаш К. *Указ. соч.* – С. 224–246.

³⁰³ Вопросы такого рода, составляющие методологические проблемы исторической науки, довольно широко обсуждены в литературе. См.: Автономова Н.С. *Познание и перевод. Опыты философии языка* // М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 702 с.; Баткин Л.М. *Новые бедствия Пьера Абеляра* // Баткин Л.М. *Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре.* – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 95–115; Баткин Л.М. *Два способа изучать историю культуры* // Баткин Л.М. *Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре.* – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 34–55; Гуревич А.Я. *Почему я скандинавист? Опыт субъективного осмысления некоторых тенденций развития современного исторического знания* // Гуревич А.Я. *Избранные труды. Норвежское общество.* – М.: Традиция, 2009. – С. 5; Уайт Х. *Метаистория: Историческое воображение*

можно переформулировать так: может ли исследователь что-либо понять в средневековой философии без сильных «додумываний» и «домысливаний» и где та грань, по достижению которой «додумывания» и «домысливания» начинают существенно искажать анализируемую реальность?

Серию этих вопросов можно продолжить в бесконечность. Так, можно спросить, *что* является существенным искажением анализируемой реальности, а что несущественным. Где грань между ними? Где критерии оценки этой существенности? Насколько они объективны? Из этой бесконечности возникающих вопросов нельзя выбраться, не прервав усмотрения рассудка и не приняв некоторого методологического решения.

Спектр возможных методологических решений в данном вопросе весьма широк, однако в контексте нашего исследования достаточно будет выявить в этом спектре две методологические позиции, которые в каком-то смысле являются модами (в статистическом значении этого слова) спектра, или его квазиполюсами. Назовем их *монологической* и *диалогической* позициями, а в более краткой форме – *монологизмом* и *диалогизмом*, однако при этом отметим, что в промежутке между ними и в их окрестностях существует немало сходных позиций, подчиняющихся в том числе теории «семейных сходств».

Условно говоря, монологизм как некоторая методологическая позиция предполагает, что адекватное понимание средневековой философии возможно в духе идей соизмеримости понятий двух философских дискурсов (анализируемого и анализирующего, в нашем случае – средневекового и современного) и без «домысливаний», иначе говоря, без какого-либо диалога между философскими дискурсами разных эпох и между их носителями³⁰⁴.

Диалогизм, напротив, предполагает, что адекватное понимание средневековой философии возможно только в духе идей несоизмеримости

в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.; Флаш К. *Указ. соч.* – С. 224–246.

³⁰⁴ Под *носителями* философского дискурса мы здесь понимаем философов и вообще тех субъектов, которые в этот дискурс включены и его воспроизводят.

понятий двух философских дискурсов (анализируемого и анализирующего, средневекового и современного) и только с «домысливаниями»³⁰⁵, то есть путем диалога между дискурсами разных эпох и между их носителями³⁰⁶.

Еще раз подчеркнем, что к представленным нами методологическим позициям все не сводится. Различные методологические установки могут сложным образом сочетаться между собой, образуя разнообразные методологические позиции³⁰⁷. Кроме того, возможно выявление более сложных систем методологических позиций, зависящих от большего числа факторов методологического характера. Более того, монологизм и диалогизм можно вводить с иных позиций, нежели это сделали мы.

В любом случае, если говорить с некоторой условностью, средневековую философию и культуру можно интерпретировать как с монологических позиций, так и с позиций диалогических. При этом внутри каждой из альтернатив возможны варианты. В своей диссертации мы будем опираться на результаты исследований, проведенных С.С. Неретиной (в ряде случаев – совместно с А.П. Огурцовым), которые в своем существе являются диалогическими³⁰⁸, однако, следует заметить, что характер их диалогичности сильно отличается от, например, той версии диалогической интерпретации средневековой и ренессансной культур, которая была предложена М.М. Бахтиным. Вместе с тем, это не исключает того, что исследования С.С. Неретиной стоят в одном ряду с исследованиями таких теоретиков

³⁰⁵ Собственно говоря, несоизмеримость понятий двух рассматриваемых дискурсов и подвигает к тому, чтобы нечто в анализируемом дискурсе «домысливать» или, по крайней мере, как-то с этой несоизмеримостью обходиться, опять же нечто «домысливая».

³⁰⁶ Гуревич А.Я. История историка. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 237; Гуревич А.Я. Предисловие // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С. 11–12.

³⁰⁷ Так, представители историографической школы «Annales», настаивая на историзме менталитета и тем самым, надо понимать, признавая несоизмеримость средневековых и современных понятий, полагали, что понимать историческую эпоху нужно исходя из нее самой. В этом смысле мы наблюдаем сочетание некоторых компонентов тех методологических установок, которые выше были названы монологизмом и диалогизмом.

³⁰⁸ Апполонов А. Изобретая собственное средневековье: постмодернизм versus научный метод // Логос. – 2014. – № 1 (97). – С. 216.

«диалогизма», как М.М. Бахтин и В.С. Библер, то есть вписываются в традицию диалогической интерпретации философии и культуры в целом.

Естественно, у диалогических трактовок философии и культуры, связываемых с именами М.М. Бахтина, В.С. Библиера, С.С. Неретиной, немало критиков, в том числе стоящих на вполне диалогических позициях. Укажем на некоторые критические замечания, в разные времена (и с разных позиций) высказывавшиеся различными авторами.

Так, вполне определенно против значимой части интеллектуальных построений М.М. Бахтина высказывались С.С. Аверинцев³⁰⁹, А.Я. Гуревич³¹⁰, А.Ф. Лосев³¹¹, Н.К. Бонецкая³¹². Понимая и принимая их позиции, отметим, что диалогический подход к интерпретации средневековой культуры, выстроенный в духе «идеологии» М.М. Бахтина, представляется нам искажающим суть средневековой культуры, прежде всего, в силу присущей интеллектуальным построениям М.М. Бахтина установки на инверсию смыслов, то есть на тот феномен, который, пожалуй, хорошо отвечает духу культуры постмодерна, но культуре Средних веков в целом не соответствует

³⁰⁹ Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. – М., 1992. – С. 7–19; Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. – М., 1993. – С. 341–345.

³¹⁰ А.Я. Гуревич восхищался творчеством М.М. Бахтина, признавал высокую эвристичность его идей, но как историк–медиевист считал его выводы необоснованными. См.: Гуревич А.Я. История историка. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 190–192, 233; Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. – С. 542–547, 745.

³¹¹ Одним из столпов теории М.М. Бахтина, как известно, является апологетическое исследование «реализма Ф. Рабле», причем связываемого М.М. Бахтиным с диалогическими тенденциями в культуре Средних веков и Возрождения. Не принимая позицию М.М. Бахтина по данному вопросу, А.Ф. Лосев вполне определенно связал «реализм Ф. Рабле» с сатанизмом (Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения // Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М.: Мысль, 1998. – С. 607–610, 631), а многие идеи М.М. Бахтина назвал «весьма спорными и иной раз неимоверно преувеличенными» (*Там же*. – С. 607).

³¹² Если А.Ф. Лосев, насколько это нам известно, в своих сочинениях не особо детализировал свою критическую позицию в отношении идей М.М. Бахтина, то Н.К. Бонецкая свою позицию определенно детализировала. Она связала мировоззрение М.М. Бахтина (а не только «реализм Ф. Рабле») с сатанизмом, причем изложила свою позицию последовательно и аргументированно. См.: Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1998. – № 1 (22). – С. 103–155.

(хотя, конечно, постмодернистские тенденции вполне можно усмотреть на любом этапе развития культуры³¹³).

Культура Средних веков вертикальна (иерархична), однако в ней существует и горизонтальное измерение. Именно с «горизонтальных» позиций была торпедирована официальная религиозная идеология Средневековья; и именно это торпедирование находится в одном из фокусов внимания М.М. Бахтина. По сути, он исследует не столько средневековую культуру, сколько инверсию ее смыслов. Ф. Рабле для М.М. Бахтина важен как один из тех, кто эту инверсию осуществил.

Значительно более тонкий (по сравнению с теорией М.М. Бахтина) вариант диалогической интерпретации средневековой культуры (и, прежде всего, философии как важнейшего феномена культуры) был предложен в исследованиях С.С. Неретиной. Если интерпретация средневековой культуры у М.М. Бахтина строится на инверсии смыслов, то интерпретация средневековой культуры у С.С. Неретиной строится на идее их *эквивокации*³¹⁴, что позволяет более тонким образом интерпретировать феномены средневековой культуры и существовавшие в ней тенденции. Проще говоря, если М.М. Бахтин стремится переворачивать смыслы (высшее и низшее у него меняются местами), то С.С. Неретина предпочитает не

³¹³ Можно трактовать культуру (культуру в целом) с *диахронистских* позиций и, допустим, рассматривать ее через призму цепи эпох «премодерн → модерн → постмодерн», полагая, что каждая последующая эпоха сменяет предыдущую, пусть даже мы не можем назвать четких дат такой смены. Вместе с тем, можно трактовать культуру с противоположных, *синхронистских* позиций и рассматривать ее на основе того предположения, что на каждом этапе ее развития и в ней в целом идет борьба трех культурных тенденций: премодерна, модерна и постмодерна. Как следствие, на любом этапе развития культуры могут быть обнаружены в том числе и постмодернистские тенденции, как, впрочем, тенденции премодернистские и модернистские. Вопрос лишь в том, какая из тенденций и на каком этапе доминирует, какая культурная установка находится в фазе восхождения, а какая в фазе заката.

³¹⁴ Понятие эквивокации восходит к Августину и Боэцию и может быть истолковано как дву-осмысление (Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 23; Неретина С.С. Петр Абеляр и персона // Абеляр П. История моих бедствий. – М.: ИФРАН, 2011. – С. 70–79.). Более развернутые пояснения сути данного феномена мы предложим ниже.

переворачивать трансцендентное (высшее) и имманентное (низшее), а особым образом *связывать* и *осмыслять* их³¹⁵.

Тот вариант диалогической интерпретации средневековых культуры и философии, который был предложен в исследованиях С.С. Неретиной, был подвергнут критике, например, Л.М. Баткиным³¹⁶ и А.В. Апполоновым³¹⁷. За этой критикой подчас просматриваются принципиально различные подходы к интерпретации существа средневековой культуры.

Пусть отчасти, но обнаруживаемое разнообразие позиций вписывается в противостояние монологических и диалогических трактовок средневековых культуры и философии. Факт такого противостояния следует иметь в виду и понимать, что в какой-то мере это противостояние углубляется в силу наличия объективных сложностей в интерпретации средневековых источников, средневековых философии и культуры в целом.

Как уже отмечалось, в значительной мере мы будем опираться на диалогическую в своем существе трактовку средневековой философии, предложенную С.С. Неретиной. Такое решение обусловлено тем, что соответствующая трактовка представляется нам достаточно гибкой и вполне приложимой к проблемам эпистемологии, включая анализ научной коммуникации. Соответствующая трактовка имеет определенные преимущества перед трактовкой, которую можно предложить при более

³¹⁵ С.С. Неретина, безусловно, испытала серьезное влияние теории М.М. Бахтина (см. в этой связи, напр.: Баткин Л.М. Новые бедствия Пьера Абеляра // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 95–115.), однако в итоге выработала в чем-то гораздо более тонкий диалогический метод и метод работы со средневековыми смыслами, нежели можно найти у М.М. Бахтина.

³¹⁶ Там же. Панораму (или даже сеть) рассматриваемой полемики усложняет, пожалуй, то, что Л.М. Баткин не был противником идей диалогизма и, по его признанию, с 1970-х годов считал себя «бахтинцем» (Там же. – С. 95.). В этом смысле лагерь сторонников монологизма и лагерь сторонников диалогизма не являются двумя непересекающимися множествами. Позиции интеллектуалов нередко столь сложны, что в них может быть усмотрена преемственность по отношению как к одной традиции, так и к традиции прямо противоположной. Традиции синтезируются, но каждым синтезируются по-своему, что и порождает несходство идей и полемику.

³¹⁷ Апполонов А. Изобретая собственное средневековье: постмодернизм versus научный метод // Логос. – 2014. – № 1 (97). – С. 208–237; Апполонов А.В. Латинский аверроизм XIII века. – М.: ИФРАН, 2004. – С. 207.

выраженном следовании духу философии М.М. Бахтина. На наш взгляд, трактовка С.С. Неретиной куда лучше отвечает духу средневековой философии и вместе с тем духу современного философствования, благодаря чему позволяет проложить некий мостик между интеллектуальными идеями прошлого, настоящего и будущего.

Сделав эти достаточно развернутые пояснения, обратимся к проблеме концепта и его понимаю в творчестве С.С. Неретиной уже непосредственно.

Идея концепта рождается в рамках концептуализма, в частности в творчестве Пьера Абеляра, и является одной из ключевых для средневековой философии. При этом, как считает С.С. Неретина, для средневековой философии различие понятия и концепта является существенным. В частности, в противовес понятию концепт³¹⁸:

- формируется в речи³¹⁹, то есть «“по ту сторону” грамматики»³²⁰, по сути – «в пространстве человеческой души»³²¹;

- оказывает влияние на духовный мир использующего концепт субъекта (включая психоэмоциональную составляющую этого мира);

- предполагает активизацию способностей души, в том числе обращение к актам памяти, суждения и воображения, концентрируя в себе основывающиеся в духовном мире человека отражения прошлого, настоящего и будущего;

- предполагает ситуацию диалога, то есть наличие *другого*, – слушателя или читателя, – чем способствует актуализации смыслов, стимулирует процессы смыслопорождения и смыслопостижения.

³¹⁸ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 141; Неретина С.С. Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 534.

³¹⁹ Здесь важно, что речь «*всегда* выражается субъектно, с оттенками аффектации или экспрессии, в определенном состоянии души» (Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 193.).

³²⁰ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 141.

³²¹ Там же.

Если классически трактуемое понятие наделяется свойствами объективности, надличности и однозначности³²², то концепт в этом плане принципиально более сложен, ибо значительно более глубоко связан с субъектом, его духовным миром, и смысловыми структурами (смыслом)³²³, а также обладает свойством диалогичности, ибо формируется в диалоге³²⁴. По сути, речь идет о том, что концепт диалогичен и личностен (персоналистичен) и куда лучше (нежели понятие) отвечает средневековому стилю мышления (в том числе его диалектичности³²⁵).

Принципиальным с эпистемологических позиций является указание на эквивокальный (двуосмысленный) характер концепта в его средневековом

³²² Там же. – С. 37–38; Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 29–32; Неретина С.С. Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 534; Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 179. Конечно, логические понятия конструируются познающими субъектами и в силу этого несут некоторый отпечаток их духовного мира, однако субъекты пытаются минимизировать влияние всего субъективного. По большому счету, логические понятия строятся в духе объективистской стратегии мышления, а их до конца неустранимая субъективность остаточна. В любом логическом понятии эта субъективность присутствует, ибо именно субъект определяет, скажем, родовую и видовую компоненты логического понятия, а в сложных, многоаспектных и многослойных объектных сферах структурирование объектов по родам и видам может быть разнообразным, то есть сильно различающимся. См.: Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: необходимые усложнения. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 54; Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 45–46; Sankey H. Kuhn's ontological relativism // Boston studies in the philosophy of science. – 1997. – Vol. 192: Issues and Images in the Philosophy of Science. – P. 305–320. Как справедливо указывал Х.Л. Борхес, не существует классификации мира, которая была бы лишена произвольности и проблематичности. См.: Борхес Х.Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Философия философии. Тексты философии. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – С. 212–214.

³²³ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 141–143.

³²⁴ «Концепт неразрывно связан с общением – в отличие от понятия..., связанного с языковыми структурами, выполняющего объективные функции становления мысли независимо от общения» (Неретина С.С. Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 534.).

³²⁵ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. – М.: Гнозис, 1994. – С. 56.

понимании³²⁶. Свойство эквивокальности связано с тем, что любая речь и любое слово в их средневековом понимании обращены не только к имманентному, но и к трансцендентному, не только к человеку, но и к Богу³²⁷. Соответственно явление эквивокальности состоит в том, что «сквозь одно слово сияют разные его смыслы: священный и буквальный»³²⁸; фигурально выражаясь, через это слово проглядывают трансцендентное и имманентное, трансцендентное и имманентное как таковые. В несколько упрощенном (но при этом весьма важном для эпистемологии) варианте эквивокальность концепта предполагает, что общее просвечивает через частное, а частное – через общее. Благодаря своей эквивокальной природе концепт позволяет усматривать всеобщее в частном, единичном, конкретном³²⁹.

Эквивокальность также предполагает, что буквальное может быть прочитано как иносказательное. В этом плане идея концепта связана с идеей тропа³³⁰. Именно сочетание иносказательности и буквальности позволяет адекватным образом понимать Писание³³¹. При этом такое понимание

³²⁶ Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 23–28; Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 157.

³²⁷ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 142–143; Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 157–159, 239–240, 280–283; Неретина С.С. Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 387; Неретина С.С., Огурцов А.П. Реабилитация вещи. – СПб.: Мирь, 2010. – С. 194. Так, Августин Блаженный понимает различие между вопросами «Кто я?» и «Что я?» таким образом, что первый должен быть обращен к человеку (в том числе и к самому себе), а второй – к Богу. См.: Арндт Х. *Vita active, или О деятельной жизни*. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 18–19; Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 79.

³²⁸ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 81.

³²⁹ Неретина С.С. Петр Абельяр и персона // Абельяр П. История моих бедствий. – М.: ИФРАН, 2011. – С. 62, 66, 94–100.

³³⁰ Неретина С.С. Августин: значение и понимание // Истина и благо: универсальное и сингулярное. – М.: ИФРАН, 2002. – С. 129–131; Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 224–225.

³³¹ Так, Августин Блаженный полагал, что чрезвычайно недостаточно понимать Писание буквальным образом; его адекватное понимание взыскует в том числе и иносказательности (аллегоричности). См.: Блаженный Августин. Исповедь // Блаженный Августин. Творения: В 4 т. – Т. 1: Об истинной религии. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-

должно быть личностным; в свою очередь, идея эквивокальности существенным образом связана именно с «личностным пониманием смысла»³³².

В силу в том числе своей эквивокальности концепт (как, впрочем, и троп) обладает значительными герменевтическими возможностями. В этой связи, обратим внимание на позицию Гильберта Порретанского. Занимая в некоторой мере близкие к концептуализму позиции, он рассматривал концепт как «схватывание вещи как конкретного целого»³³³. В данном случае, это важная для понимания существа концепта и идей концептуализма позиция. По сути, она означает, что концептуализм ориентирует на целостное видение мира, а также на рассмотрение концепта как «формы “схватывания” смысла»³³⁴, как средства целостного схватывания репрезентируемой вещи.

Более того, концепт как средство схватывания целого предполагает, что само такое схватывание представляет собой всякий раз начинающийся заново опыт человеческой мысли³³⁵. Концепт предполагает *схватывание* смысла и в едином акте такого схватывания вбирает в себя одновременно относящееся к общему и к частному, к универсальному и к личному, к трансцендентному и к имманентному. Концепту в силу его эквивокальности присуща способность «в едином акте выражать смысловую и словесную природы, “связь вещей и речей”, мир дольний и мир горний»³³⁶.

Целостный (холистический) характер концептуализма обусловлен тем обстоятельством, что концепты воплощают универсальное в частном,

Пресс, 2000. – С. 731–733; Блаженный Августин. О Книге Бытия // Блаженный Августин. Творения: В 4 т. – Т. 2: Теологические трактаты. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – С. 466, 497–507, 606–613.

³³² Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 23.

³³³ Неретина С.С. Гильберт Порретанский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 1. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 377.

³³⁴ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 140.

³³⁵ Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 132.

³³⁶ Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход): автореф. ... канд. филос. наук: 24.00.01, 09.00.01. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 14.

единичном, сингулярном. Схожим образом в отдельной капле воды отражаются универсальные свойства воды как таковой.

В конечном счете, в средневековой идее концепта можно усмотреть ряд таких методологически значимых идей, как:

- идея целостного видения вещи (и вообще мира);
- идея схватывания вещи в мышлении, в мысли;
- идея диалога (диалогичность);
- идея персоналистичности познания, его личностной обусловленности;
- идея противоположности (альтернативности) концепта понятию.

Все эти идеи принципиально значимы для современной эпистемологии, в связи с чем использование в эпистемологическом исследовании идеи концепта представляется резонным и перспективным. Вместе с тем, следует помнить о тех проблемах и трудностях, которые возникают в условиях трансляции тех или иных идей из средневековой философии в философию современную, в том числе о проблеме несоизмеримости понятий средневекового и современного философского дискурсов. В этой связи, например, возникают противоречащие друг другу толкования терминов «концепт», «эквивокальность» и т.п., а также различные ответы на вопрос о существовании в Средние века четкого (или не до конца четкого) различения и противопоставления понятия и концепта.

В связи с названными проблемами условно можно говорить о двух трактовках средневековой философии – диалогической и монологической. Различие между ними (по обсуждаемым нами вопросам) – с опорой на позиции А.В. Апполонова и Л.М. Баткина – представим в таблице 3.

Ответить на вопрос о том, какая из представленных трактовок верна (или *более* верна), достаточно проблематично. Корректный ответ на этот вопрос требует особой языковой компетенции (знания латыни и соответствующих первоисточников на языке оригинала), и, в любом случае, наталкивается на проблему несоизмеримости философских дискурсов

различных культурно-исторических эпох³³⁷. В контексте нашего исследования не предполагается решения подобного рода историко-философских (и филологических) задач, поэтому соответствующие проблемы, затрагивающие содержание проводимого нами исследования, мы обозначаем, но не претендуем на их разрешение.

**Таблица 3. Трактовки терминов «концепт» и «эквивокальность»
(в их понимании в связи с анализом средневековой философии)**

Диалогическая трактовка (в версии С.С. Неретиной)	Монологическая трактовка
Понимание термина «эквивокальность»	
Эквивокальность – это двусмысленность, одновременная направленность слова, текста и т.п. на сакральное и на мирское	А.В. Апполонов указывает, что эквивокальность – это многозначность слова (имени), своего рода логическая ошибка, софистический прием ³³⁸
Понимание термина «концепт»	
Концепт – эквивокальный (двусмысленный) эпистемический объект, предполагающий, в частности, что сквозь слово просвечивают разные его смыслы – священный (сакральный) и буквальный (мирской). Таким образом, в феномене концепта наличествует адресация к трансцендентному и имманентному одновременно	Согласно Л.М. Баткину, концепт – «порождающее усилие ума, не лишенное внешнего основания, жестко следующее за конструкцией услышанной речи» и извлекающее из речи общее понятие ³³⁹ . По сути, если реконструировать позицию Л.М. Баткина, концепт есть «понятие, уясненное слушателями из произнесенной “речи”», которое «извлекается по правилам логики и грамматики из всех частей этой речи» ³⁴⁰
Дистинкция понятия и концепта	
Существует	Не существует

Резюмируя, отметим, что в контексте нашего исследования наиболее эвристичной представляется диалогическая трактовка средневековой философии, в частности в той версии этой трактовки, которая была разработана С.С. Неретиной. К этой трактовке мы еще будем обращаться.

³³⁷ Гуревич А.Я. «Генезис феодализма» и генезис средневековья. Злые мемуары в роли предисловия // Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 11.

³³⁸ Апполонов А. Изобретая собственное средневековье: постмодернизм versus научный метод // Логос. – 2014. – № 1 (97). – С. 213–216.

³³⁹ Баткин Л.М. Новые бедствия Пьера Абеляра // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 102.

³⁴⁰ Там же. – С. 100.

Основные же замечания о трудностях и проблемах, связанных с её принятием, мы по возможности оставим в этом параграфе, полагая, что они нами оговорены и хотя бы в минимальной степени обсуждены.

2.2. Идея концепта: забвение и возрождение

Исторически так сложилось, что по мере развития философии и науки идея концепта постепенно оттеснялась на периферию философского внимания. Процесс этого оттеснения, по всей видимости, начался еще в Средние века, чему в немалой степени способствовало осуждение П. Абеляра на двух церковных соборах и последовавшее за этим забвение его идей. «Маргинализация» идеи концепта продолжилась и в Новое время. В конечном итоге, всё это привело к стиранию (точнее – ослаблению) дистрикции понятия и концепта. Вместе с тем, следует обратить внимание на историко-философские наблюдения некоторых авторов, занимавшихся проблемой концепта.

Л.А. Микешина предположила, что еще Р. Декарт мыслил о человеке с помощью *концепта* человека (а не *понятия* человека). В частности, «у Декарта во многом еще сохраняется целостное, многогранное видение человека познающего, вмещаемое в концепт и еще полностью не редуцированное к понятию»³⁴¹.

С.С. Неретина и А.П. Огурцов указали на свойственное И. Канту различение понятий и концептов³⁴², однако, по их словам, после И. Канта в философии наблюдалось смещение акцентов «в сторону объективного и однозначного понятия»³⁴³. В конечном итоге, такое смещение усиливало

³⁴¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 517.

³⁴² Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – С. 691–697; Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 175–179.

³⁴³ Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 179.

позиции объективистских установок в теории познания и в некотором смысле ее «десоциализировало»³⁴⁴.

Параллельно с оттеснением идеи концепта на периферию философского внимания возникали некоторые аналоги феномена концепта. Так, Ю.В. Суржанская³⁴⁵ указала на некоторое сходство между концептом и такими теоретическими объектами, как *трансцендентальная схема* И. Канта³⁴⁶, *представление* Г. Гегеля, *ассоциированная идея* Г. Фреге. Естественно, речь идет о некоторых сходствах, аналогиях, а не о тождественности соответствующих объектов. Так, трансцендентальная схема обретается в мышлении, тогда как концепт при всей его связи с мышлением все-таки является феноменом языковым и речевым. Соответствующие теоретические объекты – аналоги концепта – были призваны пусть и не вернуть идею концепта в широкий философский оборот, но в какой-то мере придать эпистемологии более глубокий смысл в условиях характерных ей на

³⁴⁴ Большую роль в этом процессе сыграли позитивисты и неопозитивисты. Так, неопозитивисты отстаивали идеи физикализма, согласно одной из вариаций которого универсальным считался язык номотетически образованных логических понятий. См.: Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. – 2005. – № 2 (47). – С. 13–26; Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 126–127.

³⁴⁵ Суржанская Ю.В. Концепт как философское понятие // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2 (14). – С. 70–78; Суржанская Ю.В. Проблема соотношения концепта и понятия в философском и научном мышлении: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Томск, 2012. – 24 с.

³⁴⁶ Важно, что по И. Канту трансцендентальная схема – это некий объект, опосредующий явления и категории, в связи с чем он занимает промежуточное положение между чувственным и интеллектуальным и соединяет в себе признаки образа и понятия. См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 8 т. – Т. 3. – М.: Чоро, 1994. – С. 156–159; Гачев Г.Д. Осень с Кантом: Образность в «Критике чистого разума». – М., 2004. – С. 14–17; Гулыга А.В. Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 15–16; Ойзерман Т.И. Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 12, 205–209; Розин В.М. Образ и схема в контексте воображения и становления // Мир психологии. – 2009. – № 4 (60). – С. 31; Розин В.М. Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 6–7, 70. «Чувственно-интеллектуальный» характер трансцендентальной схемы в чем-то уподобляет ее концепту, ибо последний, с одной стороны, «интеллектуален», а с другой – «предметен», с одной стороны формируется в уме познающего субъекта, а с другой – служит средством схватывания вещи.

определенных этапах истории тенденций к «десоциализации» и «объективизации».

Ответом на эти тенденции, на попытки элиминировать субъекта из познавательного контекста и тем самым выхолостить представления о познании³⁴⁷, стало развитие *социальной* эпистемологии. В какой-то мере её дальнейшее развитие подвигает к тому, чтобы обратить внимание на идею концепта и попробовать её адаптировать под эпистемологические задачи³⁴⁸.

В любом случае, история распорядилась таким образом, что идея концепта долгое время пребывала на периферии философского дискурса, однако в какой-то момент ситуация стала меняться. Охарактеризовать эти изменения в точных (и не допускающих сомнений) формулировках довольно сложно, однако отметим, что некоторые признаки изменений наметились уже в первой трети XX века, а уже к завершению этого века в науке и философии возникли и довольно интенсивно применялись несколько вполне продуманных и проработанных вариантов учения о концепте. Более того, к концу XX века термин «концепт» стал одним из ключевых терминов философской и научной литературы. При этом необходимо возникает вопрос о том, насколько сложившиеся к настоящему времени трактовки феномена концепта соответствуют тому его пониманию, которое было свойственно средневековой философии. Судя по всему, следует признать, что семантика термина «концепт» за долгие века претерпела существенные изменения, в том числе приобрела новые смыслы и значения.

В любом случае, в XX веке феномен концепта стал одним из узлов философствования, причем, прежде всего, в российской философии. Произошло это еще в советский период, но в постсоветский период в силу достаточно интенсивного развития теории концепта стало более очевидным.

³⁴⁷ См.: Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 12–21, 502; Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 86.

³⁴⁸ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 502.

Насколько нам известно, первым, кто в XX веке в один из фокусов своей интеллектуальной деятельности достаточно явно поставил феномен концепта, был русский религиозный мыслитель С.А. Аскольдов (Алексеев), однако его идеи в своё время должного развития не получили.

С течением времени, в частности, спустя несколько десятилетий, понятие концепта, трактуемое в том или ином смысле, стало интенсивно циркулировать в научно-философском дискурсе и вошло в устойчивый интеллектуальный оборот. Уже в 1970-е годы Ю.С. Степанов в ряде своих сочинений обратился к феномену концепта³⁴⁹. Со временем исследование данного феномена стало для Ю.С. Степанова важнейшим направлением научного поиска.

Трактуя концепт по преимуществу в контексте проблем лингвистики и лингвокультурологии, Ю.С. Степанов активно осмысливал данный феномен в связи с идеями постструктурализма, в результате чего его трактовка оказалась весьма актуальна для философии.

В 1993 году³⁵⁰ академик Д.С. Лихачев опубликовал статью «Концептосфера русского языка»³⁵¹, в которой попытался опереться на понятие концепта, разработанное еще С.А. Аскольдовым, тем самым способствуя возвращению идей С.А. Аскольдова в научный оборот.

С.С. Неретина, опираясь на свои исследования, касающиеся истории философии Средних веков, реализовала проект по осмыслению средневекового понятия концепта и параллельно с этим задействовать и актуализировать данное понятие в современных философских контекстах, включая контексты эпистемологические.

³⁴⁹ Об этом, например, сообщает Д.С. Лихачев. См.: Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 240–241, 344.

³⁵⁰ Библиография работ Д. С. Лихачева. Хронологический список трудов академика Д. С. Лихачева (1935–1995 гг.) // Запесоцкий А.С. Дмитрий Лихачев – великий русский культуролог. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – С. 266.

³⁵¹ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 240–251.

Значимое место в развитии философии концепта принадлежит Л.А. Микешиной, однако направленность ее исследований существенно отличается от идей С.С. Неретиной. Если С.С. Неретина основывала свои концептологические исследования по преимуществу на материале средневековой философии, то Л.А. Микешина – по преимуществу на материале эпистемологии Нового и Новейшего времени. Л.А. Микешина указала на то³⁵², что авторы ряда гуманитарных исследований, осмысливая ключевой для своих сочинений теоретический объект, оперировали не понятием, а именно концептом. В частности, концепты были усмотрены в творчестве Дж. Вико, Й. Хейзинги, Э. Ауэрбаха, а само присутствие концептов в гуманитарном знании было увязано с его нарративистским характером.

На развитие идеи концепта, по всей видимости, оказали влияние исследования смежных феноменов. В этой связи можно назвать исследования *категорий средневековой культуры*, осуществленные А.Я. Гуревичем³⁵³, исследования языка, предпринятые В.В. Налимовым³⁵⁴, и исследования *общенаучных понятий*, проведенные В.С. Готтом³⁵⁵. Не

³⁵² Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.

³⁵³ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – С. 15–260.

³⁵⁴ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – 260 с.; Налимов В.В. Язык науки // Развитие личности. – 2008. – № 1. – С. 186–212. В.В. Налимов рассматривал понятия науки как метафоры и вместе с тем как размытые объекты, смысл которых не только изменчив, но не всегда очевиден и однозначен (Золотухина-Аболина Е.В. В. В. Налимов. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов-н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. – С. 31–32.). Для описания эффекта размытости концептуального пространства В.В. Налимов использовал эвристический потенциал известной из теории вероятностей теоремы Т. Байеса. В какой-то мере некоторые идеи В.В. Налимова созвучны теориям Л. Заде и Д. Хоффштадтера. См.: Zadeh L.A. Fuzzy logic – a personal perspective // Fuzzy Sets and Systems. – 2015. – Vol. 281. – P. 4–20; Hofstadter D. Fluid concepts and creative analogies: Computer models of the fundamental mechanisms of thought. – N.Y.: Basic Books, 1995. – 518 p.

³⁵⁵ Готт В.С. Удивительный, неисчерпаемый, познаваемый мир. – М.: Знание, 1974. – 224 с.; Готт В.С. Диалектическое единство линейности и нелинейности // Необходимость нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 415–436; Готт В.С., Ключарев Г.А. Понятийное мышление и становление единой науки о человеке // Необходимость нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 298–320. В качестве общенаучных

прибегая к использованию термина «концепт», А.Я. Гуревич, В.В. Налимов и В.С. Готт провели весьма интересные исследования, существенная часть которых оказалась созвучна некоторым «концептологическим» идеям.

В 1998 году вышла книга Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Что такое философия?», переведенная на русский язык³⁵⁶. Работая над переводом, С. Зенкин пришел к выводу, что термин «концепт» будет лучше соответствовать духу идей авторов, нежели термин «понятие»³⁵⁷. В том числе и под влиянием этого в российском интеллектуальном пространстве заявил о себе подход, который рассматривает философию как *творчество концептов*, а сам концепт предлагает трактовать в постструктуралистском ключе.

По сути дела, на Западе сложился свой «концептологический» дискурс. Более того, интерес к феномену концепта был проявлен не только французским постструктурализмом, но и аналитической философией. При этом, насколько можно судить, в двух разных ветвях аналитической философии сформировалось два нетождественных подхода к пониманию сущности концепта.

В неопозитивизме сложилась тенденция связывать концепт с одной из структур понятия. В частности, идеи Г. Фреге, А. Чёрча, Р. Карнапа, У. Куайна и некоторых других авторов определенно способствовали тому, что развитие логической семантики осуществлялось в направлении

В.С. Готтом рассматривались такие понятия, как, например, линейность и нелинейность, локальность и нелокальность, симметрия и асимметрия. При этом такие понятия занимают промежуточное положение между категориями философии и понятиями частных наук, оказываясь в роли коммуникаторов между этими двумя пластами человеческого знания. Один из учеников В.С. Готта Г.А. Ключарев в 1985 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Методологическая роль симметрии и асимметрии в построении научных теорий», а в 1994 году – докторскую диссертацию на тему «Эволюция понятий в современном человековедении». Характеризуя тематику своей докторской диссертации, защищенной в далеком 1994 году, Г.А. Ключарев отмечает: «Путем игры с понятиями можно получить новые смыслы, а под них уже находятся явления действительности» (Ключарев Г.А. «Мой путь в социологию оказался долог и тернист» // Телескоп. – 2014. – № 6 (108). – С. 20.). Во многом эта идея созвучна актуальному для нашего исследования пониманию науки как творчества концептов.

³⁵⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.

³⁵⁷ Зенкин С. Послесловие переводчика // Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 254–260.

«“расслоения” понятия на классические “объём” и “содержание”, “экстенционал” и “интенционал”, “денотат” и “сигнификат”, “значение” и “смысл” и присвоения имени “концепт” второму члену пары»³⁵⁸. Концепт в таком случае оказывался содержанием понятия, причем безотносительно к его объему. Так трактуемый концепт как бы заставляет абстрагироваться от объема понятия и рассматривать понятие исключительно в концептуальном (а не материальном или, говоря шире, экстенциональном) контексте³⁵⁹.

В лингвистической философии интерес к феномену концепта был проявлен, прежде всего, в связи с такими актуальными феноменами, как концептуальный анализ и феномен концептуальных каркасов³⁶⁰.

Как видим, концептологический дискурс сложился не только в России, но и на Западе, причем как в континентальной, так и в англо-американской традициях. Развитие концептологического дискурса в России при этом носило оригинальный характер и, вместе с тем, в той или иной мере подпитывалось западной философией. Во всяком случае, в одном из фокусов научного и философского дискурса феномен концепта оказался еще в Советской России. При этом постепенно, по мере развития науки и философии, проблема концепта превратилась в одну из точек их роста. Существенно и то, что концепт попал в фокус исследовательского внимания

³⁵⁸ Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – С. 15.

³⁵⁹ С.Г. Воркачев указывает, что если спроецировать характерное логической семантике понимание концепта «на абстрактные объекты – понятия-универсалии и духовные ценности, являющиеся гипостазированными свойствами и отношениями неограниченно широкого и никак не определенного класса предметов действительности, то выяснится, что в конечном итоге... концепты – это безобъемные понятия, сугубо мысленные конструкторы, поскольку денотатно они соотношены с “пустым множеством” объектов. Подобно содержанию “фантомных понятий” (русалка, кентавр, химера и др.), концепты (красота, благо, справедливость и пр.) предметно (как сущности) присутствуют лишь в сознании субъекта мысли» (*Там же*. – С. 15–16.).

³⁶⁰ В этой связи следует назвать имена Л. Витгенштейна, У. Куайна, Дж. Мура, Г. Райла, П. Стросона. См.: Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. – М.: Праксис, 2003. – С. 258–277; Макеева Л.Б., Смирнов М.А. Концептуальные схемы и релятивизм: Критические аргументы Дональда Дэвидсона // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 1. – С. 59–78; Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. – 328 с.

не только специалистов в области философии, но и представителей других наук и научных специальностей. В результате этого со временем сложились некие актуальные представления о феномене концепта, а также в российском интеллектуальном дискурсе утвердилась дистинкция понятия и концепта.

2.3. Понятие концепта в творчестве

С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова

Мы указали на некоторые траектории, по которым осуществлялась реактуализация идеи концепта в науке и философии XX века. При этом вопрос об особенностях сложившихся в ходе этого процесса понятий концепта мы обошли стороной. В этом параграфе мы попытаемся восполнить этот пробел и сконцентрируемся на понятиях концепта, разработанных в сочинениях С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева и Ю.С. Степанова. По сути, речь пойдет о лингвокультурологической и лингвокогнитологической трактовках феномена концепта.

С.А. Аскольдов (1871–1945) полагал концепт «мысленным образованием, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода»³⁶¹. При этом концепт может служить заместителем не только реальных предметов, но и предметов ирреальных, абстрактных свойств, мысленных функций и т.п.³⁶²

С.А. Аскольдов различал концепты познавательные и художественные. Первые метафорически были им поименованы «почками сложнейших соцветий мысленных конкретностей»³⁶³, а вторые понимались в качестве «сочетаний понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений»³⁶⁴, по сути, комплексных мысленных образований,

³⁶¹ Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь / под ред. Л.В. Щербы. – Вып. II. – Л.: Academia, 1928. – С. 31.

³⁶² Там же. – С. 31–32.

³⁶³ Там же. – С. 34.

³⁶⁴ Там же. – С. 37.

принципиальным свойством которых является «чуждая логике и реальной прагматике художественная ассоциативность»³⁶⁵.

По большому счету, в представлениях С.А. Аскольдова в свернутом виде содержались существенные компоненты многих из тех трактовок феномена концепта, которые впоследствии получили распространение в науке и философии. Соответствующие идеи имели глубокий эпистемологический смысл³⁶⁶. В частности, в его учении «возникающие на основе символизации интуиций» концепты выступали познавательной формой, введение в рассмотрение которой было призвано не допустить безраздельного господства безличного субъекта; вместо него в рассмотрение вводился индивидуальный субъект³⁶⁷.

Идеи С.А. Аскольдова попытался развить академик Д.С. Лихачев (1906–1999). В своей статье «Концептосфера русского языка» он во многом исходил именно из концептологических идей С.А. Аскольдова, однако, как представляется, усилил в них лингвокультурологическую составляющую.

Согласно Д.С. Лихачеву, концепт – «алгебраическое» выражение значения, во многом определяемое предшествующим языковым опытом человека в самых разнообразных сферах практики (художественная литература, наука, социальные взаимодействия и т.п.)³⁶⁸.

По большому счету, каждый человек как бы накладывает на слово какие-то свои (свойственные ему, его жизненному контексту, жизненной

³⁶⁵ Там же. – С. 38.

³⁶⁶ Петруня О.Э. Сергей Алексеевич Аскольдов: Несостоявшаяся революция в теории познания // Аскольдов С.А. Гносеология. Статьи. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. – С. 3–37.

³⁶⁷ Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 180.

³⁶⁸ «В концепте “незнакомка” имеет значение, читал ли... человек Блока и в каком контексте употреблено это слово. В концепте “интеллигенция” огромное значение имеет то, как говорящий или пишущий о ней относится к интеллигенции. Имеет значение, знает ли языконоситель о значении “вербы” в церковном быту и даже в торговом дореволюционном, ленинградец ли человек, произносящий слово “блокада”. Какие поэтические произведения читал человек, слышащий и произносящий слово “булат”, и т. п.» (Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 245.).

ситуации и опыту)³⁶⁹ дополнительные (коннотативные) смыслы, или, если говорить точнее, актуализирует грани смыслов. В итоге один человек в некотором слове и соответственно стоящем за словом культурном явлении может видеть, скажем, повод для усмешек, а у другого человека это же слово и стоящее за ним культурное явление вызывает душевные муки. Соответственно, люди могут использовать одни и те же слова, но при этом наделять их специфическим массивом смысла, понимать их каждый по-своему³⁷⁰. С одной стороны, это усложняет межличностную коммуникацию, а с другой – ее упрощает. Недаром Д.С. Лихачев отмечал: «То обстоятельство, что концепт скрывает за собой, позади себя всю сложность и все обилие словарного смысла, как ни парадоксально это звучит, облегчает общение с помощью языка, как облегчает алгебра арифметические действия»³⁷¹. В данном случае в качестве пояснения можно указать на то, что концепт «подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в понимании значения слова»³⁷², а также «расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества, домысливания, “дофантазирования” и для эмоциональной ауры слова»³⁷³.

Понятие концепта, предложенное Д.С. Лихачевым, во многом связывает концепт со словом или словосочетанием (например, фразеологизмом) и носит лингвокультурологический и лингвокогнитологический характер одновременно, ибо концепт признается объектом, обусловленным духовным миром конкретной личности и культурой в целом.

³⁶⁹ «Каждый концепт в сущности может быть по-разному расшифрован в зависимости от ситуационного контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя» (Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – С. 153.).

³⁷⁰ Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 84.

³⁷¹ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – С. 155.

³⁷² Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 243–244.

³⁷³ Там же.

Основные концептологические идеи С.А. Аскольдова и Д.С. Лихачева оказались сосредоточены в двух небольших по объему (хотя и весьма ёмких по содержанию) статьях – статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово» и статье Д.С. Лихачева «Концептосфера русского языка». В случае с Ю.С. Степановым (1930–2012) мы имеем ситуацию иного рода: Ю.С. Степанов в течение нескольких десятилетий занимался проблемой концепта и посвятил ей целый ряд своих сочинений, в том числе несколько монографий³⁷⁴. В итоге его авторская позиция не только развивалась в течение нескольких десятилетий, но и оказалась более развернутой и вместе с тем более широкой, нежели позиции С.А. Аскольдова и Д.С. Лихачева. Судя по всему, на основе идей Ю.С. Степанова можно реконструировать несколько нетождественных трактовок феномена концепта. В частности, можно говорить о двух используемых данным автором трактовках – лингвокультурологической и лингвокогнитологической.

Вместе с тем, как представляется, позицию Ю.С. Степанова можно трактовать и так, что придется рассматривать обе названные трактовки как своеобразные продолжения друг друга, как две стороны одного и того же феномена. Именно так мы и поступим, полагая, что при достижении нашими интеллектуальными построениями некоторого уровня абстрактности можно будет выделить две нетождественные трактовки феномена концепта (лингвокультурологическую и лингвокогнитологическую), во многом служащие предметом интереса двух разных научных дисциплин (лингвокультурологии и лингвокогнитологии).

Концепт рассматривается Ю.С. Степановым в качестве «основной ячейки культуры в ментальном мире человека»³⁷⁵. По сути, концепт

³⁷⁴ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.; Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.; Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». – Калуга: Эйдос, 2010. – 168 с.

³⁷⁵ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 41. В более развернутой формулировке Ю.С. Степанов рассматривал концепт как некоторый «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» (*Там же*. – С. 40.).

оказывается неким перекрестием духовного мира конкретного человека и культуры, то есть индивидуального (личностного) и (обще)культурного. Лингвокогнитологическая и лингвокультурологическая трактовки лишь акцентируют внимание на одном из этих двух аспектов функционирования концепта. В реальности индивидуальное и (обще)культурное взаимосвязаны, просвечивают сквозь друг друга³⁷⁶, что, признаем, некоторым образом сближает обсуждаемую трактовку феномена концепта с его средневековым пониманием (по крайней мере, в трактовке С.С. Неретиной), ибо в известном смысле концепт – это нечто универсальное, присутствующее в конкретном, в конкретной вещи, в данном случае – в духовном мире конкретного человека. В любом случае, лингвокультурологическая трактовка феномена концепта перетекает в лингвокогнитологическую, и наоборот.

В рамках лингвокультурологической трактовки нередко прибегают к так называемой «слоевой модели» концепта, в которой каждый слой рассматривается как «осадок» культурного бытия той или иной исторической эпохи³⁷⁷. В итоге в лингвокультурологическом аспекте концепт функционирует в качестве выраженного в языковой форме многомерного смыслового образования, включающего в себя помимо основного значения слова или словосочетания некоторое множество дополнительных (ассоциативных) и исторических значений³⁷⁸. В этом смысле концепт есть спектр («пучок») «представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово»³⁷⁹.

Концепт может быть связан со словом, однако совсем не обязательно может быть полностью выражен этим словом. Концепт является своего рода

³⁷⁶ Князева Е.Н. Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. де Роснэ // *Философские науки*. – 2011. – № 9. – С. 106.

³⁷⁷ В качестве одной из таких эпох, как правило, выступает эпоха современная.

³⁷⁸ Значимые элементы подобных идей содержались уже у Л.С. Выготского. См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.; Касавин И.Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л.С. Выготского) // *Эпистемология и философия науки*. – 2009. – Т. XXI. – № 3. – С. 159.

³⁷⁹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40.

концентратом смысла, выражаемого в том числе словами, но полностью не выразимого в слове и даже в тексте. Иначе говоря, с точки зрения семантического богатства (семантической глубины) концепт оказывается более богатым (глубоким) образованием, нежели отдельное слово³⁸⁰.

Ю.С. Степанов допускает расширение понятия концепта³⁸¹. Концепт может быть связан не только со словом или словосочетанием, но и с текстом или совокупностью текстов, а также с произведением искусства или ансамблем таких произведений. В данном случае принципиальна идея невыразимости в слове, невербализуемости или неполной вербализуемости концепта, существенно присутствие в нем невербальной и / или невербализуемой составляющих.

Значимой особенностью разработанного Ю.С. Степановым понятия концепта является эмотивистский характер данного феномена, то есть понимание в качестве одного из ключевых свойств концепта его способность вызывать эмоции. В частности, «...в отличие от понятий в собственном смысле термина... концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений»³⁸². Таким образом, если понятия являются знаковыми объектами мышления, то концепты являются знаковыми объектами некоторого переживания, некоего чувственного события. В конечном счете, концепт (в отличие от понятия) достаточно плотно связан с эмоциональной сферой личности.

Представляется чрезвычайно значимой идея связи концепта с духовным миром личности и одновременно с культурой как таковой. В этом

³⁸⁰ Распространена позиция, согласно которой концепт рассматривается как «основная единица сознания», которая, с одной стороны, поддается репрезентации языковыми средствами, а, с другой стороны, предполагает наличие в своем содержании некоторого невербализованного (и/или невербализуемого) компонента. См.: Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 6.

³⁸¹ Подорога В.А. Как мыслит лингвист? Теория концепта и философия языка Ю.С. Степанова (Наброски к теме) // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под ред. В.З. Демьянкова и др. – М.: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013. – С. 13–21.

³⁸² Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 40–41.

смысле феномен концепта позволяет учитывать в анализе познавательных процессов влияние, оказываемое со стороны разных пластов социально-культурной действительности, в том числе со стороны субъекта – индивидуального и коллективного. Существенный интерес в этом плане представляет трактовка феномена концепта, предложенная именно Ю.С. Степановым. По сути, он предлагает кластерное понятие концепта, в пределах которого можно выделить следующие значимые аспекты: *лингвокультурологический*, *лингвокогнитологический* и *эмотивистский*. В их рамках концепт служит репрезентатором культуры и духовного мира человека. При этом концепт сходен с понятием, но в отличие от него является не только средством мышления, но и элементом переживания и средством выражения этого переживания.

2.4. Феномен концепта в постструктуралистской философии

К проблеме концепта прямо или косвенно обращались Р. Барт, М. Фуко, Ж. Делёз, Ф. Гваттари³⁸³ и другие представители французской философии³⁸⁴. При этом, как отмечает Н.С. Автономова, в современном французском языке сложились некоторые представления о нетождественности понятия и концепта³⁸⁵, в силу чего исследования

³⁸³ Барт Р. Из книги «Мифологии» // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 72–105; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.; Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.; Делёз Ж. Философский концепт... // *Studia Culturae*. – 2013. – № 15. – С. 241–243; Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.

³⁸⁴ Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. статей в честь акад. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622; Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 506–507; Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С. Обсуждаем статью «Концепт» // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 166–168; Филатова А.А. *Указ. соч.*

³⁸⁵ Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 17.

указанных авторов можно трактовать как относящиеся к проблеме именно концепта, а не понятия.

Обращение постструктуралистов к феномену концепта может быть увязано с одним из вызовов эпохи постмодерна – дивергенцией (расхождением) означающего и означаемого. Постструктурализм этот вызов зафиксировал и принял. Одним из ответов на него стала постструктуралистская интерпретация феномена концепта. В данном параграфе мы изложим некоторые ее ключевые идеи; опираться при этом будем на монографию Е.В. Биричевой «Концепт “субъекта” в пространстве неклассической онтологии»³⁸⁶.

С опорой на постструктуралистские идеи Е.В. Биричева указывает на автореферентность концепта³⁸⁷. Постструктуралистская интерпретация феномена концепта предлагает трактовать его как орудие «организации пространства мысли», а также как «инструмент понимания»³⁸⁸. Если понятия соответствуют знаниям, знанию вообще, то концепты соответствуют не столько знанию, сколько пониманию³⁸⁹. В данном случае может быть сформулирована гипотеза, согласно которой вне зависимости от наличия тесной связи со знанием (а, говоря по правде, именно благодаря этой связи), понятия склонны порождать иллюзию понимания, а по большому счету – непонимание³⁹⁰. Преодоление «понятийного языка» и «понятийного мышления», таким образом, ориентировано на прорыв к подлинному

³⁸⁶ Биричева Е.В. Концепт «субъекта» в пространстве неклассической онтологии. – Екатеринбург: Изд. Дом «Ажур», 2012. – 122 с.

³⁸⁷ Концепт отсылает к самому себе; он «автореферентен, будучи творим, он одновременно сам полагает себя и свой объект» (Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 29.).

³⁸⁸ Биричева Е.В. *Указ. соч.* – С. 7.

³⁸⁹ Там же. – С. 8. Для пояснения различий между пониманием и знанием сошлемся на позицию Н.Д. Арутюновой: «Понимание – это как бы личное, природное достояние человека, которое не всегда подлежит и поддается экспликации. Именно поэтому язык понимания затруднен и часто неясен, а язык знания, напротив, развит и точен» (Арутюнова Н.Д. Невыразимое – подвластно ли пониманию? // Вопросы культуры речи: сб. ст. под ред. А.Д. Шмелева. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007. – Т. 9. – С. 155.). В известном смысле знание объективно, а понимание субъективно.

³⁹⁰ Биричева Е.В. *Указ. соч.* – С. 8.

пониманию реальности. В конечном итоге, понятие и понятийное как таковое не соответствуют постклассическому дискурсу. Средой обитания понятий является язык, они погружены в него, тогда как «концепты... имеют в языке лишь свои “имена”, работая непосредственно “внутри” смысла»³⁹¹. По сути дела, имеются основания для заключения, согласно которому понятия заполняют собой план выражения, а концепты, напротив, заполняют собой план содержания.

Таким образом, с уверенностью можно утверждать о том, что в постструктуралистской философии сформировалась некоторая самостоятельная дистинкция понятия и концепта. При этом в постструктурализме различие проводится не только между понятием и концептом, но и между категорией и концептом. Так, Е.В. Биричева указывает на то, что категории – это вместилища смыслов, тогда как концепты – генераторы смыслов³⁹². Если продолжать говорить образно, то категориям характерен оседлый способ бытия, тогда как концептам – кочевой; категории могут быть уподоблены монадам, а концепты – номадам³⁹³. В этом контексте весьма показательным, что Ж. Делёз и Ф. Гваттари связывали концепт с территорией (а не объектом)³⁹⁴.

Категориям характерно универсалистское видение действительности, тогда как концептам – видение личностное и уникалистское (в противоположность универсалистскому)³⁹⁵. В силу этого в концептах так или иначе проступает (проглядывает) духовный мир их создателя, впрочем, как и субъекта, их использующего. Любой субъект, прибегающий к оперированию концептами, в каком-то отношении строит свой уникальный язык, наполняя при этом *свои* концепты каким-то специфическим, личностно обусловленным и уникальным массивом смысла. Подобное положение вещей,

³⁹¹ Там же.

³⁹² Там же. – С. 13–14, 17.

³⁹³ Там же. – С. 18–19, 29.

³⁹⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 131.

³⁹⁵ Биричева Е.В. Указ. соч. – С. 15, 43, 47.

закрывающееся в обусловленности концептов субъектами, в существенной зависимости концептов от субъектов, от духовных миров субъектов, приводит к тому, что «собеседники никогда не говорят об одном и том же»³⁹⁶, а любая возможная или актуальная полемика между ними имеет своим истоком ситуацию нетождественности смыслов, присущих внешне тождественным терминам. В силу этого в интеллектуальных дискуссиях часто на первый план выходят термины, а не обозначаемые терминами смыслы и значения³⁹⁷, и нужны большие усилия, чтобы от споров по поводу терминов прорваться к спору по поводу смыслов. Как следствие, Ж. Делёз и Ф. Гваттари придерживались весьма невысокого мнения о философских дискуссиях³⁹⁸; пожалуй, они принадлежали к числу тех, кто считал, что в споре истина не рождается, а вырождается.

Основная функция философии в понимании Ж. Делёза и Ф. Гваттари состоит в производстве (генерировании) концептов. При этом сущность науки Ж. Делёз и Ф. Гваттари не связывали с творчеством концептов, хотя и признавали некоторые отношения между наукой и концептами.

Ж. Делёз и Ф. Гваттари полагали, что понятия и оперирующая ими наука функционируют в режиме порядка (устойчивости), тогда как концепты и оперирующая ими философия – в режиме хаоса (неустойчивости)³⁹⁹. В принципе, в творчестве Ж. Делёза и Ф. Гваттари предьявлена и та позиция, согласно которой понятия характеризуют ставшее знание, тогда как

³⁹⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 35.

³⁹⁷ О трудностях использования языка терминов и их закрепления за смыслами уже в кантовой «Критике чистого разума» можем прочесть: «Несмотря на большое богатство нашего языка, мыслящий человек нередко затрудняется найти термин, точно соответствующий его понятию, и потому этот термин не может сделаться действительно понятным не только другим, но даже и ему самому» (Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 8 т. – Т. 3. – М.: Чоро, 1994. – С. 283.).

³⁹⁸ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 35–36.

³⁹⁹ Там же. – С. 135–139; Зенкин С. Послесловие переводчика // Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 258; Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С. Обсуждаем статью «Концепт» // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 162–163, 168.

концепты – знание становящееся; недаром концепт этими авторами сам по себе связывался со становлением⁴⁰⁰. Концепты никогда не являются ставшими, завершенными и окончательными; они всегда находятся в стадии становления, нередко – в состоянии реактуализации и реинтерпретации⁴⁰¹.

В конечном счете, постструктуралистская трактовка феномена концепта закрепила за ним следующие свойства⁴⁰²:

- *Сотворенность* и, если так можно выразиться, «визированность» автором. В частности, концепт творится субъектом и несет на себе его авторскую подпись⁴⁰³. Иногда концепт может быть соотнесен с теми или иными концептуальными персонажами (Сократ у Платона, Заратустра у Ницше и т.д. и т.п.) и воплощен в них подобно тому как это происходит в художественной литературе, когда герой воплощает в себе определенные идеи и смыслы, некоторую личностную и одновременно с этим надличностную философию;

- *«Проблемность»*. Концепт связан «с проблемой или пересечением множества проблем, на которые он призван отвечать»⁴⁰⁴, и посредством этого связан с множеством других концептов;

- *Сложность*. Концепт осуществляет генерализацию составляющих его концептов, но в то же время сохраняет некоторую фрагментарность и непрогнозируемую случайность (контингентность)⁴⁰⁵. Он одновременно

⁴⁰⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 69–70, 111, 128–129, 179, 205.

⁴⁰¹ Киященко Л.П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности). – М.: ИФ РАН, 2017. – С. 50; Тищенко П.Д. Аналитика научного дискурса // Философия науки. – 1995. – Т. 1. – № 1. – С. 273; Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С. Обсуждаем статью «Концепт» // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 164.

⁴⁰² Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Концепт // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 379–380.

⁴⁰³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 17, 35–36.

⁴⁰⁴ Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. *Указ. соч.*

⁴⁰⁵ О проблеме контингентности коммуникации см.: Аршинов В.И., Тарасенко В.В. Автопоэзис, коммуникация, управление // Феномен человека в его эволюции и динамике: труды открытого научного семинара. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 109–137.

гомогенен и гетерогенен, то есть в разных контекстах может рассматриваться и как нечто целое (единое), и как нечто фрагментарное;

- *Компонентность.* Концепт предполагает «упорядочение, распределение (но не иерархическое) его составляющих “по зонам соседства”, в которых они становятся неразличимыми»⁴⁰⁶. Компоненты (составляющие) концепта – это «интенсивные ординаты», концепт «пробегают» их «с бесконечной скоростью» в “недистантном порядке”»⁴⁰⁷. В концепте осуществляется пересечение (или даже «сгущение») его составляющих⁴⁰⁸; концепт к своим составляющим не может быть редуцирован, но при этом «постоянно, без дистанции, присутствует в своих составляющих и снова и снова их пробегает»⁴⁰⁹;

- *Внеобъектность и внедискурсивность.* Концепт, вообще говоря, не является идентичным ни по отношению к «состоянию вещей», ни по отношению к «предложениям языка»⁴¹⁰. Концепт – это «чистое сингулярное и автореферентное Событие (“а не сущность или вещь”), которое не имеет пространственно-временных координат, но только свои “интенсивные ординаты” – составляющие как свои единственно возможные объекты»⁴¹¹. Концепт – не языковое средство, не универсалия и не слово, но событие *смысла*⁴¹². Он является виртуальной смысловой структурой, нередко дремлющей и в этой дремоте ожидающей своей актуализации, акта авторского схватывания смысла. При этом в отличие от понятия концепт способен схватывать довольно сложную топологию смысла.

Для Делёза и Гваттари концепт индивидуален, многомерен, структурно неопределенен, лишен способности функционировать в каком-то определенном дискурсе. Он является одновременно абсолютным и

⁴⁰⁶ Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. *Указ. соч.*

⁴⁰⁷ *Там же.*

⁴⁰⁸ *Там же.*

⁴⁰⁹ *Там же.*

⁴¹⁰ Биричева Е.В. *Указ. соч.* – С. 16.

⁴¹¹ Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. *Указ. соч.*

⁴¹² Биричева Е.В. *Указ. соч.* – С. 16.

относительным⁴¹³, представляет собой «неразделимость конечного числа разнородных составляющих»⁴¹⁴. Он напоминает идею, но скорее являет собой совокупность идей как гетерогенных элементов, соединяемых в некой «динамической концептуальной точке»⁴¹⁵.

Иначе говоря, концепт антиномичен (он одновременно и гетерогенен и гомогенен, одновременно и относителен и абсолютен). Чем-то это напоминает то, как *символическое* в представлениях Э. Кассирера преодолевает бинарную оппозицию трансцендентного и имманентного, потустороннего и посюстороннего. Позиция Э. Кассирера, как известно, была выражена так: «Символическое никогда не принадлежит “посюстороннему” или “потустороннему”, имманентному или трансцендентному, но его ценность заключается именно в том, что им преодолевается эта оппозиция, проистекающая из метафизической теории двух миров. Оно не является ни одним, ни другим, но представляет “первое во втором” и “второе в первом”»⁴¹⁶. Концепт решает сходную «задачу», в силу чего оказывается возможным мыслить его как одним образом, так и противоположным, как абсолютистски, так и релятивистски.

В каком-то смысле все это свидетельствует в пользу эквивокального характера концепта в его постструктуралистском понимании. При этом следует иметь в виду, что средневековое и постструктуралистское понятия концепта при некоторых сходствах все-таки различны. Как о концепте, так и о предикате его эквивокальности применительно к средневековой и

⁴¹³ «...Концепт одновременно абсолютен и относителен – относителен к своим собственным составляющим, к другим концептам, к плану, в котором он выделяется, к проблемам, которые призван разрешать, но абсолютен благодаря осуществляемой им конденсации, по месту, занимаемому им в плане, по условиям, которые он предписывает проблеме. Он абсолютен как целое, но относителен в своей фрагментарности» (Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 28.).

⁴¹⁴ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 32.

⁴¹⁵ Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С. Обсуждаем статью «Концепт» // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 164.

⁴¹⁶ Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – С. 304.

постструктуралистской философиям можно говорить только в логике сходств и различий, но никак не в логике изоморфизма.

2.5. Некоторые трактовки феномена концепта в научном знании

Концепт стал предметом осмысления не только философии, но и науки. Введение в науку термина «концепт» позволило по-новому трактовать язык и его связь с сознанием и культурой, то есть углублять и расширять рамки анализа языка и смежных с ним феноменов.

К настоящему времени в науке сложилось несколько дисциплинарных (принятых в отдельных дисциплинах) трактовок феномена концепта. В этом параграфе мы попытаемся в самых общих чертах обрисовать некоторые из них и в какой-то мере соотнести их с задачами нашего исследования. Вместе с тем, заметим, что в связи с тем, что ныне в научном знании велик уровень дисперсии (разброса) значений термина «концепт», наш обзор этих значений не может и не будет претендовать на полноту.

Представители тех или иных дисциплин нередко обращаются к понятиям концепта, сложившимся в других дисциплинах, и подчас сочетают различные понятия концепта. В конечном счете, сколько-нибудь полное описание сложившихся в современном научном знании контекстов употребления термина «концепт» требует отдельного (и весьма масштабного) исследования.

I. Когнитивистика. Понятие концепта нашло широкое применение в когнитивных науках, заняло в них значимое место. Так, в когнитивной психологии концепт предлагается рассматривать в качестве «базовой когнитивной сущности»⁴¹⁷, в качестве сущности, связующей смысл с представляющим его знаком (термином, словом, выражением и т.п.)⁴¹⁸. При этом познавательный процесс рассматривается как сочетающий

⁴¹⁷ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 505.

⁴¹⁸ Там же.

рациональные и иррациональные компоненты; в его содержание включаются обыденное и неявное знание, интуиция, вера и убеждения, дорефлексивный опыт, предрассудки, предчувствия и т.д. и т.п.⁴¹⁹.

Когнитивные науки склонны рассматривать концепт в качестве некоего кванта ментальных или психических ресурсов сознания, прежде всего, связанных с познавательными процессами, в том числе функционированием знания и человеческого опыта⁴²⁰. В силу своего весьма универсалистского понимания концепт в когнитивных науках стал кластерным понятием, включающим в свой объем довольно широкий спектр когнитивных объектов, в том числе слов, образов, схем и т.п. «Широкоохватности» термина «концепт» способствовало то обстоятельство, что концепт был увязан с «рационально-эмоциональным постижением мира»⁴²¹.

С учетом этой позиции и с прицелом на нужды эпистемологии концепт имеет смысл трактовать как эпистемический объект, включающий в себя помимо рациональных, те или иные иррациональные компоненты. В этой связи, возможно, в качестве примеров концептов следует считать сущности, кодируемые такими терминами, как, скажем, «частица Бога», «демон Лапласа», «демон Максвелла», то есть рассматривать соответствующие языковые объекты как объекты, на формирование и развитие которых значимое влияние оказали религиозные представления их «авторов» и «пользователей», да и вообще тех обществ, частью которых «авторы» и «пользователи» являлись и/или являются.

II. Лингвистика. Для лингвистики характерно понимание концепта как репрезентатора ассоциативного поля связываемого с концептом слова. Иными словами, концепт – это связываемое со словом или сочетанием слов поле всевозможных ассоциаций. Довольно удачно в этой связи концепт может быть представлен с помощью «полевой модели», то есть модели,

⁴¹⁹ Филатова А.А. *Указ. соч.* – С. 13–14.

⁴²⁰ Там же. – С. 16–17; Микешина Л.А. *Философия познания. Полемиические главы.* – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 506.

⁴²¹ Неретина С.С., Огурцов А.П. *Концепты политической культуры.* – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 7.

согласно которой он являет собой некоторое семантическое поле, которому присуще наличие своего рода ядра и нескольких поясов периферии⁴²².

Если лингвистические исследования ориентируют на то, чтобы понимать под концептом репрезентатор ассоциативного поля, связанного с термином, кодирующим собой концепт, то эпистемологический потенциал подобной трактовки можно увязать с тем, что в научном познании термины отсылают не только к понятиям, но и к связываемым с понятиями и терминами ассоциациям, точнее неким ассоциативным полям. Компетентные ученые в той или иной мере схватывают смысл текста не только с помощью понятий, но и с помощью неких систем ассоциативных представлений. Иначе говоря, термины связываются (коррелируют) не только с понятиями, но и с концептами. Научная коммуникация задействует не только понятийные структуры, но и структуры ассоциативные; коммуникация реализуется не только посредством терминов и кодируемых терминами понятий, но и посредством концептов и составляющих концепты (в их лингвистической трактовке) ассоциативных полей.

В качестве примера укажем на термин «электрический ток». Характер этого термина таков, что в нем присутствует указание на ассоциативную связь между электрическим током и течением жидкости по каналу⁴²³.

Судя по всему, физика не просто наполнена метафорами, но нуждается в них для своего развития. Так, скин-эффект мы можем зарегистрировать экспериментально и обосновать теоретически, но не увидеть или пощупать. Дабы понять его сущность вне математических формализмов и без жесткой привязки к экспериментальным данным, то есть понять как некое

⁴²² Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени: автореф. ... д-ра филос. наук: 19.00.08. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 22. Одной из предпосылок «полевой модели» можно считать развитые Л.С. Выготским и его школой идеи предметной отнесенности слова. См.: Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.; Касавин И.Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л.С. Выготского) // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXI. – № 3. – С. 161–162.

⁴²³ Allbritton D.W. When Metaphors Function as Schemas: Some Cognitive Effects of Conceptual Metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10. – № 1. – P. 33–45.

абстрактное и вместе с тем содержательное (конкретное) явление, придется задействовать не только абстрактное мышление, но и воображение. Дабы сделать соответствующее явление более наглядным ученые прибегают к метафоре, в данном случае метафоре кожи (skin). В ситуации, когда довольно тяжело для четкого и корректного описания изучаемого явления подобрать строгие понятия, вполне логично прибегнуть к метафорам.

Рассмотрим другой пример, который в какой-то мере подведет нас к лингвокультурологической трактовке феномена концепта.

В русском языке слово «война» ассоциировано не только с понятием войны (прежде всего войны между государствами), но и такими понятиями, как вооруженная борьба, состояние борьбы, состояние вражды и т.п. В английском языке слово «war» («война») имеет и такие ассоциации, которые для русского языка могут быть (или до некоторых пор могли быть) незначимыми или малозначимыми. Так, анализ источников может указать на такие значимые для английского языка варианты войн, как *currency war* (валютная война), *economic war* (экономическая война), *monetary and financial war* (валютно-финансовая война), *price war* (война цен, ценовая война), *tariff war* (таможенная война), *trade war* (торговая война).

По понятным причинам для русского языка соответствующие словосочетания и связываемые со словом «война» ассоциации долгое время не были характерными. Некоторую значимость они стали обретать только в последние годы, когда мы в полной мере ощутили, что такие экономические войны, энергетические войны и т.п., то есть некоторые феномены приобрели большую актуальность.

В любом случае, для русского языка и соответственно российской культуры образ экономической или таможенной войны оказывается глубоко периферийным. Напротив, в английском языке образы экономической, таможенной и подобных им войн занимают более значимое место.

Иначе говоря, в разных национальных языках «взаимозаменяемые» термины – слово и его перевод на иностранный язык – при всей их

«взаимозаменяемости» нередко являются семантически неравнозначными (обладают неидентичными семантическими полями⁴²⁴), что адресует к понятию радикального перевода в смысле У. Куайна⁴²⁵. В этом плане любой перевод – это всегда некоторое искажение смысла, необходимо сопутствующее его трансляции.

Следует отметить, что термины не только разных языков, но и одного и того же языка часто не могут быть выражены друг через друга без некоего искажения смысла или его частичной потери. Так, термины «экономика» и «народное хозяйство» в каком-то плане являются синонимичными, а в каком-то плане второй термин является одним из значений первого термина. В любом случае, оба термина, даже рассматриваемые в аспекте их синонимичности, акцентируют внимание на не до конца тождественных смыслах. В частности, термин «народное хозяйство» связывает схватываемый им объект с народом и его хозяйственной жизнью. Термин «экономика» в его «народно-хозяйственном» аспекте (то есть термин «экономика» как синтагма общественного хозяйства) все-таки более абстрактен, в каком-то плане насыщен несколько иным содержанием. По сути, налицо два разных концепта вроде бы одного и того же объекта.

III. Лингвокультурология. Благодаря исследованиям А. Вежбицкой, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова и ряда других авторов сформировалось лингвокультурологическое понимание феномена концепта.

Концепт стал «базовой эвристической единицей»⁴²⁶ лингвокультурологии. Концепт – своеобразный концентрат культуры, в силу чего в эпистемологическом контексте он дает возможность обратиться к интерпретации глубин этнических и национальных культур, субкультур,

⁴²⁴ Особо значимо это для философии и вообще интеллектуальной деятельности. См.: Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка // М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 702 с.; Гаспарян Д.Э. Проблема воплощенных и символических понятий в контексте машинной формализации семантики // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2017. – № 3. – С. 47–50.

⁴²⁵ Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 386 с.

⁴²⁶ Воркачев С.Г. *Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии.* – Волгоград: Парадигма, 2012. – С. 4.

ментальностей и т.п. Для решения подобного рода задач нередко концепт рассматривается в духе «слоевой модели», согласно которой, как уже было отмечено выше, он полагается многослойным семантическим образованием, в котором разные слои выступают конденсатом («осадком») культурной действительности разных эпох⁴²⁷. В этом понимании концепт историчен, в частности, в «свернутом» виде хранит в себе свою историю, но посредством этого и историю той или иной культуры⁴²⁸.

Лингвокультурология весьма эвристична в плане анализа различных языков и культур. Действительно, любая культура и соответствующий ей язык обладают относительно компактным множеством базовых концептов⁴²⁹, образующих собой своего рода сеть концептов («сетевая модель»)⁴³⁰. Так, базовые концепты традиционной японской культуры связаны, например, с такими сущностями, как *смерть*, *долг*, *преданность*, *честь*, *достоинство*, в том числе *достоинство*, с которым принята *смерть*. В традиционной японской культуре самое страшное для самурая связывается с потерей лица, то есть утратой чести. Добровольный уход из жизни, добровольное принятие смерти – последний жизненный акт, в котором самурай проявляет честь и преданность своему сюзерену.

Казалось бы одни и те же явления жизни нередко в разных культурах концептуализируются различным образом. Так, если в христианской культуре добровольный уход из жизни рассматривается как тяжкий грех, то в традиционной японской культуре – как акт проявления чести. Иными

⁴²⁷ Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени: автореф. ... д-ра филос. наук: 19.00.08. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 23.

⁴²⁸ Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – С. 153–154.

⁴²⁹ Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 185–206; Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33; Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 790 с.; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.

⁴³⁰ Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – С. 19, 345, 602.

словами, если в христианской культуре добровольный уход из жизни связывается с грехом, то в японской – с честью. Все это свидетельствует о том, что сеть базовых концептов христианской и японской культур⁴³¹ имеют во многом различную структуру, и это находит свое проявление как в языке, так и в социально-культурной действительности.

Итак, в рамках лингвокультурологической трактовки концепт оказывается в роли репрезентатора генезиса и реалий культуры, включая языковой опыт народа. Культура выражается в языке с помощью концептов. Концепты служат семантическими объектами, конденсирующими в себе культурные (в том числе историко-культурные) реалии. Обращение к концептам позволяет выявить социокультурную и этнокультурную специфику в мировосприятии представителей культур, этносов и т.п.

В контексте эпистемологической проблематики можно привести следующий пример. Так, имеющийся в английском языке термин «concept» скорее соответствует русскому термину «понятие», нежели русскому термину «концепт». Русский язык в какой-то мере сохраняет в себе берущее истоки в Средних веках различие понятия и концепта, тогда как английский язык это различие утратил. В этом смысле английский термин «concept» и русский термин «концепт», по всей видимости, являющиеся дериватами латинского термина «conceptus», кодируют собой два наделенных нетождественным смыслом лингвокультурных концепта.

Принятие переводчиком как медиумом межкультурной коммуникации решения о переводе одного лингвокультурного концепта другим – довольно сложная операция⁴³². Она может как придать тексту дополнительные смыслы, так и «заузить» их; оказаться как удачной, так и неудачной⁴³³.

⁴³¹ Естественно, оппозиция христианской и японской культур весьма условна. В частности, христианство получило распространение в Японии еще в XVI веке и с тех пор сосуществует с синтоизмом и буддизмом.

⁴³² Как следствие в философии иногда приводят два текста параллельно – оригинал и его перевод на иностранный язык. Перевод не может быть абсолютно точен, в силу чего обладающему достаточной языковой компетенцией читателю предлагается воспользоваться оригиналом и при необходимости сравнить его с переводом.

⁴³³ Налимов В.В. Язык науки // Развитие личности. – 2008. – № 1. – С. 191.

IV. **Политология.** Находит применение феномен концепта и в политологии, что отчасти обусловлено возрастанием в ней значимости лингвистической философии вообще и аналитических методов в частности.

В политологии (по крайней мере российской) исследование феномена концепта происходит в рамках *политической концептологии* – дисциплины, реализующей метатеоретическое исследование концептов политики и политологии⁴³⁴, включая осмысление их исторической динамики⁴³⁵. При этом в подобном контексте концепт трактуется по преимуществу как «продукт возвышенного ума (духа), который способен творчески воспроизводить и собирать смыслы»⁴³⁶. Концепт нередко воспринимается как прообраз понятия, как его зачаток⁴³⁷, однако в отличие от понятия он не отсекает от себя разнообразные смыслы (то есть не ограничивает себя в своей семантике), а, наоборот, вбирает их в себя. Как следствие, в отличие от абстрактного понятия⁴³⁸, он оказывается богат в плане присутствия в нем разнообразных смысловых оттенков. Как следствие оперирование концептами и их анализ становятся важными процедурами анализа нюансов

⁴³⁴ Примерами концептов служат концепты таких феноменов, как власть и безвластие, свобода и несвобода, насилие и ненасилие, война и мир, модернизация и демодернизация, прогресс и регресс, политика, нация, идеология, государство, суверенитет, республика, демократия, авторитаризм и т.п. Естественно, при такой постановке вопроса политическая концептология развивается на стыке науки и философии, в частности политологии и политической философии. См.: Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 83–84.

⁴³⁵ Латур Б. Коперниковский переворот в политической теории // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 235–254; Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. – 2005. – № 3 (48). – С. 143.

⁴³⁶ Макаренко В.П. *Указ. соч.* – С. 84.

⁴³⁷ Такая трактовка характерна не только политической концептологии. Понимание концепта как зародыша, зачатка, предварительного наброска, эскиза является довольно характерным для науки и философии. См.: Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47; Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. статей в честь акад. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622; Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 163.

⁴³⁸ Образование понятий предполагает абстрагирование от частных, которое во многом и делает мышление возможным. Мыслить в «терминах неограниченного разнообразия деталей» человек не способен (Уайтхед А.Н. Религия и наука // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 457.).

политической реальности, истории политических учений, политической истории и политической философии.

В качестве примера, позволяющего хотя бы в какой-то мере оценить эвристический потенциал политической концептологии, укажем на следующее обстоятельство. Термины «либерал» и «консерватор» как некие маркеры идеологических взглядов нередко в различных странах мира имеют далеко не одно и то же содержание. Само собой, семантика этих терминов принципиально исторична. При этом идея концепта помогает подвергнуть все это достаточно глубокой теоретической рефлексии.

V. Социология. Понимание концепта в качестве семантического образования, вбирающего в себя разнообразные смыслы, а не отсекающего их от себя⁴³⁹, может быть обнаружено и в социологии. Возможна позиция, согласно которой научные понятия весьма грубы и приблизительны, тогда как концепты, будучи основой логического мышления, «схватывают» самую суть⁴⁴⁰. В таком случае концепты являются более ёмкими семантическими образованиями, нежели понятия. Недаром в социологии термин «концепт» принято использовать в ходе интерпретации какого-либо феномена, скажем, в разных теоретико-дисциплинарных дискурсах, то есть концепт может пониматься как своего рода полидискурсивное семантическое образование.

Хорошо известно широкое употребление в социологических исследованиях термина «концепт» при построении программы конкретного социологического исследования. Концепт при этом может пониматься как способ видения того или иного сегмента социальной реальности, заданный какой-то концепцией, скажем некоторой социологической теорией. В силу того, что мир многообразен, многолик, причем его «отдельные лики» сами по себе (в отдельности друг от друга) не существуют, а перетекают один в

⁴³⁹ Такое отсечение (своего рода семантическая редукция) свойственно понятиям, ибо последние производят единство над многообразием. См.: Луман Н. Истина. Знание. Наука как система. – М.: Логос, 2016. – 400 с.

⁴⁴⁰ Сафронов Р.О. Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиоведческой литературе: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.14. – М., 2011. – С. 13.

другой, то есть носят принципиально континуальный характер, в целях познания мира нам приходится концентрироваться на тех аспектах функционирования мира (в том числе социальной реальности) или составляющих его (ее) объектах, которые актуальны для нас, релевантны нашим целям и т.п.

Континуальный характер социальной реальности более или менее адекватно может быть схвачен только с использованием особого языкового средства, обладающего свойством семантической континуальности. Как представляется, это одна из причин обращения социологии к концептам.

Само собой, социологию во многом интересует точное, квантифицированное знание. Как правило, концепт не может быть квантифицирован прямым образом; для его квантификации необходимо построение системы специальных индикаторов, по сути – эмпирически наблюдаемых характеристик⁴⁴¹. Для того чтобы её построить, приходится осуществлять интерпретацию и операционализацию *концептов* социологического исследования. Все это позволяет не только перейти от концептов к системе эмпирических характеристик, но и, насколько можно судить, в методологическом отношении осуществить увязку качественной и количественной сторон социальной действительности, а также совместить реалистическую и номиналистическую познавательные ориентации.

В значительной мере внимание социологии сосредоточено на объективном, эмпирически подкрепленном и количественно определенное знании, в то время как концепты социологического исследования в известной мере субъективны и квалитативны (идиографичны)⁴⁴². На первый взгляд

⁴⁴¹ Данный тезис является операционалистским. Напомним, что операционализм предполагает, что если теоретическое понятие не имеет операционального определения, то оно бессмысленно. По сути, с точки зрения операционализма, содержание всех осмысленных научных понятий представляет собой совокупность ряда измерительных процедур. См.: Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 51.

⁴⁴² В несколько ином срезе эта проблема проявляется в сложности перехода от социологического метатеоретизирования к эмпирической социологии, а также в

может показаться, что в этом случае вообще не стоит вводить в исследование концепты, а следует обойтись более строгими эпистемическими объектами (понятиями, величинами, шкалами), однако в том-то и проблема, что на уровне методики исследования обойтись без концептов можно, а вот на уровне методологии (на которой методика, вообще говоря, и базируется) – нельзя. Именно концептами (а не количественно измеримыми величинами или строго определенными понятиями) является подавляющее большинство феноменов, интересующих социологов. Так, концептами являются интеллектуальный потенциал социума, этническая толерантность, репродуктивные планы населения, ценностные ориентации молодежи, социальное самочувствие, географическая и социальная мобильности, конфликтогенность отношений и т.п. Все это не реально существующие и беспрепятственно различимые объекты (или их четко воспринимаемые и вполне измеримые характеристики), а некие порождения человеческого ума, результаты теоретической рефлексии⁴⁴³, которые в любом случае не лишены тех или иных интеллектуальных предпосылок⁴⁴⁴. Чтобы редуцировать эти концепты к некой сложной совокупности объективных понятий и количественно определенных величин, отталкиваться приходится именно от концептов как от объектов, объективности и количественной определенности изначально лишенных, метафизичных в своем существе. Если же отказаться от этой работы с концептами, сославшись на их чрезвычайную

сложности их координации между собой. Без такой координации наше социальное знание будет либо «приземленным» и поверхностным, либо оторванным от действительности. См.: Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: NOTA BENE, 2001. – 261 с.

⁴⁴³ Связь между этими результатами теоретической рефлексии и реальностью «самой по себе» не относится к разряду очевидных. Так, Р. Коллинз указывает на «неспособность продумать до конца, какая данная в опыте действительность лежит за такими терминами, как “этничность” или “политическое убеждение”» (Коллинз Р. «Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения» (фрагменты из книги) // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 40.).

⁴⁴⁴ Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 162–185; Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 20, 308; Лекторский В.А., Аршинов В.И., Кузнецов В.Ю., Пружинин Б.И. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 8. – С. 745–753; Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 78–79.

метафизичность, то это не устранил метафизику из исследования, а лишь выведет ее из поля теоретической рефлексии социолога. Метафизика в его исследовании останется, оно не будет лишено тех или иных метафизических оснований и предпосылок⁴⁴⁵, но сами эти основания и предпосылки не будут должным образом отрефлексированы и в этой связи смогут беспрепятственно мутировать и породить на уровне исследования некорректные и методологически необоснованные результаты. Дабы этого не происходило, социологу в его методологической деятельности приходится отталкиваться от концептов, а также понимать, что любые его интеллектуальные операции концептуально нагружены, обладают теми или иными метафизическими основаниями и предпосылками⁴⁴⁶, то есть в той или иной мере метафизичны.

Метафизичность интеллектуальных построений нуждается в контроле, но такой контроль невозможен, если отрицать метафизичность интеллектуальных построений саму по себе или испытывать иллюзии по поводу возможностей ее полного искоренения. В этом смысле концепт – это средство выражения, трансляции и контроля метафизического содержания исследования или теории.

VI. Маркетинг. Интересное понимание феномена концепта можно обнаружить в маркетинге. В нем под концептом нередко понимают «модель товара, выброшенного на рынок, но еще не ставшего массовым»⁴⁴⁷, не пошедшим (или пока не пошедшим) в серийное (или массовое) производство. Поясняющим примером здесь может служить тот факт, согласно которому в рыночной среде, на уровне международного авторынга, принято говорить о таких объектах, как concept cars, по сути – о концептах перспективных с маркетинговой и иных точек зрения автомобилей, воплощающих в себе какие-то новые идеи и технические решения. По большому счету, здесь срабатывает то понимание, согласно которому концепт являет собой нечто

⁴⁴⁵ Манхейм К. *Указ. соч.* – С. 78–79.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Неретина С.С., Огурцов А.П. *Концепты политической культуры.* – М.: Институт философии РАН, 2011. – С. 3.

вроде эскиза, предварительного наброска, фиксирующего замысел чего-либо (текста, художественного произведения, механизма и т.п.).

VII. Резюме. С.Г. Воркачев указывает: «Концепт – синтезирующее лингвоментальное образование, методологически пришедшее на смену представлению (образу), понятию и значению и включившее их в себя в “снятом”, редуцированном виде – своего рода “гипероним” последних. В качестве “законного наследника” этих семиотических категорий лингвоконцепт характеризуется гетерогенностью и многопризнаковостью, принимая от понятия дискурсивность представления смысла, от образа – метафоричность и эмотивность этого представления, а от значения – включенность его имени в лексическую систему языка»⁴⁴⁸. По существу, понятию концепта в его современном истолковании присуще свойство синтетичности (даже гибридности) и одновременно с этим оно является кластерным понятием, а многоликость понятия концепта превращает концепт в некое гибридное ментальное образование, обладающее существенным трансдисциплинарным потенциалом; его использование «делокализует» проблемно-тематическое поле современного научного знания. Недаром С.Г. Воркачев указывает на концепт как на «многомерное идеализированное формообразование»⁴⁴⁹, которое на данном этапе развития научно-философского знания не предполагает «единства мнений относительно числа семантических параметров, по которым может вестись его изучение»⁴⁵⁰: «сюда включаются как понятийное, так и образное, ценностное, поведенческое, этимологическое и культурное “измерения”..., из которых почти каждое может иметь приоритетный статус в исследовании»⁴⁵¹.

В конечном счете, концепт в различных отраслях научного знания связывается с языком, сознанием, психикой, культурой и т.п. Вместе с тем,

⁴⁴⁸ Лингвокультурный концепт: Типология и области бытования. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – С. 5.

⁴⁴⁹ Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – С. 6.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Там же.

насколько можно судить, даже в отдельных отраслях современного научного знания единого понимания концепта нередко не существует⁴⁵²; в современной науке, по большому счету, наличествует *сеть* различных пониманий феномена концепта, а само понятие концепта в науке (как, впрочем, и в философии) оказывается кластерным, своего рода «сетевым» понятием.

Феномен концепта приобрел широкое распространение в социально-гуманитарном знании. В разных науках понятие концепта приобрело различные смыслы и значения, оказалось по-разному нагружено каким-то специфическим массивом смысла; это обеспечило термину «концепт» полифоничность и в силу этого разнообразие и гибкость способов его употребления. Вместе с тем, распространение идеи концепта во множестве научных дисциплин привело к тому, что в науке и философии термин «концепт» в силу его интенсивного тиражирования стал утрачивать смысловую определенность, а его смысл стал девальвироваться⁴⁵³. В какой-то мере это свидетельствует о нарастании кризисных тенденций в «концептологических» дисциплинах, а заодно и повышает актуальность осмысления феномена концепта именно с философско-методологических позиций, чему отчасти и посвящено наше исследование.

Несомненно, понятие концепта оказалось эвристичным. Во многом его эвристический потенциал обусловлен тем, что оно позволяет анализировать язык и конкретные языки (национальные, профессиональные, научные и т.п.), а также многие иные связанные с языком феномены (культуру, идеологию и т.п.), отвлекаясь от принятого в классической логике значения термина «понятие». Научное знание пошло по пути построения альтернативного понятию объекта – концепта, причем в каждой науке этот объект наделяется своим смыслом. В итоге понятие концепта стало

⁴⁵² Суржанская Ю.В. Проблема соотношения концепта и понятия в философском и научном мышлении: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Томск, 2012. – С. 6; Филатова А.А. *Указ. соч.*

⁴⁵³ Надёжкин А.М. «Закат» концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 452–454.

кластерным, а его функционирование стало возможным рассматривать с опорой на теорию «семейных сходств» и наследующие ей теории.

2.6. Трактовки феномена концепта, актуальные для социальной эпистемологии

В XX веке проблема концепта приобрела особое значение. В существенной мере это было обусловлено тем обстоятельством, что реальное человеческое мышление и культура вообще не строятся на основе одних лишь понятий (в том или ином понимании соответствующего термина). Оказалось, что для понимания механизмов человеческого мышления, научной деятельности, культуры и иных не менее сложных феноменов в какой-то момент возникает потребность расширить семантику термина «понятие» и, вместе с тем, сформировать представления о некоторых альтернативных понятиям семантических образованиях, например концептах. Концепты как некие теоретические объекты позволяют в более или менее явном виде ввести в центр рационального анализа такие феномены, исследование которых путем применения теоретической модели понятия либо затруднено, либо невозможно.

Для использования феномена концепта в качестве модели эпистемического объекта нам необходимо определиться с той трактовкой концепта, которой мы будем придерживаться. Вопрос о таком определении необходимо наталкивается на довольно серьезные трудности, обусловленные многообразием сложившихся трактовок феномена концепта, в том числе тем, что данный феномен можно трактовать как объективистски, так и субъективистски⁴⁵⁴. По большому счету, если мыслить в контексте действия методологического дуализма «объективизм – субъективизм», возникает три типа возможных трактовок феномена концепта. Представим их в таблице 4.

⁴⁵⁴ Geach P. Mental acts. – London: Routledge & Kegan Paul, 1957. – P. 13–14.

Таблица 4. Три типа трактовок феномена концепта с точки зрения методологического дуализма «объективизм – субъективизм»

Объективистская трактовка	Объективистско-субъективистская трактовка	Субъективистская трактовка
<i>Примеры трактовок феномена концепта</i>		
Концепты как смыслы (содержания) объективных понятий	Концепты как «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» ⁴⁵⁵ (Р.И. Павилёнис)	Концепты как субъективные семантические образования ⁴⁵⁶ (П. Гич)

В принципе, объективистско-субъективистскую трактовку феномена концепта в силу ее комбинаторного характера можно рассматривать в качестве достаточно общей. В этой связи имеет смысл ориентироваться именно на неё, то есть на комбинирование в феномене концепта объективного и субъективного содержания.

Концепты – это такие мыслительные образования, которые сопрягают в себе объективистскую и субъективистскую стратегии мышления. Концепт, с одной стороны, отражает реальный мир, в чем проявляется его объективность, а, с другой стороны, отражает этот мир, питаясь потенциалами человеческой души, субъективностью индивида, душевными и духовными «энергиями» познающего субъекта. Если субъективность логического понятия остаточна и второстепенна, отчасти обусловлена ограниченностью наших знаний о мире и является результатом невозможности сделать наше познание абсолютно объективным, то субъективность концепта – его важнейшая характеристика, равноправная с его относительной объективностью.

Подобное положение вещей делает концепт феноменом, весьма актуальным для эпистемологии, особенно эпистемологии социальной.

⁴⁵⁵ Цит. по: Надёжкин А.М. *Указ. соч.* – С. 452.

⁴⁵⁶ П. Гич писал: «Концепт, в том смысле, в каком я употребляю этот термин, субъективен. Это умственное построение (mental capacity), принадлежащее определенному лицу» (Geach P. *Mental acts.* – London: Routledge & Kegan Paul, 1957. – P. 13. Перевод дан по: Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – С. 39.).

Связано это в том числе с тем, что «смысловое содержание любой науки пропитано социальностью и индивидуальностью ученых»⁴⁵⁷, причем это касается не только социальных и гуманитарных наук, но и наук естественных. А.В. Павлов в этой связи замечает: «Чем более физическая теория абстрактна от непосредственно наблюдаемого предмета, тем более она гуманитарна, тем более выражает не объективную реальность физической природы, а желание ученых, разделяющих общие научные взгляды, видеть природу таковой»⁴⁵⁸.

Наука – явление социальное; она должна исследоваться с учетом ее социальности и наличия в ней элемента субъективности. Недаром Н.И. Кареев защищал ту позицию, «что ненаучно изучать общественные явления, как бы совершенно игнорируя при этом мысли, чувства и настроения человеческой личности, мотивы ее деятельности, производимую ею оценку социальных фактов и ее интересы, и что понимание общественных явлений, как чисто внешних форм, якобы лишенных подобно материальным вещам всякого внутреннего содержания, равным образом не может быть названо вполне научным»⁴⁵⁹. Будучи социокультурными феноменами, наука, научное познание, знание и т.д. и т.п., не могут быть

⁴⁵⁷ Павлов А.В. Дискурс и его логика: Рождение науки из духа улицы // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 18.

⁴⁵⁸ Там же. – С. 18. А.В. Павлов дает следующие пояснения: «Производство текста живым и индивидуальным автором... вынуждает его писать только о том, что *понятно ему самому*, в противном случае его интеллект становится искусственным, то есть, обрабатывающим информацию по правилам научной традиции, но без личного участия, личного опыта работы с объектом и без личного понимания. Трансляция же личного понимания автора и организация текста таким образом, чтобы он стал понятен партнеру, означает и заявление авторского “Я”. Трансляция понимания превращает любую, самую абстрактную формулу в метафору и концепт. И тогда участие дискурса в научно организованном тексте делает его логику *смысловой*. А метафорическая подкладка самого научного текста оказывается... личной метафорой, где до всяких коммуникаций и диалогов, до комплементаций автор в первую очередь “сравнивает” свой объект с самим собой, со своим опытом, индивидуальностью, с тем, насколько он ему самому понятен» (Там же. – С. 18.).

⁴⁵⁹ Кареев Н.И. Объективизм и субъективизм в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III. – № 4. – С. 65.

осмыслены в духе строго объективистской стратегии мышления⁴⁶⁰. Соответственно, влияние познающего субъекта на процесс познания подлежит не элиминации, а осмыслению и управлению. Идея концепта в этом плане чрезвычайно важна, ибо в отличие от понятия концепт предполагает сопряжение объективистской и субъективистской методологических установок.

Помимо социального и творческого характера науки к значимости феномена концепта подводит и та проблема, что, как правило, ученым приходится наделять смыслом явления, которые очень трудно четко локализовать и отграничить и которые никто никогда не понимает до конца⁴⁶¹.

Действительно, значимая цель использования строгих (четких) логических понятий состоит в том, чтобы сделать наши идеи ясными и отчетливыми. Однако, далеко не всегда в науке нам доступны ясные и отчетливые идеи. Само научное исследование преследует в качестве одной из своих целей прояснение и уточнение наших представлений и идей⁴⁶². Таким образом, исходной точкой научного познания являются неясные и неотчетливые (нечеткие) идеи и представления. На пути их прояснения и уточнения возникают серьезные трудности, в связи с чем концепт как гибкая эпистемическая структура выглядит более реалистично, нежели понятие.

Естественно, если мы хотим решать с помощью концепта какие-либо задачи, от такого рода общих размышлений нам необходимо перейти к более или менее конкретным трактовкам данного феномена.

⁴⁶⁰ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 244. Объективность и субъективность каким-то образом переплетаются между собой и тем самым оформляют историю (история науки тут не исключение). Прав в этой связи был К. Маркс, когда писал: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» (Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 8. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – С. 119.).

⁴⁶¹ Гаспарян Д.Э. Кто убил Джона Кеннеди. Или что известно глобальному наблюдателю? // РАЦИО.ru. – 2013. – № 9. – С. 56–76.

⁴⁶² Если бы наши идеи и представления были бы отчетливыми и ясными, то особой надобности в научном познании, пожалуй, не возникало бы.

Как представляется, значимы для российской философии, последовательно проработаны и вместе с тем наиболее эвристичны в контексте проблем социальной эпистемологии те трактовки феномена концепта, которые явились результатом серии исследований, проведенных С.С. Неретиной, Ю.С. Степановым и Л.А. Микешиной. Ниже мы представим свое видение соответствующих трактовок.

Местами повторяя то, что уже было сказано в предыдущих параграфах, рассмотрим каждую из этих трактовок, предполагая при этом, что в итоге нами будет получен некий набор трактовок, который мы впоследствии применим в своем анализе конкретных концептов языка науки.

1. **Эквивокалистская трактовка.** Данная трактовка рождается как результат осмысления средневековых философии и культуры. Значима при этом идея, согласно которой понимание каких-либо физических объектов в Средние века отличалось от того, как мы сегодня понимаем казалось бы те же самые объекты. Соответственно, средневековые и современные понятия объектов нуждаются в своего рода «взаимном переводе».

Опираясь на позицию К. Флаша, обратим внимание на два примера.

1. Если для нас луна в первую очередь является физическим объектом, то для человека Средневековья «она была границей между тленным и нетленным миром»⁴⁶³.

2. Если для нас книги являются физическими объектами, носителями информации и знаний о мире, то в Средние века книги оценивались как туманные образы «той протокниги, в которой содержатся все знания»⁴⁶⁴.

Говоря иными словами, многое из того, что современный человек подводит под род физических объектов, в Средние века наделялось принципиально иным смыслом. Следуя основным идеям С.С. Неретиной, мы несколько сместим некоторые акценты в позиции К. Флаша. В качестве

⁴⁶³ Флаш К. Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либеры о философской ценности историко-философских исследований // Логос. – 2009. – № 4–5 (72). – С. 238.

⁴⁶⁴ Там же.

примера обратимся к понятию вулкана. В данном случае, на наш взгляд, возможны две сходные, но нетождественные трактовки. В духе К. Флаша можно отметить, что в Средние века у некоторых народов вулкан понимался не как физический объект, а как врата в ад. Вместе с тем, все можно трактовать несколько иначе: скажем, вулкан в Средние века понимался как физический объект, который в своем существе является вратами в ад. Если в первом случае объект трактуется не как физический объект, а как объект метафизический, то во втором случае он трактуется как объект физический и одновременно с этим метафизический, то есть в определенном плане наделяется взаимопротиворечивыми свойствами.

Мы будем придерживаться той позиции, согласно которой в Средние века за физической реальностью усматривалась реальность метафизическая. В этой связи сошлемся еще на один пример.

Занимаясь историей Средних веков и историей Скандинавского мира, А.Я. Гуревич неоднократно подчеркивал, что конунг, дарующий своему приближенному некую вещь (например, кольцо, плащ, каролингский меч и т.п.), тем самым не просто отчуждал ее от себя как некий материальный объект, но и даровал нечто большее – нечто нематериальное⁴⁶⁵.

В каком-то смысле в Средние века любая материальная вещь как бы оказывалась и тем чем она была в материальном мире, и тем, в качестве чего она рассматривалась в идеальном мире. Соответственно, язык должен был носить особый, эквивокальный характер. В существенной степени эквивокальность языка была выражена в феномене концепта.

Как нам представляется, именно в подобном методологическом контексте формируется представление о концепте как об эквивокальном семантическом образовании, то есть таком образовании, которое сочетает в

⁴⁶⁵ Гуревич А.Я. Подводя итоги... (Теория и практики исторического познания. Сквозь призму индивидуального опыта ученого XX столетия) // XX век. Методологические проблемы исторического познания: сборник обзоров и рефератов. М., 2001. – С. 61.

себе два смысла, – сакральный и мирской (буквальный)⁴⁶⁶, – причем особым образом связанных между собой. Именно на подобной трактовке феномена концепта настаивает С.С. Неретина.

С.С. Неретина обосновывает идею концепта и соответственно дистинкцию понятия и концепта, простраивая некий мостик между средневековыми и современными идеями. С вниманием и интересом следя за этой работой, отметим, что, как нам представляется, подобным образом понимаемая идея концепта (благодаря своей плотной связи с идеей эквивокальности) является весьма актуальной для нашей непростой эпохи – эпохи, в которой обнаружены методологические пределы жесткого противопоставления физики и метафизики, материального и идеального, означающего и означаемого. Идея концепта позволяет многие из этих проблем переосмыслить; она так или иначе указывает, что между физикой и метафизикой, между материальным и идеальным, между означающим и означаемым наличествует сложная связь⁴⁶⁷.

Договорившись об актуальности эквивокалистской трактовки, обратим внимание на некоторые современные коннотации дистинкции понятия и концепта. Применительно к проблематике, актуальной для современной эпистемологии, различение понятия и концепта может быть истолковано как различие, возникающее между базовыми эпистемическими объектами *теории* и *концепции* соответственно. В этой связи С.С. Неретина отмечает: «Концепция связана с разработкой и развертыванием личного знания, которое в отличие от теории не получает завершенной дедуктивно-системной формы организации и элементами которого являются не идеальные объекты, аксиомы и понятия, а концепты – устойчивые смысловые сгущения, возникающие и функционирующие в процессе диалога и речевой коммуникации. ...Концепции коррелируют не с объектами, а с вопросами и с

⁴⁶⁶ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 81.

⁴⁶⁷ Неретина С.С. Идея культуры: От трансцендентного к имманентному. О философии в СССР после Октября // Политическая концептология. – 2009. – № 3. – С. 235–268.

ответами, выраженными в речи, и смысловыми “общими топосами”, признаваемыми участниками диалога. Референциальное отношение к предметам в них опосредовано взаимоориентированными речами говорящего – слушающего. Каждый элемент концепции коррелирует не с объектом, а с целостностью личного опыта»⁴⁶⁸.

В конечном итоге, дистинкция понятия и концепта в качестве одной из своих целей призвана актуализировать идею личностного знания. Если знание, сформулированное на языке классически трактуемых понятий, в известном смысле объективно и надличностно, то знание, выраженное на языке концептов, в какой-то мере личностно и субъективно. При этом значимый для нас аспект субъективности и личностности знания, выраженного на языке концептов, достаточно хорошо представлен в следующей трактовке концепта.

2. Эмотивистская трактовка. Любое смысловое образование воспринимается духовным миром личности и вызывает у нее эмоциональные реакции. При этом было бы ошибкой считать, что рациональное познание предполагает полное отделение субъекта от чувственно-эмоционального восприятия мира; представление о таком отделении является сильным упрощением существа познавательного процесса⁴⁶⁹.

В этой связи обратим внимание на следующее наблюдение. В частности, было установлено, что люди, у которых в результате травмы были поражены центры мозга, отвечающие за эмоции, утрачивали способности

⁴⁶⁸ Неретина С.С. Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 535.

⁴⁶⁹ Научная деятельность – это интеллектуально-творческий и психоэмоциональный опыт, и отделять ученых от мира эмоций и мира культуры вообще было бы ошибкой (Гейзенберг В. Учения Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 62.). Несмотря на бесстрастность «мертоновского ученого», «следует помнить, что ученый, как и все другие профессионалы, вносит огромные эмоциональные инвестиции в свой образ жизни» (Мертон Р.К. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II. – Вып. 2 (3). – С. 158–159.), в том числе и в свои научные проекты и предприятия. Было бы наивностью полагать, что эти инвестиции не сказываются на процессах и результатах познавательной активности.

мыслить, в том числе принимать разумные решения, совершать осмысленный выбор и т.п.⁴⁷⁰ Парадоксально, но вне *эмоционального* восприятия мира *рациональное* мышление становится невозможным. По сути, это означает, что разум и чувства плотно связаны и их разъединение парализует мышление и разум. Продуктивное мышление не лишено эмоционального содержания, оно сочетает разум и эмоции, объективное и субъективное. Идея концепта соответствует этому принципу. В особенности здесь следует отметить трактовку феномена концепта, разработанную Ю.С. Степановым. Последний, как известно, настаивал на том, что понятия мыслятся, тогда как концепты – еще и переживаются, то есть являются средствами мышления и репрезентаторами переживания.

Эмотивистскую трактовку феномена концепта можно интерпретировать в том духе, что концепт в отличие от понятия (по крайней мере, классически трактуемого) предполагает наличие чего-то в некотором смысле допонятийного – некоего эмоционального начала. Сходная ситуация наблюдается в следующей трактовке феномена концепта, – имагинистской, – однако в ней присущее концепту допонятийное содержание проявляется в явлении образности.

3. Имагинистская трактовка. Л.А. Микешина предложила рассматривать концепт как *словообраз*, сохраняющий отпечаток познающей личности и ее душевного состояния, как сложное семантическое образование, которое на данный момент не редуцировано к абстрактному понятию⁴⁷¹, не доведено до соответствующего состояния, и в силу этого обогащено разнообразными оттенками смысла⁴⁷². Как следствие, концепты

⁴⁷⁰ Мудрагей Н.С. Рациональность в науке и в иррациональной философии // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 157.

⁴⁷¹ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 501.

⁴⁷² Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 163–165; Киященко Л.П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности). – М.: ИФ РАН, 2017. – 113 с.

способны сравнительно более полно (нежели абстрактные понятия) отразить многообразие сложной реальности и составляющих ее объектов.

Концепт связывается с субъектом и культурой вообще и оказывается эпистемическим средством, лучше отвечающим нуждам гуманитарного познания, нежели абстрактное понятие⁴⁷³. Более того, в отличие от последнего концепт лучше отвечает духу современной эпистемологии, ибо не вступает в противоречие с такими значимыми для нее сущностями, как до- и вненаучные пласты знания, личностное и неявное знание, нарративное знание и т.д. и т.п.⁴⁷⁴

Во введении мы обсуждали некоторые исходные посылки нашего исследования. Среди прочего мы обратили внимание на схему «ситуация → образ → понятие» (рис. 4), отражающую некоторые этапы формирования понятия. Здесь следует отметить, что в каком-то смысле (по крайней мере, в рамках имагинистской трактовки), концепт пребывает в промежутке между образом и понятием, как человек пребывает в промежутке между рождением и смертью. Образ – это рождение концепта, а понятие – его смерть. Концепт оказывается как бы *квазипонятием* и *протопонятием*. Подобное положение вещей придает концепту некоторую сложность и противоречивость и

⁴⁷³ Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 500–502. Схожие идеи можно обнаружить и у Ю.С. Степанова. В этой связи надо отметить, что имагинистская трактовка феномена концепта близка духу многих сочинений Ю.С. Степанова, и их вполне можно использовать в ее обосновании.

⁴⁷⁴ Там же. Феномен концепта удачно соответствует тому ныне хорошо осознанному факту, что научное знание не лишено порожденных познающим субъектом предпосылок, а человек не видит вещь саму по себе, вне интерпретаций и пред-интерпретаций. Интерпретации и пред-интерпретации необходимо присутствуют в самых различных формах предпосылочного знания (таких, как научная картина мира, парадигма, стиль научного мышления, методологические и мировоззренческие установки, зависящие от субъекта и его ценностей познавательные операции). См.: Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 162–185; Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 200–210; Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 502; Дюгем П. Физическая теория и метафизическое объяснение // Метафизика. – 2016. – № 2 (20). – С. 179–190; Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 78–79.

позволяет сопрягать научное и образное восприятие действительности⁴⁷⁵, придавая тем самым ее познанию глубину и целостность. Указанное сочетание двух различных вариантов восприятия действительности имеет смысл толковать в духе некоего «гуманитарного аналога» известного из квантовой механики принципа дополнительности. Один из таких аналогов был предложен Ю.М. Лотманом, который, в частности, указывал на то, что дефицит информации поддается снижению, и основой этого снижения является присущая информации «стереоскопичность – возможность получить совершенно иную проекцию той же реальности»⁴⁷⁶.

Обратим внимание на то, что понятие скорее отвечает нуждам номотетического познания, тогда как образ – нуждам идиографического познания⁴⁷⁷. В таком случае образное и понятийное описание действительности – это две разные её проекции, и их сопряжение в феномене концепта в ходе осмысления какого-либо объекта углубляет наше понимание, увеличивает «объемность» восприятия, придает познавательному процессу принципиально более целостный характер.

4. Лингвофилософская трактовка и кластерный характер понятия концепта. При всей нетождественности трех рассмотренных в этом параграфе трактовок феномена концепта, следует признать, что они могут быть так или иначе увязаны между собой. Однако выявить за этими трактовками общий корень, отыскать у них общий и безусловный «множитель» (то есть нечто общее для них всех) оказывается проблематичным. Можно заключить, что все они связывают концепт с метафизикой, но в данном случае приходится признать, что сама метафизика в обсужденных трактовках понимается весьма разнообразными способами.

⁴⁷⁵ В той или иной степени данный момент роднит имагинистскую трактовку феномена концепта с пониманием концепта, предложенным Ю.С. Степановым, а также с духом многих его «концептологических» идей и исследований.

⁴⁷⁶ Лотман Ю.М. Феномен культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПБ, 2010. – С. 579.

⁴⁷⁷ Понятия хорошо отражают общее, а образы – индивидуальное, уникальное, особенное. См.: Маслова В.А. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю.С. Степанов) // Критика и семиотика. – 2012. – Вып. 17. – С. 141.

В духе некоторых идей аналитической философии имеет смысл сформулировать еще одну трактовку феномена концепта. Условно назовем ее *лингвофилософской*. В частности, будем рассматривать концепт в качестве некоторого базового элемента, составляющего концептуальную структуру (концептуальный каркас) мышления и языка⁴⁷⁸, а в несколько ином контексте – в качестве репрезентатора некоего метафизического содержания, присущего мышлению, языку, познанию и т.д. и т.п.

Разнообразие описанных в этом параграфе трактовок феномена концепта, наличие за множеством этих трактовок сложной сети сходств и различий, а также неочевидность общего (и вместе с тем уникального) для всех трактовок свойства, подталкивают к тому, чтобы рассматривать *понятие* концепта в качестве понятия кластерного⁴⁷⁹. Соответственно, при оперировании понятием концепта вполне логично будет опираться на идею «семейного сходства» и развивающие эту идею теории.

С опорой на ключевые положения главы, составим табл. 5, в которой представим основное содержание рассмотренных трактовок феномена концепта. Далее он будет нами пониматься в том числе в указанных здесь разнообразных смыслах, некоторое существенное основание чему предоставляет теория «семейных сходств».

В заключение обратим внимание на комплексный характер концепта. В частности, в рамках эквивокалистской трактовки в концепте сочетается имманентное и трансцендентное, в рамках эмотивистской – рациональное и эмоциональное, в рамках имагинистской – понятийное и образное. По большому счету, в эмотивистской и имагинистской трактовках феномен концепта сочетает понятийное и допонятийное. Концепт оказывается

⁴⁷⁸ Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С. Обсуждаем статью «Концепт» // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 161–170.

⁴⁷⁹ Данный тезис следует понимать так, что понятие концепта может быть описано как кластерное понятие, однако из этого никак не следует, что как кластерное понятие достаточно адекватно может быть описан сам концепт. Иными словами, *концепт* и *понятие концепта* – не одно и то же, и их описание нуждается в разном инструментарии.

эпистемическим образованием, подобным понятию, но в отличие от него содержащим нечто допонятийное (метафизическое в том или ином его понимании, эмоциональное, образное и т.п.). При этом, как справедливо указывает А.А. Филатова, наличие в концепте образно-чувственного слоя восприятия действительности делает концепт более наглядным, нежели сконструированное по правилам логики абстрактное понятие⁴⁸⁰. Вместе с тем, как нам представляется, концепт не умаляет *логическое*, а скорее примиряет логическое с образным, интуитивным, чувственным, чем расширяет возможности логического.

Таблица 5. Трактовки концепта, актуальные для эпистемологии

Трактовка концепта	Основное содержание трактовки концепта (по результатам реконструкции)
Эквивокалистская трактовка	Концепт являет собой эквивокальное эпистемическое образование, то есть он функционирует в режиме эквивокации различных смыслов. Данный режим принципиально соответствует той ситуации, что «сквозь одно слово сияют разные его смыслы: священный и буквальный» ⁴⁸¹ , трансцендентное и имманентное в тех или иных их проявлениях. Благодаря этому в несколько ином эпистемологическом аспекте концепт позволяет усматривать всеобщее в частном, иносказательное – в буквальном, и наоборот
Эмотивистская трактовка	Концепт представляет собой провоцирующее эмоции эпистемическое образование. Если понятия связываются с мышлением, то концепты связываются не только с мышлением, но и с переживаниями. Понятия и концепты мыслятся, но концепты – еще и переживаются
Имагинистская трактовка	Концепт является <i>словообразом</i> , то есть концепт в себе сочетает словесное и образное. Соответственно, концепт – это эпистемическое образование, которое не превращено в абстрактное понятие и в силу того сохраняет в себе существенный образный компонент. Именно с концептом приходится иметь дело познающему субъекту в условиях постепенного превращения образа в понятие. Благодаря связанному с концептом переходу от образного представления смысла к понятийному свойству концепта являют собой суперпозицию некоторых свойств образа и некоторых свойств понятия
Лингво-философская трактовка	Концепт – элемент концептуального каркаса (концептуальной структуры) языка и мышления, по сути репрезентатор их метафизического содержания

⁴⁸⁰ Филатова А.А. *Указ. соч.* – С. 21.

⁴⁸¹ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 81.

Выводы к главе 2

1. Концепт, рассматриваемый как базовая сущность языка вообще и языка науки в частности, в отличие от понятия позволяет более гибко учитывать влияние на процессы мышления и оперирования языковыми объектами факторов социального и духовного характера.

2. Концепты диалогичны, предполагают наличие влияния, оказываемого на них со стороны участников коммуникации, и бесконечное разнообразие способов личностного восприятия действительности, а как следствие – бесконечное семантическое разнообразие.

3. Возможно опираться на следующие трактовки феномена концепта:

- *эквивокалистскую* (концепт как эпистемический объект, сочетающий в своей семантике трансцендентный и имманентный смыслы);

- *эмотивистскую* (концепт как эпистемический объект, служащий объектом мышления и переживания);

- *имагинистскую* (концепт как объект, схожий с понятием, но предполагающий наличие некоторого образного компонента);

- *лингвофилософскую* (концепт как репрезентатор метафизического содержания языка и мышления).

5. В современном научном и философском знании понятие концепта носит комплексный и кластерный характер. Комплексность этого понятия проявляется в сочетании концептом объективного и субъективного содержания, понятийного и внепонятийного компонентов, например образного и эмоционального, а также метафизического в том или ином его понимании. Кластерный характер понятия концепта проявляет себя в том, что в интеллектуальном пространстве современности сложилось множество разнообразных трактовок феномена концепта, многообразие этих трактовок и отсутствие некоего общего для всех выявляемых ими концептов предиката заставляет рассматривать понятие концепта (но не сам концепт) в качестве кластерного понятия.

Глава 3. Концепты в языке науки

В этой главе мы рассмотрим некоторые примеры концептов, оказавшие определенное влияние на развитие научного знания. Такое рассмотрение позволит лучше проникнуть в сущность феномена концепта и осмыслить его как инструмент научного познания и как средство научной коммуникации.

Естественно, отношения между понятиями и концептами могут трактоваться самыми разнообразными способами. Мы будем использовать тот способ, в соответствии с которым концепты рассматриваются как особые эпистемические объекты, выражающие некое глубинное парадигмальное содержание и сочетающие в себе понятийные и внепонятийные (допонятийные и/или надпонятийные) смыслы. Основанием для этого служит позиция, согласно которой на поверхности научного дискурса доминируют понятия, но на глубине – нечто другое, отражением чего и являются концепты. По сути, основанием для описываемого подхода может служить концепция Т. Куна⁴⁸². В частности, ее можно трактовать следующим образом.

Любая теория (да и любая дисциплина, любая наука, наука вообще) устроены по принципу, описываемому эвристической моделью «ядро – периферия». На периферии доминируют относительно строгие языковые структуры (в том числе понятия), а в ядре – нечто принципиально иное, некие парадигмальные основания. В итоге, вполне возможно, что парадигмальные основания порождают концепты, а концепты порождают понятия, то есть действует схема «парадигмальные основания → концепты → понятия». В этом смысле присутствующие в языке науки концепты – это в определенном смысле предшествующие понятиям эпистемические объекты, отражающие парадигмальное содержание научной теории.

Подтвердить эту систему идей с опорой на конкретный эмпирический материал во многом призвана третья глава нашего исследования.

⁴⁸² Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

3.1. Концепт Космоса в научном творчестве А. Гумбольдта

Имеет смысл попытаться обнаружить концепты в творчестве ученых, стремившихся к построению теорий пусть и научных, но обладающих глубоким философским содержанием. Удачным примером здесь может служить творчество Александра фон Гумбольдта и, прежде всего, его сочинение «Космос. Опыт физического мироописания».

Специфика исследовательского дискурса А. Гумбольдта, разнообразие его научных интересов и поисков, а также грандиозность того влияния, которое им было оказано на развитие последующего научного знания, дали основания к тому, чтобы признать возникновение особого, *гумбольдтова*, подхода к научному познанию. Философское осмысление этого подхода ныне весьма актуально. Связано это со следующими обстоятельствами. К настоящему времени человечество накопило значительный массив знаний. Накопленные знания многообразны, а отражаемая ими реальность сложна и текуча. Все это приводит к тому, что знание и реальность бросают весьма серьезный вызов рациональному познанию вообще и науке в частности. Вполне возможно, что одним из продуктивных ответов на этот вызов может стать осовремененная версия гумбольдтова подхода к познанию.

Значительную часть своей жизни А. Гумбольдт путешествовал. В реализуемой им эпистемической стратегии путешествие (осуществляемое в реальности или, напротив, в воображении) служило целям познания⁴⁸³, то есть выступало специфической познавательной практикой. Показательно в этой связи то, что одной из ключевых целей А. Гумбольдта было построение физики мироздания, а по сути – единой науки, способной предоставить

⁴⁸³ В этой связи обратим внимание на следующие сочинения: Касавин И.Т. Миграция: междисциплинарное понятие и его эпистемические измерения // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 1. – С. 8–18; Ette O. The Life of a Nomad and a World Citizen: Alexander von Humboldt, Nomadic Knowledge, and the Global Landscapes of Theory // New German Critique. – 2016. – Vol. 43. – № 2. – P. 33–53.

человеку некое целостное видение природы и Космоса вообще⁴⁸⁴. Вместе с тем, следует признать, что достижение такой цели для ученого проблематично; такую цель проще провозгласить, чем реально ее достигнуть. Связано это с тем, что целостное видение мироздания является целью и прерогативой философии, в то время как А. Гумбольдт, несмотря на всю философичность и метафизичность осуществляемых им научных поисков, размышлений и теоретических построений, в первую очередь был ученым и как ученый оказал весьма серьезное влияние на развитие науки.

Научное познание *аналитично*, аналитично в том смысле, что наука более или менее успешно продвигается к познанию тайн бытия, однако покупается это продвижение ценой разъятия бытия на составные части. В итоге целостность познается по частям, но это ведет к тому, что представление о целостности теряется, уходит на второй план, попросту затуманивается. Как ни странно, но А. Гумбольдт, будучи ученым, в значительной мере действовал альтернативным образом и, в частности, стремился к удержанию в своем мышлении целостности познаваемого им мира и к построению *синтетической* картины мироздания. Позднее его грандиозный проект попытается продолжить В.И. Вернадский, философ и естествоиспытатель, на которого, как известно, гумбольдтов «Космос» произвел серьезное впечатление⁴⁸⁵ и который, как и А. Гумбольдт, нацеливался на построение синтетической картины природы⁴⁸⁶. Весьма

⁴⁸⁴ Гумбольдт А. Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія. – Ч. 1. – М.: Изданіе братьевъ Салаевыхъ, 1866. – С. III–IV, 50, 79; Эгте О. Александр фон Гумбольдт: кочующая жизнь и жизненная наука // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 1. – С. 136–154.

⁴⁸⁵ Аксенов Г.П. Вернадский. – М.: Молодая гвардия, 2010. – С. 21, 521; Вернадский В.И. О научном мировоззрении // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 222–223.

⁴⁸⁶ Лисеев И.К. Опередивший время // Философские науки. – 2013. – № 3. – С. 22–29; Лисеев И.К. Философские идеи В.И. Вернадского и современная научная картина мира (к 150-летию В.И. Вернадского) // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 174–184; Лисеев И.К. Пророк нового века (К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского) // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 1. – С. 97–108; Лисеев И.К. В.И. Вернадский: От единства знания к царству разума (цивилизационные мотивы) // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 20–34; Ширяева А. Судьба // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 114–115.

важно при этом то, что цели и стремления А. Гумбольдта не сводятся к построению синтетической картины мироздания, а распространяются и на построение *целостной* картины мироздания⁴⁸⁷. В этом состоит фундаментально значимая эпистемическая установка, характерная для творчества А. Гумбольдта; и эта установка находит некоторое воплощение в его научном дискурсе. В этой связи возникает вопрос о том, каким образом А. Гумбольдту удается так плодотворно и продуктивно (скажем иначе: результативно и эффективно) сочетать так нелегко сочетаемые научность и целостность.

По нашему убеждению, ответ на этот непростой вопрос, данный в самом первом приближении, заключается в следующем. В своих научных изысканиях А. Гумбольдт прибегает к содержательному и нетривиальному сочетанию научного и эстетического восприятия действительности, то есть если говорить несколько более грубо, он сочетает науку и искусство. Многие изучавшие наследие А. Гумбольдта исследователи в той или иной мере указывали на сопряжение этим мыслителем научного и целостного, научного и эстетического, научного и образного. В этой связи можно указать на позицию Н.Я. Данилевского⁴⁸⁸, а также на позиции некоторых современных исследователей (А. Ширяева, С. Cornejo, S.T. Jackson, A.S. Madan, L.D. Walls)⁴⁸⁹. Так, А. Ширяева указывает, что А. Гумбольдт практиковал и предъявлял своего рода *эстетически-космический тип мышления*⁴⁹⁰. Говоря

⁴⁸⁷ Гумбольдт А. «Человек – гражданин Вселенной» // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 115–119.

⁴⁸⁸ Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мироописания Александра фон Гумбольдта. – URL: www.danilevsky.ru/tvorcheskoe-nasledie-danilevskogo/po-hronologii-napisaniya/kosmos/.

⁴⁸⁹ Cornejo C. Searching for the microcosm: A glimpse into the roots of Vygotsky's holism // History of the Human Sciences. – 2015. – Vol. 28. – № 2. – P. 72–92; Jackson S.T. Introduction: Humboldt, Ecology, and the Cosmos // Essay on the Geography of Plants. Alexander von Humboldt and Aimé Bonpland: edited with an introduction by Stephen T. Jackson. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – P. 18; Madan A.S. Geographical Discourse and Alexander von Humboldt // Lines of Geography in Latin American Narrative. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 29–37, 65–69; Walls L.D. The Passage to Cosmos: Alexander von Humboldt and the Shaping of America. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – P. 226–227.

⁴⁹⁰ Ширяева А. Судьба // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 111.

другими словами, как мы понимаем, он сочетал эстетическое восприятие мира с его космографическим описанием. Все это придавало текстам мыслителя особую стилистику. При этом следует обратить внимание на то, что в плане соответствующих стилевых особенностей А. Гумбольдт, очевидно, не одинок. В частности, эстетически-космический тип (или стиль) мышления в той или иной мере практиковали такие мыслители, как В.И. Вернадский, И.В. Гёте, П. Тейяр де Шарден, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский, А. Швейцер⁴⁹¹.

Говоря об эстетическом характере научного дискурса А. Гумбольдта, A.S. Madan предлагает обратить внимание на гумбольдтово понятие *Naturgemälde* («poetry of nature»)⁴⁹². При этом эстетичность, поэтичность и метафоричность гумбольдтова дискурса обеспечивает ему живучесть (долговечность интереса к тексту); этот дискурс выжил во времени благодаря своей внутренней двойственности, гибридности, то есть одновременной научности и эстетичности, географичности и поэтичности.

Согласно А. Гумбольдту, природа может быть очерчена только живой, свободной и поэтичной мыслью; иной подход к ее описанию, как это не парадоксально, нанесет урон ясности и точности мысли⁴⁹³. Образность помогает концентрировать мысль и дает возможность сделать ее целостной, связывающей воедино разрозненные идеи, эмпирические факты, чувства, ощущения и т.п.

Судя по всему, в своем творчестве А. Гумбольдту удавалось обеспечивать целостное видение природы и Космоса вообще; это

⁴⁹¹ Там же. – С. 110–115; Аксенов Г.П. Вернадский. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 564 с. О взаимопереплетенности научного и философского в учениях ряда из названных авторов см., напр.: Вернадский В.И. О научном мировоззрении // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 213–243; Лисеев И.К. В.И. Вернадский: От единства знания к царству разума (цивилизационные мотивы) // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 22; Филатов В.П. Научное познание и мир человека. – М.: Политиздат, 1989. – 270 с.; Филатов В.П. Об идее альтернативной науки // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 159–162.

⁴⁹² Madan A.S. Geographical Discourse and Alexander von Humboldt // Lines of Geography in Latin American Narrative. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 32.

⁴⁹³ Humboldt A. Cosmos: A Sketch of a Physical Description of the Universe. – Vol. 1. – N.Y.: Harper & Brothers, 1858. – P. 23.

происходило благодаря наличию в его научном дискурсе глубокого эстетического чувства⁴⁹⁴, а также ориентации не только на интеллектуальное восприятие познаваемого мироздания, но и на его чувственное переживание. Недаром сочинение А. Гумбольдта «Космос» совмещает в себе научное и, вместе с тем, эстетическое описание природы.

Судя по всему, реальная сила Гумбольдта состояла не только в широте его интеллектуального кругозора, но и в его способности переживать, испытывать чувства к природе и ее многообразным проявлениям. Если использовать присущее Баденской школе неокантианства противопоставление номотетического и идиографического знания и присущее философии В. Дильтея противопоставление объяснения и понимания, то, пожалуй, следует отметить, что А. Гумбольдт естественный в основе своей объект – природу – описывал не только номотетически, но и идиографически, познавал не только посредством объяснения, но и посредством понимания. Связано это с тем, что он воспринимал природу не столько как объект, сколько как субъект, усматривал в ней не только естественное, но и гуманитарное, использовал для этого не только строгое понятийное мышление, но и воображение⁴⁹⁵. По сути, А. Гумбольдту свойственна гибридизация номотетического и идиографического (во всяком случае, ему не свойственно их жесткое противопоставление – в эпистемологическом плане он выступает за объединение мира природы и мира свободы, за понимание их глубинной связи), а заодно и эстетически окрашенное и любовное проникновение в богатство природы, в сокровищницу ее тайн.

⁴⁹⁴ Walls L.D. *The Passage to Cosmos: Alexander von Humboldt and the Shaping of America*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – 404 p.

⁴⁹⁵ Madan A.S. *Geographical Discourse and Alexander von Humboldt // Lines of Geography in Latin American Narrative*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 29–43; Walls L.D. *The Passage to Cosmos: Alexander von Humboldt and the Shaping of America*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – P. 122, 153–170, 212–233, 303–304.

А. Гумбольдт был склонен видеть в природе нечто самоценное, цель, а не средство⁴⁹⁶. Природа для него не «царство необходимости», а «царство свободы»⁴⁹⁷, и очерчена она может быть только «возвышенными формами речи», способными свидетельствовать о величии мироздания⁴⁹⁸.

Все указывает на трансгрессивный (по сути – пограничный, амбивалентный, гибридный и эквивокальный) характер гумбольдтова «Космоса». При этом трансгрессивность «Космоса» предполагала и то, что это был не только научный текст, но и текст, ориентированный на широкую публику, а также текст, ставший значимым фактором просветительского дискурса.

Следует заметить, что сочетание научного и эстетического восприятия действительности, нахождение текста на границе между наукой и искусством порождает некоторые специфические проблемы эпистемологического характера. Одна из ключевых проблем в данном случае обусловлена тем существенным обстоятельством, что научное и эстетическое восприятие действительности в полной мере могут быть реализованы только с опорой на разные потенциалы мыслительного аппарата познающего субъекта. Недаром наука предполагает оперирование *понятиями*, а искусство – *образами*; наука опирается на понятийное мышление, а искусство – на мышление образное, в более широком контексте – на воображение. Вместе с тем, очевидно, что в научном познании познающий субъект испытывает потребность в обращении к потенциалам своего воображения (такова природа мышления⁴⁹⁹), однако

⁴⁹⁶ Heuer W. Cosmos and Republic: A Hidden Dialogue between Hannah Arendt and Alexander von Humboldt // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 4. – P. 284–298.

⁴⁹⁷ Walls L.D. The Passage to Cosmos: Alexander von Humboldt and the Shaping of America. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – P. 215.

⁴⁹⁸ *Ibidem.* – P. 219–220.

⁴⁹⁹ В данном вопросе можно сослаться на И. Канта. См.: Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 8 т. – Т. 3. – М.: Чоро, 1994. – 740 с.; Князева Е.Н. Глаз ума: понятия ментальных образов и воображения от Беркли до современной когнитивной науки // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2013. – С. 30–51; Гачев Г.Д. Осень с Кантом: Образность в «Критике чистого разума». – М., 2004. – 329 с.; Гулыга А.В. Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 5–42; Ойзерман Т.И., Нарский И.С. Теория познания Канта. – М.: Наука, 1991. – 198 с.; Ойзерман Т.И. Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). – М.: «Канон+» РООИ

это не делает проблему сочетания научного и эстетического восприятия действительности простой и тривиальной.

Говоря другими словами, интерпретация таких гибридных текстов, как гумбольдтов «Космос», ставит достаточно сложный вопрос о том, какой именно эпистемический объект фиксируется в научном дискурсе А. Гумбольдта термином «Kosmos», и что служит этим эпистемическим объектом – образ или понятие⁵⁰⁰. В контексте нашего исследования имеет смысл рассмотреть в качестве соответствующего эпистемического объекта концепт, то есть предположить, что термином «Kosmos» у А. Гумбольдта кодируется некоторый концепт. В пользу этой гипотезы свидетельствует, например, то, что именно соприсутствие в концепте свойств как понятия, так и образа способно обеспечить суперпозицию научного и эстетического восприятия мира, а как следствие – и его целостное видение.

Как мы уже отмечали, средневековый концептуализм признавал существование универсалий, однако полагал их порождениями человеческого ума, то есть считал зависящими от воли и разума познающего субъекта⁵⁰¹. Согласно той трактовке идей П. Абеляра, которая была разработана С.С. Неретиной⁵⁰², познающий субъект строит понятия с их ориентацией на объективное отражение действительности, в то время как концепты в значительно большей мере определяются духовным миром познающего субъекта, то есть факторами субъективного характера⁵⁰³. Вместе с тем, насколько можно судить, подобное положение вещей отвечает гумбольдтову подходу к познанию, ибо в данном подходе различные

«Реабилитация», 2008. – 520 с.; Пилюгина М.А. Воображение как способ познавательной деятельности // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2013. – С. 195–205.

⁵⁰⁰ Этот вопрос в какой-то мере резонирует с вопросом о том, какой объект следует считать медиумом мысли (транслятором смысла) – образ, слово или понятие. См.: Weiskopf D.A. Words, Images and Concepts // Analysis Reviews. – 2015. – Vol. 75. – № 1. – P. 99.

⁵⁰¹ Куайн У.В.О. О том, что есть // Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 336–338.

⁵⁰² Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеляра. – М.: Гнозис, 1994. – 216 с.; Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – 275 с.

⁵⁰³ Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – С. 29–32.

проявления субъективности не элиминируются из познавательного процесса, а, напротив, определяют познавательный процесс. Научное познание не является автономным по отношению к субъекту, а, напротив определяется им, опирается на потенциалы человеческой субъективности и в каком-то существенном смысле нуждается в ней⁵⁰⁴.

В целях обоснования выдвинутой выше гипотезы (о концепте Космоса) имеет смысл попытаться применить ряд ранее обсужденных нами понятий концепта к некоторым ключевым идеям А. Гумбольдта. Значимым основанием к этому, помимо всего уже отмеченного, для нас является также позиция Ж. Делёза и Ф. Гваттари в той ее части, что понятие характеризует ставшее знание, тогда как концепт – знание становящееся⁵⁰⁵. В существенном смысле это объясняет, почему эпистемический объект, кодируемый А. Гумбольдтом с помощью термина «Kosmos», имеет смысл рассматривать именно как концепт. Дело в том, что Космос, о котором толкует А. Гумбольдт, является становящимся и в силу этого может быть познан только как становление; познание становящегося Космоса нуждается в языковых средствах, которым был бы присущ характер становления, и концепт – именно такое языковое средство. Недаром работы А. Гумбольдта (в том числе и по его собственному признанию) носят в каком-то плане незавершенный характер, грандиозность авторского замысла превращает их в работы, которые просто невозможно завершить.

1. *Эквивокалистская трактовка* указывает на концепт как на некое сложное смысловое образование, обладающее свойством эквивокальности (двуосмысленности). Указанное свойство среди прочего проявляет себя в

⁵⁰⁴ Walls L.D. The Passage to Cosmos: Alexander von Humboldt and the Shaping of America. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – 404 p. Тезис о некотором созвучии методологических подходов П. Абеляра (в интерпретации С.С. Неретиной) и А. Гумбольдта следует понимать как указание на сходство подходов, но не как на доказательство какой-либо безусловной связи между ними, тем более что они порождены двумя разными историческими эпохами, и между этими эпохами пролегает несколько столетий человеческой истории.

⁵⁰⁵ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 69–70, 111, 128–129, 179, 205.

том, что «сквозь одно слово сияют разные его смыслы: священный и буквальный»⁵⁰⁶. Все это означает, что в концепте некоторым существенным образом проявляет себя эквивокация трансцендентного и имманентного в тех или иных их проявлениях. В конечном итоге, все это приводит к тому, что в концепте частное и общее «проглядывают» сквозь друг друга. Таким образом, с концептом ассоциируется не один смысл, а, по меньшей мере, два, причем оба смысла оказываются в отношениях некой сложной взаимокоординации⁵⁰⁷.

Как нам представляется, обсуждаемая нами сейчас трактовка феномена концепта соответствует гумбольдтову концепту Космоса. В качестве некоторого аргумента обратим внимание на то, что А. Гумбольдт понимает Космос как единое в многообразии своих проявлений мироздание, как некое «единство в многообразии явлений»⁵⁰⁸. Таким образом, есть основания полагать, что в гумбольдтовом Космосе *единое* и *многое* сливаются, а Космос оказывается для А. Гумбольдта своего рода эквивокальным образованием. Недаром А. Гумбольдт настаивал: «Каждый уголок земли – отблеск целого. Органические образы повторяются в беспрестанно новых соединениях»⁵⁰⁹.

Одновременное единство и многообразность природных явлений производило на А. Гумбольдта весьма глубокое впечатление, буквально завораживало его. Показательны в этой связи следующие написанные им в одном из писем строки: «...Как в лесах Амазонки, так и на хребте высоких Анд познал я, что одушевленная одним дыханием от полюса до полюса – единая жизнь разлита в камнях, и в растениях, и в животных, и во вздымающейся груди человека»⁵¹⁰. Как можно заключить, Космос в представлениях А. Гумбольдта – это некая единая и вместе с тем имеющая

⁵⁰⁶ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 81.

⁵⁰⁷ Неретина С.С. Петр Абеяра и персона // Абеяра П. История моих бедствий. – М.: ИФРАН, 2011. – С. 62, 66, 94–100.

⁵⁰⁸ Humboldt A. Cosmos: A Sketch of a Physical Description of the Universe. – Vol. 1. – N.Y.: Harper & Brothers, 1858. – P. 24.

⁵⁰⁹ Цит. по: Сафонов В.А. Александр Гумбольдт. – М.: Молодая гвардия, 1959. – 191 с.

⁵¹⁰ Цит. по: Ширяева А. Судьба // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 114.

множество самых разнообразных проявлений сущность. Познавать эту сущность и ее множественные проявления следует не по отдельности, а в их единстве, многообразии и целостности, и именно к этому А. Гумбольдт в своем творчестве во многом и стремился⁵¹¹.

2. *Эмотивистская трактовка.* В этой трактовке концепт – это эмотивистское (провоцирующее эмоции) семантическое образование, в силу чего концепты не просто мыслятся, но мыслятся и переживаются⁵¹².

Данная трактовка вполне соответствует гумбольдтову концепту Космоса. В этой связи следует обратить внимание на то, что согласно размышлениям А. Гумбольдта, принятый им на вооружение термин «Kosmos» существенное воздействие должен оказывать не только на мышление и разум, но и на чувства⁵¹³, на чувственно-эмоциональную сферу личности, а познанию Космоса должен быть присущ характер не только рациональный, но и эмоциональный. Показательно в данном контексте то, как в одном из писем А. Гумбольдт охарактеризовал свои творческие планы: «Я имею безумное намерение изобразить весь материальный мир, все, что мы знаем о явлениях в небесных пространствах и на земном шаре, от туманных звезд до мхов на гранитных скалах, – изобразить все это в одной книге, написанной притом живым, действующим на чувство языком. Тут должна быть отмечена каждая великая и важная идея наряду с фактами. Книга должна показать эпохи в развитии человечества, в познании им природы. Я хотел сначала назвать ее „Книга природы“, как назвал свое

⁵¹¹ Антоновский А.Ю. Александр фон Гумбольдт и научная политика // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 24–28; Миронов В.В. Гумбольдт, натурфилософия и университет как универсум // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 19–22.

⁵¹² Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.; Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». – Калуга: Эйдос, 2010. – С. 9, 34, 37.

⁵¹³ Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мироописания Александра фон Гумбольдта. – URL: www.danilevsky.ru/tvorcheskoe-nasledie-danilevskogo/po-hronologii-napisaniya/kosmos/.

сочинение Альберт Великий. Потом я выбрал „Космос“. Пусть в этом слове есть аффектация, но зато оно разом обозначает небо и землю»⁵¹⁴.

Концепт Космоса оказывается таким особым семантическим образованием, которое не только провоцирует мысли, но и вызывает некоторые чувства. При этом Космос воспринимается не просто как объект абстрактного мышления, но как объект переживания и мышления. Подобному положению вещей, как мы понимаем, в существенном смысле отвечает эмотивистская трактовка феномена концепта.

Заметим, что, в принципе, в рассмотренной сейчас трактовке концепт Космоса может быть удачно увязан и с эквивокалистской трактовкой. Недаром С.С. Неретина неоднократно указывала на то, что средневековое понимание концепта закрепляло за концептом (в отличие от понятия) то важное свойство, суть которого состоит в том, что концепт использует потенциалы духовного мира человека, в том числе способности человеческой души⁵¹⁵. Иными словами, в эквивокалистской трактовке концепт также рассматривается в качестве феномена душевной и духовной жизни, а не только в качестве средства рационального мышления. В данном случае следует указать на некоторое существенное созвучие, обнаруживаемое между эмотивистской и эквивокалистской трактовками феномена концепта.

3. *Имагинистская трактовка.* В данном случае концепт надлежит трактовать как *словообраз*, как семантическое образование, которое предшествует абстрактному понятию и соответственно не доведено до состояния абстрактного понятия⁵¹⁶.

С учетом материала, уже обсужденного в параграфе, имеет смысл заключить, что гумбольдтов концепт Космоса, условно говоря, занимает некое промежуточное положение между образом и понятием, в каком-то плане осциллирует между ними. Подобное положение вещей придает

⁵¹⁴ Цит. по: Сафонов В.А. Александр Гумбольдт. – М.: Молодая гвардия, 1959. – 191 с.

⁵¹⁵ Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абельяра. – М.: Гнозис, 1994. – С. 141.

⁵¹⁶ Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 501.

концепту некую диалектичность и сложность и, как следствие, позволяет совмещать научное и эстетическое восприятие действительности, тем самым увеличивая глубину и целостность познавательного процесса. Все это имеет смысл толковать в духе философского аналога принципа дополнительности. Речь, в частности, идет о том, что научное и эстетическое восприятие действительности являют собой две нетождественные проекции познаваемой реальности, и их сочетание увеличивает объемность, сложность и глубину нашего восприятия, чем придает ему относительно целостный характер.

Понятие может рассматриваться в качестве *превращенной формы* образа. В каком-то смысле это объясняет, почему на стадии превращения образа в понятие (тогда, когда понятие еще только становится, то есть переживает становление) субъект познания приобретает возможность оперировать таким своеобразным эпистемическим образованием, как концепт. Именно благодаря обозначенному нами процессу, – процессу, который с одной стороны является процессом превращения образа, а с другой стороны является процессом становления понятия, – свойства концепта в существенном смысле являют собой суперпозицию (или, возможно, гибридизацию) свойств образа и свойств понятия. Благодаря этому концепт содержит в себе черты как *понятийного*, так и *допонятийного*, сочетает их в себе.

Как ни странно, в сочинениях А. Гумбольдта можно обнаружить некое понимание того, что образ Космоса постепенно (по мере развития науки) трансформируется в наследующее образу понятие. В частности, А. Гумбольдт отмечает: «Каким образом род человеческий в течении веков постоянно стремился отыскать, в вечно чередующихся видоизменениях вещей мира, непреложность закона, силою разума постепенно завоевать вселенную, об этом учит история того, кто умеет сквозь глубокие слои прошедшего проследить древний ствол нашего знания до самых корней его. Вопрошать это прошедшее значит следить за таинственным ходом идей, в котором тот же образ, который носился сперва перед внутренним чувством

как гармоническое целое, как Космос, определился наконец как вывод долгих, с большим трудом собранных опытов»⁵¹⁷. Существенным при этом оказывается то, что А. Гумбольдт окончательно не выводит образное содержание за пределы своего научного дискурса и в полной мере не отказывается от него в пользу понятийного. Судя по всему, А. Гумбольдт вольно или невольно сопрягает понятийное и образное содержание в едином концепте Космоса, тем самым расширяя возможности понятийного уровня языка. Проведенный нами анализ в какой-то мере служит тому подтверждением.

4. *Лингвофилософская трактовка.* В рамках этой трактовки концепт рассматривается в качестве элемента концептуального каркаса языка и мышления, по сути – в качестве репрезентатора их метафизического содержания, в том числе, например, метафизического содержания некоторой научной теории.

В контексте рассмотрения научного дискурса А. Гумбольдта, пожалуй, следует отметить, что активно используемый им концепт Космоса обладает теми существенными характеристиками, что:

- провоцирует некоторые чувственные переживания;
- активизирует воображение и интуицию познающего субъекта;
- выступает своего рода репрезентатором и транслятором метафизического содержания созданной А. Гумбольдтом полидисциплинарной научной теории.

Указанное метафизическое содержание определяет понятия и саму суть разработанной А. Гумбольдтом научной теории. В каком-то плане концепт Космоса являет собой тот элемент теории А. Гумбольдта, который служит проводником метафизики и средством ее влияния на теорию⁵¹⁸.

⁵¹⁷ Гумбольдт А. Космосъ. Опыт физическаго міроописанія. – Ч. 1. – М.: Изданіе братьевъ Салаевыхъ, 1866. – С. 10.

⁵¹⁸ В данном случае нашу позицию надлежит трактовать в непосредственной связи с тезисом П. Дюгема – У. Куайна.

Резюме. В конечном итоге, насколько можно судить, в научном дискурсе А. Гумбольдта термин «Kosmos» кодирует собой не понятие, а *концепт*. Таким образом, применительно к научному дискурсу А. Гумбольдта можно говорить о концепте Космоса. При этом в данном контексте свойства концепта являют собой суперпозицию свойств понятия и свойств образа. Благодаря такой суперпозиции (во многом, скорее всего, неосознанной или, во всяком случае, не до конца осознанной) А. Гумбольдту удается осуществить сопряжение научного и эстетического восприятия действительности, при этом задействовав их как два противоположных и дополняющих друг друга видения мира. Все это дает А. Гумбольдту возможность каким-то образом совместить научность и целостность и тем самым придать научному видению мира некую целостность. Основание для такого вывода предоставляет имагинистская трактовка феномена концепта, рассматривающая данный феномен в качестве некоего словообраза, который в генетическом плане выступает для понятия неким прародителем.

Как полагает А. Гумбольдт, Космос как объект познания вызывает у познающего субъекта некоторые чувственные переживания, а обозначающий его термин не только стимулирует мышление, но и активизирует функционирование чувственно-эмоциональной сферы личности. Благодаря этому концепт Космоса оказывается не только средством мышления, но и неким явлением присущей познающему субъекту душевной и духовной жизни. В конечном итоге, концепт служит таким особым инструментом познания, который вовлекает в познавательный процесс не только строго рациональные структуры психики познающего субъекта, но и структуры эмоциональные. Все это приводит к преобразованию конкретной познавательной ситуации, к смещению акцентов исследования.

Благодаря использованию языка концептов у познающего субъекта появляется возможность мыслить мир одновременно как целостность и как многообразие, трактовать его с позиций как научных, так и метафизических, рассматривать с позиций как универсальных, так и (поли)дисциплинарных.

В конечном счете, есть существенные основания полагать, что успехи А. Гумбольдта в познании мира были обусловлены в том числе и концептным характером используемого им терминологического аппарата.

3.2. Концепт цвета в теории И.В. Гёте

В качестве еще одного примера концепта рассмотрим эпистемический объект, кодируемый термином «цвет». Основное внимание при этом уделим учению о цвете И.В. Гёте, так как именно у него феномену цвета приписывается достаточно сложный и многообразный смысл, что позволяет прибегнуть к теории концепта и попытаться ее применить.

1. **Особенности гётевой хроматики и ее влияние на науку.** Как известно, И. Ньютон построил оптику, в которой понятие цвета было операционализировано с помощью идеи преломляемости световых лучей, которую в итоге увязали с понятием длины волны⁵¹⁹. По сути, он редуцировал явление цвета к некому сугубо физическому феномену и построил для этого феномена некоторую научную теорию. При этом И. Ньютон не отрицал субъективный характер восприятия цвета, однако понимал, что вопросы такого рода выходят далеко за пределы физики⁵²⁰. Впоследствии его теоретические построения корректировались другими физиками, но классическая оптика – это оптика в известном смысле ньютоновская.

⁵¹⁹ Арнольд В.И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук – первые шаги математического анализа и теории катастроф, от эвольвент до квазикристаллов. – М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. литературы, 1989. – С. 9–10; Бибахин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 463; Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. – М.: Наука, 1989. – С. 68–70, 261–262; Вавилов С.И. Глаз и Солнце. О свете, Солнце и зрении. – СПб.: Амфора, 2015. – 470 с.; Розин В.М. Комментарии к книге Н.Н. Волкова «Цвет в живописи» // Культура и искусство. – 2015. – № 1 (25). – С. 86–87.

⁵²⁰ Суровцев В.А., Родин К.А. «Заметки о цвете» Людвиг Витгенштейна: От логики цвета к социологии цвета // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2020. – № 2 (24). – С. 28; Böhme G. Is Goethe's Theory of Color Science? // Goethe and the Sciences: A Reappraisal. Boston Studies in the Philosophy of Science. – Vol 97. – Dordrecht: Springer, 1987. – P. 147–173.

И.В. Гёте не принял теорию И. Ньютона, подверг ее достаточно жесткой критике⁵²¹ и попытался предложить некую альтернативную физику цвета. Одна из причин, по которой Гёте не принял ньютоновскую оптику, да и ньютонианство вообще⁵²², состояла в том, что они ему казались неким упрощением, уничтожающим исследуемый феномен, абстракцией, лишаящей этот феномен целостности и, в конечном счете, сущности⁵²³.

Гёте разделяет ту позицию, согласно которой в природе малое есть отражение большого, то есть он сторонник идей холизма в той или иной их вариации⁵²⁴. Гёте считает, что цвет – элементарное явление природы и вместе с тем одна из ее тайн, в которой тем или иным образом отражается вся природа. Цвет он понимает как результат противоборства света и тьмы, и представление об этом противоборстве занимает в мировоззрении Гёте чрезвычайно важное место. С помощью этого восходящего к перипатетизму⁵²⁵ представления Гёте схватывает реалии не только мира физического, но и мира метафизического.

⁵²¹ Горохов П.А. Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. – Екатеринбург, 2003. – С. 33–34.

⁵²² Аксенов Г.П. Вернадский. – М.: Молодая гвардия, 2010. – С. 442; Кассирер Э. Гёте и математическая физика. Теоретико-познавательное исследование // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 279–296; Margo C.E., Harman L.E. Helmholtz's critique of Goethe's Theory of Color: more than meets the eye // Survey of ophthalmology. – 2019. – Vol. 64. – № 2. – P. 241–247.

⁵²³ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – С. 342, 385–386; Филатов В.П. Научное познание и мир человека. – М.: Политиздат, 1989. – С. 42–43, 166, 227–228. Во времена Гёте сходную позицию занимал Г. Гегель (См.: Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. – СПб.: Речь, 2005. – 203 с.). Он, например, указывал, что в случае с органическим целым отношения части и целого немеханистичны, и изъятие части из целого лишает часть ее сущности. Позднее критикуемый Г. Гегелем и И.В. Гёте абстрактно-механистический подход к познанию мира не примут Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. См.: Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – С. 342, 385–386; Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 477.

⁵²⁴ Кассирер Э. Гёте и математическая физика. Теоретико-познавательное исследование // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 276–321.

⁵²⁵ Месяц С.В. Аристотель о природе цвета // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 28–39; Месяц С.В. Три определения цвета у Аристотеля // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: материалы Московской междунар. конференции по

Несмотря на то, что в качестве физика Гёте мыслит достаточно строго⁵²⁶, его понимание феномена цвета не ограничивается рассмотрением данного феномена с точки зрения физики (как это можно видеть у И. Ньютона). Гёте рассматривает цвет комплексно, например он стремится в своих построениях учесть, что цвет должен быть предметом исследования не только физики, но и ряда других наук. Если И. Ньютон редуцировал цвет к физическому феномену, то Гёте подобной редукцией не удовлетворяется и рассматривает цвет в значительно более широких контекстах, в том числе физиологических, психофизиологических, психологических и эстетических⁵²⁷. По сути, в исследовании природы цвета Гёте предьявляет некое разнообразие предметных рамок, которое никак не вмещается в прокрустово ложе физики Нового времени с присущими ей установками на математизацию и рассмотрение явлений природы в сугубо механистическом ключе.

Вместе с тем, И.В. Гёте и И. Ньютон расходятся не только в эпистемологическом плане⁵²⁸, но и в плане онтологическом (и метафизическом). Их разногласия коренятся не только в принятии разных эпистемологий, но и в принятии разных онтологий, то есть, в конечном счете, в том, что они исповедуют разную метафизику⁵²⁹.

Аристотелю. Ин-т философии РАН, 17–19 октября 2016 г. – М.: Аквилон, 2017. – С. 10–30.

⁵²⁶ Гейзенберг В. Учения Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 62.

⁵²⁷ Кассирер Э. Гёте и математическая физика. Теоретико-познавательное исследование // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 276–321; Серов Н.В. Хроматическая теория цвета: Ньютон – Гёте – Кандинский – Витгенштейн // Социальные трансформации. – 2019. – № 30. – С. 180–191; Böhme G. Is Goethe's Theory of Color Science? // Goethe and the Sciences: A Reappraisal. Boston Studies in the Philosophy of Science. – Vol 97. – Dordrecht: Springer, 1987. – P. 147–173.

⁵²⁸ Месяц С.В. Гёте и Ньютон. Спор о цвете // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы). – 2014. – № 2. – С. 299–339.

⁵²⁹ Мы не принимаем позиции об антиметафизическом характере теорий И. Ньютона. Подобная позиция сама есть некое метафизическое суждение. См.: Гайденок П.П. Проблема времени у Исаака Ньютона // Метафизика. – 2013. – № 1 (7). – С. 8–20; Генри Дж. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего Нового времени: Новый подход к проблеме упадка магии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (31). – С. 53–91; Севальников, А.Ю. О некоторых тенденциях в

Попытаемся нащупать некий нерв гетевой метафизики. Если немного отвлечься, то можно вспомнить, что, заводя знакомство с Фаустом, Мефистофель излагает гностическую в своем существе доктрину:

Я – части часть, которая была
 Когда-то всем и свет произвела.
 Свет этот – порожденье тьмы ночной
 И отнял место у нее самой.
 Он с ней не сладит, как бы ни хотел.
 Его удел – поверхность твердых тел.
 Он к ним прикован, связан с их судьбой,
 Лишь с помощью их может быть собой,
 И есть надежда, что, когда тела
 Разрушатся, сгорит и он дотла⁵³⁰.

Древнее и в своем существе гностическое представление о противостоянии света и тьмы очень нравилось И.В. Гёте⁵³¹, и он усматривал в нем существенный объяснительный потенциал применительно как к метафизическому знанию, так и к знанию физическому. В конечном итоге, И.В. Гёте (в том числе и в хроматике) испытал сильное влияние гностицизма и герметизма⁵³². Не далек от герметизма и Ньютон, но важно, что для него первичен Бог, причем трактуемый пантеистически⁵³³. Если Гёте в вопросе первичности предвечной тьмы, может быть, колеблется (и, вообще говоря, не вполне ясно как соотносить предвечную тьму и всемогущего Бога), то Ньютон

интерпретации науки // *Философия науки*. – 2000. – Т. 6. – № 1. – С. 3–9; Севальников А.Ю. *Физика и философия // Метафизика*. – 2016. – № 2 (20). – С. 53; Hall A. *The facets of Newton's genius // Interdisciplinary Science Reviews*. – 1995. – Vol. 20. – № 1. – P. 29–32.

⁵³⁰ Гете И.В. *Фауст*. – М.: НЭБ Свет, 2020. – URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl02000025814?page=1&theme=white>.

⁵³¹ Вавилов С.И. *Исаак Ньютон: 1643–1727*. – М.: Наука, 1989. – С. 33–36, 47–47; Горохов П.А. *Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.03*. – Екатеринбург, 2003. – С. 42–43; Флоренский П.А. *Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи*. – М.: АСТ, 2003. – С. 432–433.

⁵³² О связях герметизма с хроматикой Гёте и его мировоззрением вообще см.: Лагутина И.Н. *Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы*. – М.: Наследие, 2000. – С. 14–15, 29, 32, 41, 48–52, 57–61, 104, 240–243, 272.

⁵³³ Гайденок П.П. *Научная рациональность и философский разум*. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – С. 178–188; Гайденок П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке*. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – С. 11–12, 137–149; Гайденок П.П. *Проблема времени у Исаака Ньютона // Метафизика*. – 2013. – № 1 (7). – С. 8–20; Севальников, А. Ю. *О некоторых тенденциях в интерпретации науки // Философия науки*. – 2000. – Т. 6. – № 1. – С. 3–9; Hall A. *The facets of Newton's genius // Interdisciplinary Science Reviews*. – 1995. – Vol. 20. – № 1. – P. 29–32. Само собой, пантеистично и мировоззрение Гёте.

верит во всемогущего Бога⁵³⁴ и в идее первичности тьмы он не нуждается⁵³⁵. У Гёте в этом смысле картина мира, кажется, сложнее: Фауст в какой-то момент обращается к «вездесущему духу», и этот дух не есть Бог. В начале трагедии кажется, что в мире есть Бог, есть Мефистофель, есть человек и есть посредники между Богом и человеком (ангелы, архангелы), однако постепенно картина мира усложняется, и становится ясно, что все не так просто: в мире есть «вездесущий дух» и есть силы, еще более зловещие, чем Мефистофель⁵³⁶.

Как мыслитель Гёте наделяет предвечную тьму высоким онтологическим статусом. Видимо, именно под влиянием этого в его хроматике свету противостоит тьма; тьма полагается самостоятельным началом, способным оказывать определенное воздействие. Свет, прошедший сквозь мутную среду, порождает желтый цвет (и смежные с ним цвета – в зависимости от степени мутности среды)⁵³⁷. Тьма, прошедшая сквозь освещенную светом мутную среду, порождает синий цвет (и смежные с ним цвета), примером чему служит синева дневного неба⁵³⁸. Если в теории Ньютона цвет порожден светом, то в теории Гёте – светом и тьмой⁵³⁹.

Как мы отмечали, за конфликтом теорий Ньютона и Гёте стоит конфликт двух метафизик, видимо, вызванный в том числе и различным пониманием природы тьмы. Конечно, феномен тьмы в гётевой хроматике

⁵³⁴ Гайденок П.П. Проблема времени у Исаака Ньютона // *Метафизика*. – 2013. – № 1 (7). – С. 8–20.

⁵³⁵ Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. – М.: Наука, 1989. – 271 с.

⁵³⁶ Так, Мефистофель признает: «Язычники живут в своем аду. / Я там чужой и дел их не веду» (Гете И.В. Фауст. – М.: НЭБ Свет, 2020. – URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl02000025814?page=1&theme=white>). То есть другие силы там правят бал, ведут дела и ведают происходящим.

⁵³⁷ Гете И.В. К учению о цвете // Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Кругъ, 2012. – С. 97.

⁵³⁸ Там же. Подробнее о хроматике Гёте, о ее наиболее спорных местах и их трактовках см.: Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Кругъ, 2012. – 464 с.; Месяц С.В. Гёте и Ньютон. Спор о цвете // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы)*. – 2014. – № 2. – С. 299–339; Mesyats S. Is it possible to see darkness? Goethe and Aristotle on the role of light and darkness in vision // *ΣΧΟΛΗ*. – 2019. – Vol. 13. 2. – P. 537–553.

⁵³⁹ Гейзенберг В. Учения Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Гейзенберг В. *Философские проблемы атомной физики*. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 55–56.

может быть истолкован по-разному⁵⁴⁰, но признание тьмы в качестве самостоятельного начала более чем показательно.

Надо сказать, что в подавляющем большинстве физики не приняли теорию И. Гёте, во многом полагая ее результатом интуитивно-образного восприятия действительности, присущего выдающемуся немецкому поэту.

Образ поэта не особо вязался с образом строго мыслящего физика. Не в пользу Гёте сыграло и отсутствие у него масштабного математического таланта, безусловно, имевшегося у критикуемого им И. Ньютона. За Гёте можно было признать наблюдательность (во всяком случае, он обогатил науку рядом интересных наблюдений), а также ряд других научных достоинств, но решающего значения все это не имело, и подавляющему большинству физиков хроматика Гёте представлялась дилетантской.

В 1853 году в научно-популярной лекции о Гёте как о естествоиспытателе один из наиболее авторитетных физиков своего времени Г. Гельмгольц говорит о Гёте следующее: «Он старается понять природу не в логических понятиях, а смотрит на нее как на совершенное художественное произведение, которое само должно открывать свое духовное содержание восприимчивому наблюдателю»⁵⁴¹. Подвергая критике физическую сторону гётевой хроматики, Гельмгольц, правда, делает некие далеко небесмысленные оговорки, суть которых, видимо, состоит в том, что гётева теория может иметь значение за пределами физики⁵⁴². Сходную, но в чем-то более развернутую позицию Г. Гельмгольц занимает в своем труде «Руководство по физиологической оптике» (1867 год). Касательно теории Гёте авторский посыл примерно такой: достигнуть главную цель своего учения, в частности реформировать физическое учение о цвете, Гёте, в целом, не удалось, но ряд положительных следствий для науки его труд

⁵⁴⁰ Месяц С.В. Гёте и Ньютон. Спор о цвете // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы). – 2014. – № 2. – С. 299–339.

⁵⁴¹ Цит. по: Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Л.: Наука, 1970. – С. 358. Дополнительно см.: Гельмгольц Г. О зрении человека; Новейшие успехи теории зрения. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 175–181.

⁵⁴² Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Л.: Наука, 1970. – С. 358–359.

имеет, например ему удалось обратить внимание на некоторые вопросы, затрагивающие различные способы раздражения глаза⁵⁴³.

Еще через несколько десятилетий Г. Гельмгольц выступит с речью «Предвидение Гёте грядущих научных идей»⁵⁴⁴, в которой попытается провести некое итоговое оценивание хроматологических идей Гёте. Не во всем эта процедура окажется удачной, но важно, что Г. Гельмгольц некую новизну и значимость гётевой хроматики пытался уловить и в каких-то направлениях концептуализировать⁵⁴⁵. По большому счету, он старался разобраться в том, что ценно в гётевой хроматике и что в ней второстепенно.

Известный российский физик второй половины XIX века А.Г. Столетов в своей статье 1895 года «Леонардо да Винчи как естествоиспытатель» отдает должное мощному научному воображению Гёте и его интуиции, позволяющим схватывать сложную группу явлений, но полагает все это недостаточным, ибо Гёте не уделяет должного внимания эксперименту и математике⁵⁴⁶. Видимо, эта позиция была широко распространена. Во всяком случае, сходную позицию заняли высоко ценившие художественное творчество Гёте биологи Н.А. Холодковский и К.А. Тимирязев⁵⁴⁷.

Вместе с тем, в научном сообществе тон в оценках гётевой хроматики все-таки не был однозначно негативным. Среди физиков тон был скорее однозначным, но в «более широких» научных кругах однозначности оценок, пожалуй, не было. Уже при жизни Гёте два выдающихся физиолога – Я.Э. Пуркине и И. Мюллер – фактически объявили себя его заочными учениками⁵⁴⁸. Оказалось, что вне зависимости от вклада Гёте в физику света

⁵⁴³ Там же. – С. 360–361.

⁵⁴⁴ Она будет опубликована в 1892 году.

⁵⁴⁵ Там же. – С. 361–362.

⁵⁴⁶ Там же. – С. 362.

⁵⁴⁷ Там же. – С. 362–364.

⁵⁴⁸ Весьма любопытно, что одним из наиболее выдающихся учеников, последователей и вместе с тем критиков И. Мюллера был Г. Гельмгольц (Margo С.Е., Harman L.Е. Helmholtz's critique of Goethe's Theory of Color: more than meets the eye // Survey of ophthalmology. – 2019. – Vol. 64. – № 2. – P. 241–247.). Таким образом, вырисовывается «цепочка преемственности», суть которой состоит в том, что Г. Гельмгольц – последователь И. Мюллера, а И. Мюллер – последователь И.В. Гёте. См.: Канаев И.И.

и цвета он много дал физиологии и психофизиологии⁵⁴⁹. Уже в начале XX века Р. Магнус указал на то, что физиологическая оптика получила развитие, примыкая именно к физиологическому сегменту гётевой хроматики⁵⁵⁰. Как отметил в 1920-е годы Э. Кассирер, трагическая ошибка Гёте состояла в том, что в его хроматике не было четкого разграничения между физической оптикой и физиологическими проблемами, в значительной мере интересовавшими Гёте. «Если бы он с самого начала твердо провел различие между физическим и физиологическим исследованием и сознательно держался его, ему не пришлось бы вести мучительную борьбу с Ньютоном; тогда стало бы ясно, что явления и проблемы, изучаемые учением о цвете, отличны от тех, которые рассматриваются в ньютоновской оптике»⁵⁵¹. Стоит ли говорить, что такое разграничение требовало немало времени и больших усилий, ибо разграничивать пришлось бы уже существующую (и весьма влиятельную) физическую оптику и еще не сложившуюся оптику физиологическую. Ясно, что такой процесс в чем-то подобен борьбе за независимость нового, только формирующегося на периферии достаточно мощной империи государства. В этой схеме Гёте – это лидер борьбы за освобождение некой проблемно-тематической зоны от протектората ньютонианства. Ясно, что такая борьба невозможна без неприятия и непонимания противоположных позиций, без взаимных выпадов, перехлестов, обид и претензий.

Гёте как естествоиспытатель. – Л.: Наука, 1970. – 467 с.; Лебединский А.В., Франкфурт У.И., Френк А.М. Гельмгольц (1821–1894). – М.: Наука, 1966. – 320 с.; Lang H. Colorvision theories in nineteenth century germany between idealism and empiricism // *Color Research & Application*. – 1987. – Vol. 12. – № 5. – P. 277–288.

⁵⁴⁹ Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М.: Наука, 1988. – С. 248–249; Канаев И.И. *Указ. соч.* – С. 111–115, 370–371; Кассирер Э. Гёте и математическая физика. Теоретико-познавательное исследование // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 276–321; Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Крузь, 2012. – 464 с.; Gutiérrez J. Hermann von Helmholtz, Ewald Hering and color vision: A controversy over styles of reasoning? // *Manuscrito*. – 2021. – Vol. 44. – № 1. – P. 37–97.

⁵⁵⁰ Канаев И.И. *Указ. соч.* – С. 364–365.

⁵⁵¹ Кассирер Э. Гёте и математическая физика. Теоретико-познавательное исследование // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 304.

В любом случае, Гёте во многом расширил границы изучения феномена цвета, придал этому феномену иную предметность, ввел его в новые предметные рамки. Не всегда предлагаемое им видение было удачным, но оно стало определенным шагом в будущее.

Особая ценность гётевой хроматики состояла в физиологическом и психофизиологическом взгляде на феномен цвета. Естественно, Гёте в этом плане не был единственным, кто способствовал развитию новых направлений физиологии и психофизиологии⁵⁵², но он, безусловно, был одним из первопроходцев. Как указывает В.П. Филатов, в те времена в английской науке господствовало ньютоновское мировоззрение, строго разделявшее «объективные процессы и их субъективные образы в человеческом сознании»; более чем показательным, что физиологическая оптика зарождается в немецкой науке (во многом благодаря И.В. Гёте, И. Мюллеру, Г. Гельмгольцу), где столь строгого разделения в силу значительного влияния немецкой натурфилософии (прежде всего в лице Г. Гегеля и Ф. Шеллинга) не было⁵⁵³.

В XX веке интерес к теории Гёте не ослабевает, а в каком-то отношении усиливается. В.И. Вернадский, например, предположил, что вдумчивый читатель еще найдет в гётевой хроматике нечто для себя ценное. Наступившая эпоха квантовой механики заставила многое в научном творчестве Гёте переосмыслить. Видимо, понимание неустранимости субъекта из познавательного процесса сыграло в этом отношении какую-то существенную роль, что, например, продемонстрировала статья

⁵⁵² Так, современник Гёте Дж. Дальтон описал феномен, ныне называемый дальтонизмом. Этот феномен (пусть и под другим названием) изучался и Гёте. См.: Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Кругъ, 2012. – С. XVII.

⁵⁵³ Филатов В.П. Научное познание и мир человека. – М.: Политиздат, 1989. – С. 167–168. Дополнительно см.: Kesselring J. Helmholtz and goethe-controversies at the birth of modern neuroscience // *European neurology*. – 2013. – Vol. 69. – № 3. – P. 152–157; Lang H. Colorvision theories in nineteenth century germany between idealism and empiricism // *Color Research & Application*. – 1987. – Vol. 12. – № 5. – P. 270–281.

В. Гейзенберга «Учения Гёте и Ньютона о цвете и современная физика»⁵⁵⁴. В этой статье В. Гейзенберг пришел к выводу, что при всем том, что учение Гёте о цвете современный физик принять не может, все-таки в этом учении есть нечто для физика значимое. Взгляд Гёте и взгляд Ньютона – это два взгляда, брошенные с разных этажей здания науки, и оба они ценны. Более того, борьба Гёте за реалистичность научного мировоззрения должна быть продолжена на каком-то новом уровне.

В. Гейзенберг настаивает: Гёте – не дилетант, а достаточно строгий в своем мышлении ученый⁵⁵⁵ и вообще очень глубокий соперник для физика; соперник, которого куда важнее понять, нежели просто отмахнуться от его идей, назвав последние ненаучными и малосодержательными.

Наконец, надо сказать о том, что в силу своего комплексного характера гётева теория цвета оказала определенное влияние не только на естествознание (а также на его философское осмысление), но и на некоторые значимые пласты социально-гуманитарного знания. Во всяком случае, от гётевой теории цвета какие-то ниточки тянутся к некоторым значимым интеллектуальным построениям Л. Витгенштейна (в том числе к его «Remarks on Colour»⁵⁵⁶)⁵⁵⁷, к color test М. Люшера, к цветотерапии и т.п.⁵⁵⁸ В

⁵⁵⁴ Гейзенберг В. Учения Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 54–71.

⁵⁵⁵ Там же. – С. 62; Бибихин В.В. Указ. соч. – С. 477; Кассирер Э. Гёте и математическая физика. Теоретико-познавательное исследование // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 303–304.

⁵⁵⁶ Wittgenstein L. Remarks on Colour. – Oxford: Basil Blackwell, 1977. – 63 p.

⁵⁵⁷ Суровцев В.А., Родин К.А. Людвиг Витгенштейн о логике цветовых понятий // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 4 (18). – С. 222–234; Carvalho M. Colours in the Development of Wittgenstein's Philosophy. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – 380 p.; Lee A. Wittgenstein's Remarks on Colour // Philosophical Investigations. – 1999. – Vol. 22. – № 3. – P. 215–239; McGinn M. Wittgenstein's Remarks on Colour // Philosophy. – 1991. – Vol. 66. – № 258. – P. 435–453; Vendler Z. Goethe, Wittgenstein, and the Essence of Color // The Monist. – 1995. – Vol. 78. – № 4. – P. 391–410; Wilde T. The 4th Dimension – Wittgenstein on Colour and Imagination // Persons. An Interdisciplinary Approach. Papers of the 25th International Wittgenstein Symposium. Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2002. – P. 284–286. В «Заметках о цвете» Л. Витгенштейн часто адресуется к Гёте; их можно рассматривать в качестве реакции на гётеву теорию цвета.

⁵⁵⁸ Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. – СПб.: Речь, 2005. – 203 с.; Серов Н.В. Хроматическая теория цвета: Ньютон – Гёте – Кандинский – Витгенштейн // Социальные трансформации. – 2019. – № 30. – С. 180–191.

свою очередь, от витгенштейновых размышлений о феномене цвета ниточка тянется к исследованиям Б. Берлина и П. Кея⁵⁵⁹ и целому вееру дальнейших исследований, включая ранние работы Э. Рош, сочинения А. Вежбицкой⁵⁶⁰, Дж. Лакоффа и других авторов⁵⁶¹.

Таким образом, вне зависимости от того, насколько не сложились отношения Гёте с мейнстримным направлением развития физики, влияние его теории на последующую науку и философию было существенным.

Судя по всему, гётево понятие цвета оказалось значительно более емким и многогранным, нежели то понятие цвета, которое было предложено И. Ньютоном. Ньютоново понятие цвета стало результатом достаточно глубокой интеллектуальной переработки, включавшей в себя такие процедуры, как редукция, абстрагирование и операционализация. Гёте, напротив, считал подобного рода «интеллектуальную механику» убийственной для познаваемого явления. Недаром Мефистофель в «Фаусте» так высмеивает механицизм:

Кто хочет разобрать предмет,
Пускай в нем душу уничтожит;
Хотя духовной связи нет,
Он по частям его разложит⁵⁶².

Есть основания полагать, что Гёте при всей строгости своего научного мышления не довел свое понятие цвета до состояния абстрактного понятия, так как не видел в этом смысла, считал цвет чем-то самоочевидным и вместе с тем таинственным. Видя своей задачей исследование этого понятия, мы далее попытаемся более или менее последовательно показать, что гётево понятие цвета:

⁵⁵⁹ Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. – Berkeley, 1969: University of California Press. – 178 p.

⁵⁶⁰ Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 231–290; Goddard S., Wierzbicka A. Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 316 p.

⁵⁶¹ Подробнее см.: Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

⁵⁶² Цит. по: Захаров В.Д. Гравитационные волны в теории тяготения Эйнштейна. – М.: Наука, Гл. редакция физ.-мат. литературы, 1972. – С. 15.

- а) носит полидисциплинарный характер;
- б) может моделироваться с помощью некой абстрактной модели, которую мы назовем «релейным понятием»;
- с) является концептом (или, во всяком случае, может быть в качестве такового моделироваться).

Прежде чем двинуться по этому пути сделаем небольшое отступление и попытаемся немного поразмышлять о том, в чем может состоять цель такого рода интеллектуальных построений и попыток выявить и проанализировать специфику понятийного аппарата конкретного естествоиспытателя и мыслителя.

Допустим, понятийный аппарат Гёте специфичен, но Гёте – поэт и мыслитель, представитель определенной исторической эпохи, определенной культуры. Нет ничего удивительного в том, что его исследовательскому (в том числе понятийному) аппарату присуща та или иная специфика и она обусловлена особенностями духовного мира Гёте и той культурно-исторической эпохи, частью которой он являлся. Тем более что сложность познаваемого объекта требует от познающего субъекта сложности и неординарности познавательного инструментария (включая применяемый научный язык)⁵⁶³. Вместе с тем, по нашему убеждению, за всеми этими особенностями есть некий глубинный смысл, вскрывающий нечто существенное не только по поводу личной творческой лаборатории великого поэта, но и по поводу научного познания как такового. В первом случае наше исследование имеет смысл, который должен интересовать по преимуществу историка интеллектуальных идей прошлого, скажем так, а во втором случае смысл такого исследования куда более масштабен.

Иными словами, возникает вопрос о том, что является сферой интереса нашего исследования – просто история интеллектуальных идей прошлого или все-таки теория познания в каких-то более значимых (в том числе

⁵⁶³ Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 13.

внеисторичных) контекстах. Далее мы попытаемся показать, что в разговоре о гётевой хроматике справедливо не только первое, но и второе, то есть осмысление научного наследия Гёте позволяет вскрыть нечто существенное относительно языка науки как такового, а не только специфики языка научных исследований самого Гёте (что, впрочем, тоже немало).

2. Полидисциплинарность гётева понятия цвета. Если говорить в первом приближении, Гёте формирует и использует полидисциплинарное понятие цвета. В частности, если Ньютон формулирует и применяет физическое понятие цвета (равно как и света), то у Гёте все обстоит гораздо более сложным образом. Он не ограничивается редукцией исходного феномена (цвета) к его физической стороне, а действует существенно иным образом. Он строит такое понятие цвета, которое оказывается релевантным различным научным и философским дисциплинам, в том числе и тем, которые на момент активной работы Гёте еще не созданы, не институционализированы и не осмыслены как некие самостоятельные системности. Если эта позиция верна, то мы, действительно, имеем дело с чем-то, что сильно отличается от классического понятия цвета.

Итак, что мы имеем в случае с теорией Гёте? Мы имеем исходный феномен, коим является цвет. Понятие цвета строго не определяется (в том числе в силу своей очевидности). Это первое, что уже заставляет задуматься и спросить: «А с чем мы имеем дело? О каком понятии цвета надо вести речь и в каком ключе его трактовать (логическом, психологическом, комбинированном)⁵⁶⁴?» Понятие цвета строится таким образом, что оно вовлекается не только в физический дискурс, но и дискурс физиологический, психофизиологический, психологический, эстетический и т.п. Иными словами гётево понятие цвета оказывается полидисциплинарным и

⁵⁶⁴ Здесь мы имеем в виду то обстоятельство, что термин «понятие» можно трактовать не только в логическом, но и в психологическом смысле, а также в том или ином совмещении этих двух смыслов. См.: Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 253.

полидискурсивным, оказывается некой сетью специфических дисциплинарных понятий цвета.

Как известно, хроматика Гёте изложена в его сочинении «Учение о цвете»⁵⁶⁵. Само это сочинение состоит из трех частей – дидактической, полемической и исторической. Во второй части Гёте полемизирует с теорией Ньютона, а в третьей излагает историю развития хроматики, начиная с античных времен. Собственно гётева хроматика излагается в шести разделах первой части, причем в каждом из разделов актуализируется свой специфический смысловой массив понятия цвета (табл. 6).

Таблица 6. Спектр интересов И.В. Гёте в дидактической части «Учения о цвете»⁵⁶⁶

Раздел дидактической части «Учения о цвете»	«Центр внимания» И.В. Гёте в разделе	Условная «дисциплинарная прописка» раздела
I	<i>Физиологические цветовые явления</i> как явления, создаваемые глазом в качестве реакции на внешнее раздражение	Физиология зрения
II	<i>Физические цветовые явления</i> как явления, которые возникают в контексте прохождения света через прозрачные и мутные среды	Физика цвета
III	<i>Химические цветовые явления</i> как явления, обнаруживающие действие и «последствие» на поверхностях тел	Химия цвета
IV	<i>Природа цвета</i> в контексте общих воззрений	Теория цвета
V	<i>Отношение учения о цвете к смежным дисциплинам</i> – философии, математике, физике, физиологии, красильному делу	«Метатеория» цвета
VI	<i>Цветовые явления в аспекте их нравственно-эстетического воздействия на человека</i> ⁵⁶⁷	Эстетика цвета, психология цвета, психофизиология цвета

⁵⁶⁵ Гете И.В. К учению о цвете // Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Крузь, 2012. – С. 1–462.

⁵⁶⁶ Там же; Базиыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. – СПб.: Речь, 2005. – 203 с.; Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Крузь, 2012. – 464 с.

⁵⁶⁷ О современном понимании влияния цвета на психическое состояние человека см.: Meier M.A., Hill R.A., Elliot A.J., Barton R.A. Color in achievement contexts in humans // Handbook of color psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 568–584.

Возникает ли в каждом разделе свое специфическое понятие цвета? Или, напротив, одно понятие срабатывает в разных дисциплинарных дискурсах? Вне зависимости от ответа на эти вопросы, мы видим, что феномен цвета анализируется в различных предметных рамках, в разных дисциплинарных контекстах. И такое понятие помещается в рамки одной комплексной (в существенном смысле полидисциплинарной) теории.

Во всяком случае, то, что Гёте строит достаточно строгую научную теорию, а при этом понятие цвета строго логически не определяет (считает его очевидным и в этом смысле не нуждающимся в избыточных абстракциях), инициирует вопрос: с чем, с каким понятием мы имеем дело? Первый вариант ответа, который в этой связи приходит на ум, состоит в том, что гётево понятие цвета, по меньшей мере, полидисциплинарно.

3. Гётево понятие цвета и модель «релейного понятия». Философы и ученые уже достаточно давно осознали, что классическая модель понятия, которая восходит к античным учениям и приобретает свой законченный вариант у Г. Фреге, не позволяет отразить всей сложности и нелинейности познавательного процесса. Как следствие они ищут и пытаются сформировать некие альтернативные модели понятия, которые можно было бы прилагать к решению тех или иных эпистемологических задач. В итоге таких альтернативных моделей на данный момент сформировано достаточно много. Модель кластерного понятия и прототипическая модель понятия (Э. Рош, Дж. Лакофф и др.)⁵⁶⁸ – только некоторые из моделей.

Для наших специфических задач нам придется предложить еще одну модель понятия – модель «релейного понятия». Зачем это нужно, как мы надеемся, станет ясно из последующего изложения.

Принимая решение о введении в рассмотрение некоторого абстрактного объекта, в частности модели «релейного понятия», мы проводим некую нестрогую аналогию между понятием реле и той моделью

⁵⁶⁸ Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

понятия, в которой в силу тех или иных обстоятельств в обсуждении заявленной темы нуждаемся.

В электронике есть понятие триггера. Неким его обобщением является понятие реле, которое, в свою очередь, в качестве своего обобщения имеет понятие конечного автомата. Функционирование соответствующего рода объектов (триггер, реле, конечный автомат) в их различных дисциплинарных вариациях является предметом исследования логики, дискретной математики, информатики и ряда технических наук.

В достаточно общем смысле, реле – это некое устройство, которое обладает некоторым количеством состояний устойчивого равновесия и способно скачкообразно переключаться между ними в зависимости от поступающего внешнего сигнала. Естественно, это понятие не является понятием философии, хотя оно и может быть описано на языке логики. Для нас это понятие важно сейчас как некая метафора. Используя эту метафору, мы позволим себе ввести в рассмотрение несколько моделей понятий, адекватных нуждам наших эпистемологических исследований.

Релейное понятие – это понятие, которое имеет некое количество устойчивых состояний и способно переключаться между ними, причем пребывая в каждом из них необходимый промежуток времени.

Дабы это определение и вводимая при его помощи абстрактная модель имели смысл, мы должны определить, что такое *«состояние релейного понятия»*. Попробуем это сделать.

Состояние релейного понятия – это некоторый массив смыслов и значений, устойчиво принимаемый релейным понятием на некоторый необходимый познающему субъекту промежуток времени.

Одно состояние релейного понятия способно как бы переходить в другое. При этом релейное понятие предполагает некое количество

(множество) своих состояний; одно из этих состояний в почти любой момент времени⁵⁶⁹ является актуальным, а все остальные – потенциальными.

Как нам представляется, гётево понятие цвета принимает характер некой релейной системы, – оно своего рода *релейное понятие*, – в том смысле, что с одной стороны оно многозначно⁵⁷⁰, а с другой стороны, допускает переключение (а, возможно, и сочетание⁵⁷¹) различных его смыслов и значений. Такое переключение позволяет вовлекать «релейные понятия» в различные дисциплинарные дискурсы, а в ряде случаев и формировать такие дискурсы с нуля.

Конечно, можно сказать, что гётево понятие цвета и предлагаемые нами его интерпретации – это разные вещи; интерпретации – это результат привнесения нашей позиции в хроматику и методологию Гёте⁵⁷². В какой-то

⁵⁶⁹ За исключением, быть может, тех временных точек, когда релейное понятие переходит из одного состояния в другое.

⁵⁷⁰ Немного отступая, заметим, что многозначность не обязательно является признаком неточности. В математике и физике, как это хорошо известно, при необходимости вполне допускают использование, например, многозначных функций. Так, функция, содержащая радикалы, будет многозначной. Простейшим примером может служить уравнение окружности, заданное в явном виде: $y = \sqrt{R^2 - x^2}$. Оно содержит два массива значений – две ветви: $y = \sqrt{R^2 - x^2}$ и $y = -\sqrt{R^2 - x^2}$. Другой – не менее элементарный пример – это решение квадратного уравнения $ax^2 + bx + c = 0$; при $b^2 - 4ac > 0$ оно имеет два вещественных корня:

$$x_k = \frac{1}{2a} \left(-b + (-1)^k \sqrt{b^2 - 4ac} \right), \text{ где } k = \{1; 2\}.$$

Как видим, с проблемой многозначности мы встречаемся уже в элементарной математике.

⁵⁷¹ Иными словами, возможен синтез различных состояний релейного понятия. По всей видимости, тут надо переходить от понятия реле к более общему понятию – понятию автомата (в том числе конечного автомата).

⁵⁷² В оправдание заметим, что для исследования, обретающегося в области исторической эпистемологии (но не истории науки), такое привнесение, как указывает И.Т. Касавин, допустимо и даже, наверное, необходимо. И.Т. Касавин, в частности, отмечает, что исторический эпистемолог (в отличие от историка науки) опирается на тезис П. Дюгема – У. Куайна и понимает, что фактов всегда недостаточно, они никогда не определяют теоретические представления в полной мере, в силу чего можно лишь выдвинуть некую систему гипотез, предложить какие-то более или менее обоснованные концептуальные предположения, а не окончательную и бесспорную теорию, описывающую тот или иной фрагмент исторической реальности. См.: Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 2. – С. 14. Показательна в этом плане и позиция С.М. Гавриленко. См.: Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического

мере это, безусловно, так, ибо прав был В.И. Вернадский, когда применительно к гётевой же хроматике писал, что внимательные читатели будущих времен, возможно, смогут найти в этом учении нечто такое, что представители эпохи И.В. Гёте или, наоборот, эпохи В.И. Вернадского не видели. Иное состояние науки, философии и вообще культуры ориентирует на *иное* прочтение текста, нежели то прочтение, которое было свойственно эпохе, в которой этот текст был написан⁵⁷³. Отчасти это происходит в связи с неизбежной нелинейностью процессов развития культуры, а также ее бесконечнозначностью и бесконечномерностью.

Итак, мы ввели в рассмотрение некую абстрактную модель – модель релейного понятия. Однако это еще не дает оснований к тому, чтобы сослаться на модельный (по отношению к гётеву понятию цвета) характер введенного объекта. Данный объект нуждается в обсуждении, разработке и демонстрации.

Если смотреть с формальных позиций, то релейное понятие можно понимать как некое множество понятий, каждое из которых активно в каком-то временном интервале. Естественно, релейное понятие – это некая абстрактная модель, которая, как мы предполагаем, эквивалентна некоторым свойствам того понятия цвета, которое использовал Гёте.

В принципе, в приведенных нами выкладках можно обратить внимание на два нюанса. Первый нюанс заключается в том, что не вполне ясно, какое значение релейное понятие будет иметь в момент своего перехода из одного состояния в другое. Тем или иным образом эта проблема может быть устранена сугубо конвенционально, в частности через «доопределение» поведения модели в точках переключения состояний.

Второй – значительно более интересный – нюанс состоит в том, что количество состояний релейного понятия может быть не только конечным,

воображения // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 20–28; Гавриленко С.М. Историческая эпистемология: необходимые усложнения. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 52–55.

⁵⁷³ Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М.: Наука, 1988. – С. 226–227, 248–249.

но и бесконечным. Более того, возможные состояния релейного понятия могут образовывать не только дискретную систему, но и континуум. В этом смысле можно говорить о нескольких типах релейных понятий, в частности дифференцированных по двум критериям: «конечнозначные – бесконечнозначные понятия» и «дискретные – континуальные понятия» (рис. 7). Попробуем обрисовать суть этих понятий, пытаясь их приложить к анализу гётева понятия цвета. Для начала сформулируем некоторый вопрос: гётево понятие цвета (если пытаться его рассматривать через призму модели релейного понятия) является *конечнозначным* или *бесконечнозначным*? Или говоря иначе: количество состояний имплицитно создаваемого и имплицитно используемого Гёте релейного понятия цвета конечно или бесконечно; эти смыслы образуют некую дискретную систему или, наоборот, континуум?

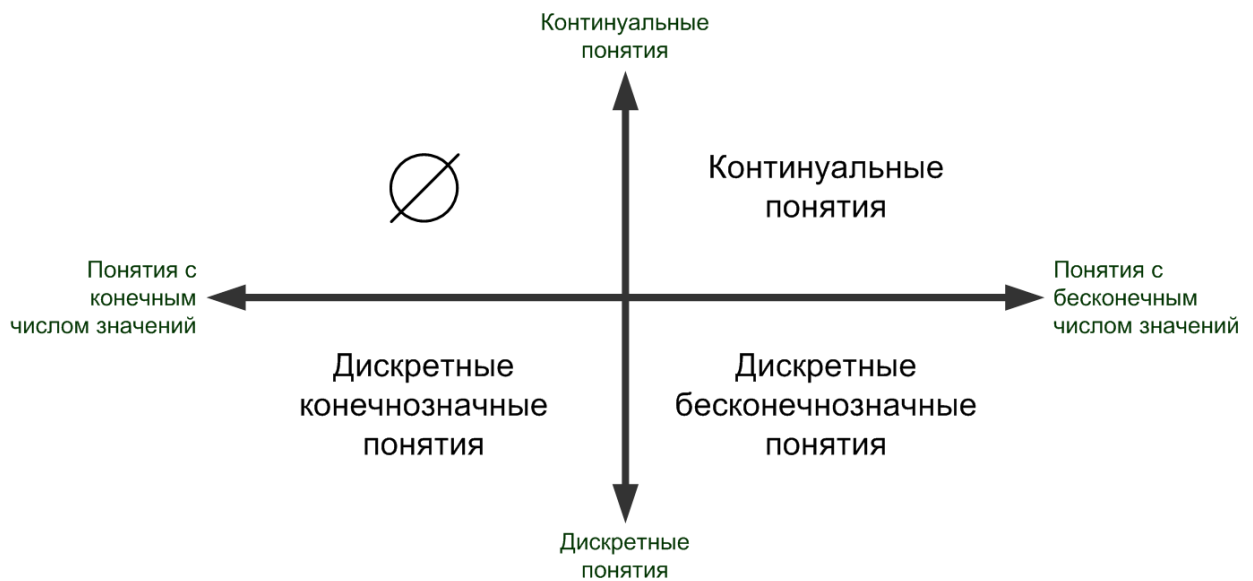

Рис. 7. Три типа релейных понятий

На наш взгляд, и дискретная, и континуальная трактовки здесь возможны и могут оказаться вполне релевантны. С одной стороны, наверное, можно попытаться выявить некоторое конечное множество значений гётева понятия цвета – физическое, физиологическое, психофизиологическое, психологическое, эстетическое и т.п., и на этой основе реконструировать гётево понятие цвета как релейное понятие дискретного вида. С другой стороны, вполне возможно, что все эти дискретные состояния понятия есть

лишь некие моды (в статистическом смысле этого слова), критические точки (возможно, очень условные), обнаруживаемые нами в некотором континууме смыслов и значений, составляющих содержание гётева понятия цвета. Проще говоря, в первом случае, работая с релейным понятием, мы можем переключаться с одного фиксированного значения на другое, как бы перескакивать с одного «энергетического уровня» на другой, а во втором, работая с релейным понятием, мы получаем некоторые другие возможности. В любом случае, все зависит от ракурса рассмотрения ситуации. Более значимо здесь даже не то, какая из трактовок более существенна (хотя это и важно), а то, что обе они образуют некий дискретно-континуальный дуализм (между прочим, своеобразный аналог корпускулярно-волнового дуализма квантовой механики). Идея дополнительности дискретного и континуального, сингулярного и волнового здесь более значима, нежели выяснение какая из двух противоположных методологических позиций более совершенна. Пожалуй, обе лишены совершенства и именно обе, взятые совместно, приближают нас к истине.

Пытаясь формализовать идею релейного понятия, можем предложить следующие построения.

В дискретном случае релейное понятие имеет некое множество состояний $\{P_i\}_{i=1}^n$, где n – фиксированное число, соответствующее числу всех состояний релейного понятия. По сути, это *релейное понятие дискретного вида*. В пределе n может быть устремлено к бесконечности ($n \rightarrow \infty$), и такое устремление будет неким шагом в сторону релейного понятия другого вида.

В недискретном случае релейное понятие имеет некий континуум возможных состояний $P(t,s)$, где s – некий параметр, который и сам может быть многомерным или даже бесконечномерным, а t – временной параметр. Таково *релейное понятие континуального вида*. Теоретически оно позволяет переходить от одного своего состояния $P(t,s)$ к ближайшему состоянию $P(t,s)+dP(t,s)$, где $dP(t,s)$ – бесконечно малое по отношению к $P(t,s)$ приращение. Естественно, это достаточно метафоричные описания; они, в

частности, ориентированы на то, чтобы, используя математику как систему метафор, нечто продемонстрировать, отразить какое-то содержание. Воспринимать выражение $P(t,s) + dP(t,s)$ предельно строго нельзя, ибо мы до конца не знаем, что значит $P(t,s)$ и уж тем более $dP(t,s)$; это лишь некие образы, которые, возможно, при определенном взгляде будут понятны читателю, знакомому с азами дифференциального исчисления, наведут его на некоторую мысль.

Если же говорить несколько иначе (с позиций, так сказать, не столько дифференциальных, сколько интегральных, не столько локальных, сколько глобальных) по своему определению семантика континуального релейного понятия будет определяться некой гиперповерхностью, образуемой вариацией континуума значений $P(t,s)$. В такой модели релейного понятия, например, психофизиологическое значение понятия цвета постепенно как бы перетекает в психологическое значение этого понятия и т.д. и т.п.

Что это напоминает? Что здесь поражает? А поражает здесь на самом деле то, что цвет (с точки зрения цветовосприятия) – это феномен континуальный. И что-то из приведенных нами не до конца формальных «формализмов» феномену цвета соответствует. Недаром Л. Витгенштейн среди прочего стремится указать на ту проблему, что не всякий цветовой оттенок имеет свое обозначение, то есть наше цветовосприятие имеет значительно большую «разрешающую способность», нежели система используемых нами понятийных цветообозначений⁵⁷⁴. Так, мы не можем сказать, что есть только фиксированное количество цветов, между которыми нет каких-либо промежуточных оттенков, тонов, переливов и т.п.⁵⁷⁵ Мы знаем, что между примерно угаданным желтым и примерно угаданным красным будет располагаться не только оранжевый цвет (опять же –

⁵⁷⁴ Серов Н.В. Хроматическая теория цвета: Ньютон – Гёте – Кандинский – Витгенштейн // Социальные трансформации. – 2019. – № 30. – С. 180–191.

⁵⁷⁵ Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Телесный подход в когнитивной науке // Философские науки. – 2009. – № 2. – С. 113; Wilde T. The 4th Dimension – Wittgenstein on Colour and Imagination // Persons. An Interdisciplinary Approach. Papers of the 25th International Wittgenstein Symposium. Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2002. – P. 284–286.

примерно нами опознаваемый), но и бесконечное множество соответствующих оттенков. Конечно, можно сказать, что между желтым и красным расположен оранжевый цвет (в большинстве своем мы все эти цвета приблизительно угадываем), и это будет в известном смысле правильно⁵⁷⁶. Говоря это, в нашем сознании задействуется пусть и не до конца четкая, но все-таки дискретная модель цветовосприятия.

Вместе с тем, можно посмотреть на ситуацию и под другим углом. Между опознаваемыми нами желтым и красным цветами расположено бесчисленное множество оттенков (не говоря об оранжевом цвете). И это тоже правильно, однако в данном случае сработала не только дискретная модель цветовосприятия, но и континуальная его модель (благодаря ей мы знаем, что между желтым и красным расположен не только оранжевый, но и бесконечное число промежуточных оттенков, позволяющих постепенно перейти от желтого к красному, и наоборот). Наша логика и наше цветовосприятие задействует обе эти модели – как дискретную, так и континуальную. Цвет (в аспекте его восприятия человеком) это в некотором роде объект *дискретно-континуальный*. В частности, мы можем выделить в нем некое конечное количество цветов (что, как известно, культурно⁵⁷⁷ и психофизиологически обусловлено), и, вместе с тем, мы знаем, что количество оттенков в нем бесконечно. Иными словами, понятие цвета в определенном смысле многозначно; в каком-то смысле это именно релейное понятие, причем нечеткое релейное понятие. Когда Л. Витгенштейн говорил,

⁵⁷⁶ Суровцев В.А., Родин К.А. «Заметки о цвете» Людвиг Витгенштейна: От логики цвета к социологии цвета // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2020. – № 2 (24). – С. 25–38.

⁵⁷⁷ Классический пример, на который в этой связи можно обратить внимание, состоит в том, что у разных народов разное количество терминов, используемых для обозначения основных цветов (так, в русском языке есть более или менее четкое различие терминов «синий» и «голубой», в то время как в английском языке им соответствует один термин – «blue»). Однако, как показывают исследования, дело не только в нетождественности систем цветообозначений у разных народов, но и в нетождественности их цветовосприятия. См.: Davidoff J.B. Language and perceptual categorization // Trends in Cognitive Sciences. – 2001. – Vol. 5. – № 9. – P. 382–387; Roberson D., Davidoff J.B., Davies I.R.L., Shapiro L.R. Color categories: Evidence for the cultural relativity hypothesis // Cognitive Psychology. – 2005. – Vol. 50. – № 4. – P. 378–411.

что логика цветовых понятий гораздо более сложна, чем принято думать⁵⁷⁸, он имел в виду, надо понимать, в том числе и нечто подобное. Как справедливо замечает M.Carvalho, «мы постигаем не цвета, а запутанную сеть отношений, которая связывает каждое конкретное использование со многими другими»⁵⁷⁹.

Термин «цвет» предполагает не только некое фиксированное количество значений – конкретных цветов⁵⁸⁰, но и некий континуум значений, в котором благодаря сложной системе оттенков известные нам цвета способны переходить друг в друга. В своей теории Гёте построил в итоге другой круг цветов, нежели получился у Ньютона, но идея континуальности цвета присутствовала как у одного, так и у другого.

Можно предложить некоторую гипотезу, которая способна в «хроматологических» достижениях Гёте нечто объяснить. Верна ли она или нет, и если верна, то в какой мере, важно, но не критично⁵⁸¹. В принципе, можно обойтись и без нее, просто она нечто дополнительно объясняет, предлагает некое правдоподобное объяснение. В любом случае, гипотеза эта такова. Гёте считал, что природа устроена так, что в малом отражается большое, а во внутреннем – внешнее. В принципе, это определенная вариация холистической установки, которая многому созвучна (в том числе и идее концепта). Если цвет устроен так, что все смежные цвета переливаются

⁵⁷⁸ Витгенштейн Л. Заметки о цвете (избранные фрагменты) // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 161.

⁵⁷⁹ Carvalho M. Colours in the Development of Wittgenstein's Philosophy. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 329.

⁵⁸⁰ Как правило, люди вспоминают известную мнемоническую присказку («Каждый охотник желает знать...») и называют семь основных цветов. Инженерам, занимавшимся конструированием электронно-лучевых трубок для цветных телевизоров, в принципе, достаточно было считать, что существуют три основных цвета, ибо в плане восприятия цвета на экране телевизора все остальные цвета и оттенки (или, во всяком случае, широкий их спектр) более или менее легко получаются совмещением трех основных.

⁵⁸¹ Здесь мы снова сошлемся на то обстоятельство, что для исторической эпистемологии (в отличие от истории науки) допустимо строить интерпретации, очень сложно соотносящиеся с исходными фактами. Если для историка конструируемое им знание должно являться оттиском реальности, то для исторического эпистемолога оно является импульсом для активизации исторического воображения. См.: Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 2. – С. 6–19.

(переходят) друг в друга, то возможно, что-то подобное есть и в иных пластах реальности. Мир континуален, а не дискретен; в нем одно явление перетекает в другое, близкое к нему явление. В принципе, мы как люди XXI века многое знаем, что в существенной мере подтверждает эту мысль на современной научной базе, например то, что различия между излучениями определяется значениями длины волны.

Цвет – это воспринимаемое человеческим глазом излучение, длина волны которого находится в определенном интервале. При меньшем и большем значении длины волны мы имеем невоспринимаемые человеческим глазом ультрафиолетовое и инфракрасное излучения соответственно. В зависимости от длины волны мы получаем электромагнитные излучения, тепловое излучение, гамма-излучение, рентгеновское излучение и т.п.⁵⁸², то есть все они являются значениями функции, зависящей от длины волны.

Коль скоро в мире одно явление перетекает в другое, то и цвет можно рассматривать так, что в нем как бы одна его дисциплинарно-феноменологическая сторона будет перетекать в другую⁵⁸³. Говоря с известной долей условности, физическая сторона цвета будет перетекать в физиологическую, физиологическая – в психофизиологическую, психофизиологическая – в психологическую, психологическая – в эстетическую, а между ними будет множество специфических

⁵⁸² Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – С. 468–470; Гейзенберг В. Учения Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 64.

⁵⁸³ Так, Р. Фейнман отмечал: «Физика изучает поведение света, пока он находится вне человеческого глаза, а наши ощущения, после того как свет попал в глаз, возникают в результате фотохимических и нервных процессов, а также психологических рефлексов.

С восприятием света связано множество интересных явлений, в которых тесно переплетаются и физические, и физиологические процессы, так что познание явлений природы, воспринимаемых через зрение, выходит за рамки физики как таковой. ...Науки разделены не естественным путем, а лишь из соображений удобства. Природа вовсе не заинтересована в подобном разделении, и многие интересные явления лежат именно на стыке разных областей науки» (Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. – Ч. 3–4. – М.: Мир, 1976. – С. 157.). Очевидно, что этими словами Р. Фейнман вольно или невольно как бы говорит, что у Гёте как у соперника Ньютона была своя правда, и она существенна. Такая трактовка здесь, безусловно, возможна.

дисциплинарных «оттенков». То есть понятие цвета не только в аспекте его восприятия человеческим глазом является континуальным, но и с точки зрения его предметно-методологического, полидисциплинарного восприятия является континуальным (точнее – дискретно-континуальным).

Правда, когда мы смотрим на цвет как на излучение, характер которого определяется длиной волны (причем длина волны – величина континуальная, в том числе варьируемая в некоем диапазоне значений), то мы используем все-таки физическое понятие цвета. Однако, цвет остается континуальным и у Гёте. Для него цвет – это результат борьбы света и тьмы и в зависимости от преобладания и степени преобладания того или иного начала мы получаем тот или иной цвет, тот или иной его оттенок. Идея континуальности цветовых оттенков в аспекте их восприятия человеческим глазом есть как у Ньютона, так и у Гёте, но вот методологическая, дисциплинарная континуальность понятия цвета достаточно явно присутствует именно у Гёте. У Ньютона понятие цвета ограничено физической стороной дела, тогда как у Гёте все физикой не ограничено, и в этом, по всей видимости, состоит его особая заслуга.

Иначе говоря, научные дисциплины всегда формируются через «концептуальные и материальные ограничения», тогда как «реальность всегда сложна и многогранна»⁵⁸⁴, и в этом смысле Гёте куда как глубже учитывает немеханистичность, «недекомпозируемость», континуальность, сложность и многогранность реальности, нежели критикуемые им механицисты. Проигрывая ньютонианцам спор в области физики, Гёте переигрывает оппонентов в какой-то более масштабной и широкой сфере.

В любом случае, мы попытались показать, что гётево понятие цвета в каких-то своих существенных аспектах может быть описано с помощью модели релейного понятия. Вместе с тем, тут можно сказать иначе: само современное понятие цвета, не ограниченное рамками отдельной научной

⁵⁸⁴ Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 13.

дисциплины (например, оптики), в силу своей комплексности чем-то напоминает и гётево понятие цвета, и модель релейного понятия.

Тезис, который в этой связи можно выдвинуть и считать актуальным и значимым, можно сформулировать в следующем виде. Некоторые существенные свойства понятия цвета (в том числе гётева понятия цвета) могут быть описаны с помощью модели релейного понятия.

4. Гётево понятие цвета как концепт. Показав, что гётево понятие цвета может хотя бы в каких-то своих отношениях моделироваться с помощью модели релейного понятия, мы намереваемся совершить еще один шаг и показать, что понятие цвета у Гёте – это не просто понятие, а концепт. Для этого мы сначала приведем аргументы, аналогичные тем, что были нами приведены применительно к творчеству А. Гумбольдта, а потом предпримем попытку обосновать, что релейное понятие может трактоваться как концепт.

Во всяком случае, можно выдвинуть гипотезу, согласно которой Гёте работал не столько с *понятием* цвета, сколько с *концептом*⁵⁸⁵. Недаром одна из трактовок концепта, – мы называем ее *имагинистской*, – подобное прочтение вполне допускает⁵⁸⁶. В этом смысле концепт цвета оказывается неким симбиозом понятийного и образного содержания, каждое из которых взаимодействуют друг с другом, а при необходимости – и поддерживают. Как мы отмечали, на образно-интуитивный компонент понятийного аппарата Гёте указывал Г. Гельмгольц⁵⁸⁷.

⁵⁸⁵ Или в другой формулировке: тот эпистемический объект, который использовал Гёте для концептуализации феномена цвета, был не столько понятием, сколько концептом.

⁵⁸⁶ Согласно этой трактовке, концепт есть эпистемический объект, не доведенный до состояния логического понятия, но структурно-генетически он логическому понятию предшествует. См.: Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 163–165; Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.; Подорога В.А. Как мыслит лингвист? Теория концепта и философия языка Ю.С. Степанова (Наброски к теме) // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под ред. В.З. Демьянкова и др. – М.: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013. – С. 14–18.

⁵⁸⁷ Гельмгольц Г. О зрении человека; Новейшие успехи теории зрения. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – С. 175–181; Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Л.: Наука, 1970. – С. 358; Лебединский А.В., Франкфурт У.И., Френк А.М. Гельмгольц (1821–1894). – М.: Наука, 1966. – 320 с.; Gutiérrez J. Hermann von Helmholtz, Ewald Hering and color vision: A

К рассмотрению гётева концепта как именно концепта подталкивает и позиция Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которые в своей посвященной философским концептам книге «Что такое философия?» сделали небольшое замечание касательно противостояния теорий И. Ньютона и И. Гёте⁵⁸⁸.

Срабатывают в случае с гётевым концептом цвета эквивокалистская и лингвофилософская трактовки феномена концепта. В частности, как мы могли убедиться, феномен цвета у Гёте имеет не только физический, но и метафизический смысл, и они каким-то образом спрессовываются воедино. Концепт цвета у Гёте выступает в качестве репрезентатора метафизического содержания его научной теории.

Следует обратить внимание на «дискурсивную проективность»⁵⁸⁹ гётева понятия цвета, что также косвенно указывает на то, что, скорее всего, мы имеем дело не только с понятием, но и с концептом⁵⁹⁰.

Как видим, есть некие доводы, которые позволяют принять одно из следующих утверждений:

controversy over styles of reasoning? // *Manuscripto*. – 2021. – Vol. 44. – № 1. – P. 37–97; Kesselring J. Helmholtz and goethe-controversies at the birth of modern neuroscience // *European neurology*. – 2013. – Vol. 69. – № 3. – P. 152–157.

⁵⁸⁸ В частности, французские авторы отметили: «Гёте конструирует грандиозный концепт цвета, где есть и неделимые вариации света и тени, и зоны неразличимости, и процессы интенсификации (показывающие, до какой степени философия тоже способна экспериментировать), тогда как Ньютон строил здесь функцию независимых переменных, то есть частоту колебаний» (Делёз Ж., Гваттари Ф. *Что такое философия?* – М.: Академический Проект, 2009. – С. 187). В чем-то близкую мысль находим у В.П. Филатова. Он, в частности, в одной из своих статей отметил, что И.В. Гёте, Ф.В. Шеллинг и Г. Гегель «утверждали примат интеллектуальной интуиции и диалектического развертывания понятий над количественно-математическим анализом» (Филатов В.П. *Об идее альтернативной науки // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин*. – М.: Политиздат, 1990. – С. 163.).

⁵⁸⁹ Под «дискурсивной проективностью» понятия мы понимаем то, что данное понятие способно не только (или даже не столько) функционировать в определенном дискурсе, сколько создавать некоторые дискурсы, в том числе дискурсы дисциплинарные. Дополнительно обратим внимание на то, что для постмодернистов неспособность функционировать в строго определенном дискурсе является одним из признаков концепта. Иными словами, концепт не может быть монодискурсивным; он необходимо полидискурсивен.

⁵⁹⁰ Киященко Л.П., Моисеев В.И. *Философия трансдисциплинарности*. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 56, 78, 161–168.

а) Гётево понятие цвета по своему характеру является не только понятием, но и концептом;

б) В построении теории цвета Гёте оперирует не понятием цвета, а концептом цвета.

По существу, первое утверждение является ослабленной версией второго.

Для подкрепления своих позиций, попытаемся продемонстрировать что релейное понятие – это концепт (*сильная формулировка*) или что модель релейного понятия и модель концепта в существенном смысле подобны, то есть в плане каких-то своих свойств эквивалентны (*слабая формулировка*).

Если мы обратимся к одной из трактовок концепта, разработанной в свое время Ю.С. Степановым, то увидим, что одно из ключевых свойств концепта (по крайней мере, в этой трактовке) – это многослойность. Так, по мысли Ю.С. Степанова концепт может быть смоделирован в качестве некоего сложного семантического образования, предполагающего несколько слоёв. В частности, трактуемый в контексте лингвистического знания концепт предполагает: «(1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, “пассивных” признаков, являющихся уже не актуальными, “историческими”; (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме»⁵⁹¹. Благодаря такой сложной структуре концепт, с одной стороны, относительно легко вовлекается в современные дискурсы, а с другой стороны, несет на себе некоторый значимый отпечаток истории и культуры, и этот отпечаток составляет важную часть концепта, один из его основных слоёв.

При этом в силу своей многослойности концепт может использоваться в том или ином своем значении, определяемом конкретным слоем концепта, который, в свою очередь, определяется дискурсом, в который концепт вовлекается. Проще говоря, в том или ином дискурсе может быть

⁵⁹¹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 44.

актуализирован тот или иной слой концепта; то есть его основное значение (его основная семантическая нагрузка) может смещаться с одного слоя на другой. Обратимся к примеру, к которому прибегает Ю.С. Степанов, – к феномену праздников, отмечаемых россиянами 23 февраля и 8 марта и являющихся сложными смысловыми образованиями, концептами⁵⁹². Панораму смысловых слоев этих концептов представим в табл. 7.

Таблица 7. Праздники 23 февраля и 8 марта как примеры концептов (в понимании Ю.С. Степанова)

Смысловой слой концепта	Характеристика смыслового слоя применительно к концепту...	
	23 февраля	8 марта
Актуальный слой	Поздравления и подарки, адресованные мужчинам вне зависимости от их возраста и профессии, в том числе юношам и мальчикам, видимо как будущим защитникам Отечества	Поздравления и подарки, адресованные женщинам вне зависимости от их возраста и профессии, в том числе девушкам и девочкам, видимо как будущим матерям и женам
Исторический слой	День советской армии, а в более широком контексте – праздник в честь защитников Отечества	Международный женский день, то есть день, когда отмечается борьба «всего прогрессивного человечества» за эмансипацию женщин ⁵⁹³
Историко-фактографический слой	23 февраля 1918 года как день, когда только созданная Красная Армия одержала крупную военную победу над германскими войсками под Нарвой и Псковом	8 марта как праздник, инициированный Кларой Цеткин и соответственно адресуемый к ее политической деятельности

Помимо этих слоев есть и другие. Так, в данном вопросе возможна адресация к оппозиции мужского и женского начал в культуре, включая ее достаточно древние слои. В своей рецензии на книгу Ю.С. Степанова В.П. Руднев намекает еще на один слой – назовем его слоем личностной идеологии⁵⁹⁴.

⁵⁹² Там же. – С. 42–44.

⁵⁹³ По Ю.С. Степанову это праздник «не только самих женщин и не только мужчин ради женщин», а некое торжество прогрессивной части человечества (Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – С. 43.).

⁵⁹⁴ В.П. Руднев отмечает, что разные авторы по-разному бы оценивали эти праздники. Один «дышал бы злобой, второй бы цинично смеялся», а третий обратил бы внимание на

Праздники наполняются разным смыслом; тот или иной смысл, тот или иной смысловой слой, может быть актуализирован или, напротив, деактуализирован⁵⁹⁵. Каждый из слоев может сугубо ситуативно становиться в некотором дискурсе (в том числе дискурсе обыденном, художественном, философском, научном и т.д. и т.п.) основным, но все они присутствуют в концепте как некие потенциалы, как до поры дремлющие возможности. При этом неактуализированные слои концепта подспудно влияют на его актуальный слой, находятся с ним в каких-то сложных отношениях.

Итак, каждый из слоев концепта может быть актуализирован (такая возможность имеется), но все они в нем содержатся и составляют его сложное семантическое нутро. Нечто сходное мы наблюдаем в случае с предложенной нами выше моделью релейного понятия. При этом в случае дискретного понятия можно провести достаточно строгие разграничения его состояний, а в случае с континуальным понятием и концептом это сделать уже не так просто (один слой концепта перетекает в другой). В этом плане концепт подобен релейному понятию, причем в случае сложной топологии отображаемого смысла концепт наиболее близок континуальному понятию (именно в нем одно значение переходит, «переливается» в другое).

специфическую «символику чисел» и усмотрел бы в этом основания для некой конспирологической гипотезы (Руднев В.П. Энциклопедия гармонизированных концептов [рец. на кн. Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры»] // Логос. – 1999. – № 1 (11). – С. 232–237.).

⁵⁹⁵ Другой пример: 7 ноября. Для кого-то это праздник, напрямую связанный с известными революционными событиями 1917 года, само собой, наделяемыми теми или иными знаками, теми или иными оценками. Однако для кого-то этот смысл уже не актуален, и 7 ноября является праздником в честь Парада на Красной площади, проведенного 7 ноября 1941 года. В 1941 году адресация к Октябрю 1917 года была ключевой (скажем более того: сакральной), в наше же время по понятным (в общем-то) причинам оказывается периферийной, второстепенной, подчас стыдливо замалчиваемой. Впрочем, таковы перипетии истории, и в этом нет ничего удивительного. Постсоветская Россия и ее политическая элита отказались от наследия 1917 года, но где-то – чуть ли не по-ленински – провели черту и устами своих «идеологов» сказали, что есть наследие, от которого официальная Россия отказывается (Октябрь 1917 года как одна из высших точек советской истории), но есть наследие, от которого она принципиально не отказывается (Великая Отечественная война как вершина советской и российской истории). Действительно, одни смыслы (слои) концепта актуализируются, а другие, наоборот, деактуализируются (хотя они и не пропадают вовсе, но они «засыпают», переходят в состояние дремоты; отчасти этот процесс искусственный, отчасти естественный).

По правде говоря, отличить релейное понятие континуального вида от собственно концепта (в обсуждаемой нами сейчас трактовке), пожалуй, затруднительно. Релейное понятие – это модель не только понятия, но в какой-то мере и концепта. В концепте различные его слои и/или компоненты поддерживают друг друга, подспудно влияют друг на друга, даже находясь в неактуальном состоянии. Все это чем-то напоминает поэтические образы. В этой связи обратим внимание на пример, приведенный В.А. Масловой⁵⁹⁶. Она указывает на «Поэму воздуха» М.И. Цветаевой. Поэма начинается следующими словами:

Ну, вот и двестишье
Начальное. Первый гвоздь⁵⁹⁷.

Следуя М.Л. Гаспарову, обратим внимание на то, что в данном случае «исходным пунктом» художественного сочинения оказывается некая двусмысленность: «Первый гвоздь – это и (1) первый приступ к созданию, сколачиванию поэмы... и (2) первый шаг к смерти... Ведущим оказывается второе значение: оно поддержано вереницей “смертных” образов...»⁵⁹⁸. Налицо два возможных значения, одно из которых актуально (или более адекватно авторскому замыслу), но оба значения связаны, они как бы поддерживают друг друга. «Первый гвоздь» – и потому что начало поэмы, начало строительства некоего здания; но и «первый гвоздь» – потому что любой шаг – это шаг к смерти, любое начало содержит в себе зародыш смерти. Здесь как бы один смысл поддерживает другой, один слой концепта переходит в другой, причем находящиеся в сложных (напряженных и контрарных) отношениях с первым.

В этом смысле концепт – это в определенном плане релейное понятие, его различные состояния как-то связаны между собой и подспудно влияют друг на друга. Коль скоро гётево понятие цвета поддается моделированию в

⁵⁹⁶ Маслова В.А. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю.С. Степанов) // Критика и семиотика. – 2012. – Вып. 17. – С. 138–148.

⁵⁹⁷ Цветаева М.И. Поэма воздуха // Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 3: Поэмы. Драматические произведения. – М.: Эллис Лак, 1994. – С. 137.

⁵⁹⁸ Гаспаров М.Л. «Поэма воздуха» Марины Цветаевой. Опыт интерпретации // Гаспаров М.Л. Избранные труды. – Т. II. О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 174.

качестве релейного понятия, а релейное понятие – это модель концепта, то вполне логично будет заключить, что гётево понятие цвета может быть смоделировано как концепт. В конечном счете, оно либо является концептом, либо, по крайней мере, в каких-то своих отношениях очень сильно походит на концепт. Во всяком случае, то, как Гёте понимает цвет, скорее укладывается в модель концепта, нежели в модель классического понятия.

Резюме. По всей видимости, гётево понятие цвета в теоретико-дисциплинарном плане является своего рода релейным понятием, то есть его семантика носит дискретно-континуальный характер. Благодаря этому у Гёте одни дисциплинарные «смыслы» понятия цвета перетекают в другие и тем самым обеспечивают возможность вовлекать понятие цвета в разные дисциплинарные дискурсы, а порой и создавать новые дисциплинарные дискурсы с нуля.

Понятно, что, физическое понятие цвета и психологическое понятие цвета – это два разных понятия, хотя это понятия одного и того же объекта (цвета). В силу сложности и нелинейности семантики понятия цвета можно говорить, что Гёте реально имеет дело не просто с понятием, но с концептом. В пользу этого свидетельствует то, что при оперировании сложным эпистемическим объектом, поименованным термином «цвет» («Farbe») у Гёте, как мы предполагаем:

- происходит выход за рамки монодисциплинарного дискурса и осуществляется проектирование новых дисциплинарных дискурсов;
- задействуется некий образный потенциал, необходимо возникающий при оперировании таким сложным по своей структуре понятием, как релейное понятие;
- в научный дискурс в качестве активного начала познающим субъектом вовлекается принятая им метафизика.

Основное же состоит, пожалуй, в том, что гётево понятие цвета построено таким образом, что в нем присутствуют и актуализируются разные смыслы; эти смыслы образуют сложную систему, определенным образом

связаны между собой и перетекают друг в друга. По всей видимости, в данном случае мы сталкиваемся не просто с понятием цвета, а именно с концептом цвета. В пользу этого также свидетельствует метафизический характер эпистемического объекта, который использует И.В. Гёте в том плане что посредством него И.В. Гёте осуществляет репрезентацию и трансляцию своих метафизических представлений.

Конечно, и оптика Ньютона (как, впрочем, и вся его физика⁵⁹⁹) не лишена тех или иных метафизических оснований, – метафизики (как в том смысле, в каком метафизику трактует аналитическая философия, так и в «более классическом» смысле), – другой вопрос, что у него строится абстрактное понятие цвета, а подпитывающая это понятие метафизика сокрыта тогами научности и логичности. В случае с И.В. Гёте имеем принципиально иную картину. По сути, И.В. Гёте, как можно предположить, неосознанно открывает доступ к концептному уровню языка науки. В этом смысле гетева хроматика является чрезвычайно значимым эпистемологическим «кейсом», позволяющим лучше понять сущность феномена концепта в языке науки.

Выводы к главе 3

1. Концепт может моделироваться как некоторое «континуальное» понятие, в котором имеется бесконечное множество смыслов и почти любой смысл постепенно переходит в другой. Прибегая к метафорам, почерпнутым из математики, можно сказать, что понятие в силу своей статичности подобно константе, а концепт – функции. Образно говоря, понятие – это семантическая константа, а концепт – семантическая функция.

⁵⁹⁹ Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. – М.: Наука, 1989. – 271 с.; Гайденок П.П. Проблема времени у Исаака Ньютона // Метафизика. – 2013. – № 1 (7). – С. 8–20; Генри Дж. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего Нового времени: Новый подход к проблеме упадка магии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (31). – С. 53–91; Hall A. The facets of Newton's genius // Interdisciplinary Science Reviews. – 1995. – Vol. 20. – № 1. – P. 29–32.

2. В научном дискурсе А. Гумбольдта термином «Kosmos» обозначен эпистемический объект, который, по сути, является концептом. Концептный характер этого объекта обусловлен следующими обстоятельствами:

- эквивокальным характером представлений А. Гумбольдта о Космосе, что, в частности, предполагает ориентацию познающего субъекта на преодоление дуализма общего и частного, на совмещение видения единого и многого, уникального и универсального;

- эмоциональной окрашенностью и эстетической насыщенностью обсуждаемого эпистемического объекта;

- присутствием в нем существенного образного компонента;

- выполнением соответствующим эпистемическим объектом функций репрезентации и трансляции метафизического содержания научной теории.

Некоторые из этих позиций могут быть также отнесены и к концепту цвета, который в своем научном творчестве использовал И.В. Гёте.

3. Понятие цвета в научном дискурсе И.В. Гёте обусловлено принятой данным исследователем метафизикой и в существенной мере является ее репрезентатором, то есть по существу оказывается концептом. Кроме того, принципиальным оказывается то, что этот концепт позволяет И.В. Гёте преодолеть предметные рамки сугубо физического взгляда на природу цвета и тем самым не только расширить рамки предметной концептуализации данного феномена, но и сформировать новые предметно-дисциплинарные контексты для исследования существа феномена цвета.

Заключение

Мышление в понятиях является сформулированной Аристотелем абстрактной идеей, однако в реальном мыслительном и познавательном процессах существенную роль, как известно, играет не только понятийное мышление, но и воображение, то есть средствами мышления служат не только понятия, но и образы. Отталкиваясь от некоторых идей, разработанных в школе Л.С. Выготского, можно предположить существование в языке науки таких базовых уровней, как язык ситуаций и движений, язык образов и язык понятий. Помимо этого, могут быть выдвинуты предположения о существовании уровней языка науки, занимающих промежуточное положение между тремя названными только что базовыми уровнями языка науки. В качестве двух промежуточных уровней можно назвать язык концептов и визуальный язык.

Обращение к концептному уровню языка науки обусловлено следующими обстоятельствами. Терминам языка науки часто присуща достаточно сложная семантика, которая не может рассматриваться в сугубо объективистском ключе. Скорее, их семантика представляет собой сложный симбиоз компонентов объективной и субъективной реальности, а также предполагает включенность в процессы как познания, так и коммуникации. В этой связи имеет смысл допустить существование в языке науки помимо уровня понятий альтернативного ему уровня концептов. Предположение о существовании в языке науки не только понятий, но и концептов позволяет адекватно учесть то обстоятельство, что язык науки является не строго объективной данностью, а сложным образованием, сочетающим в себе содержание как объективное, так и субъективное, причем субъективное содержание является не только результатом метафизичности и несовершенства наших представлений о мире, но и значимым фактором развития научного знания. Все это связано с тем обстоятельством, что язык науки служит не только средством отражения реальности, но и средством

конструирования представлений о ней, не только отражает действительность, но и проектирует ее. Иными словами, язык науки и составляющие его объекты являются результатом активной деятельности познающего субъекта, и соответственно должны анализироваться комплексно, в объективистско-субъективистском ключе.

В отличие от понятий, которые ориентируются познающим субъектом на объективное отражение действительности и субъективность которых во многом остаточна, концепт предполагает сочетание объективного и субъективного начала и в этой связи соответствует сложному объективно-субъективному и конструктивному характеру языка науки, позволяет этот характер адекватно учесть и не упустить его из поля зрения в ходе эпистемологических исследований.

Выявление и исследование в структуре языка науки концептов позволяет решать некоторые социально-эпистемологические задачи, связанные, в частности, с исследованием влияния на процессы научного познания и оперирования языком науки факторов социально-культурного и духовного характера. Принципиально важным представляется то обстоятельство, что обращение к концепту позволяет сделать предметом исследования язык науки не столько в контексте обоснования тех или иных теоретических представлений, сколько в контексте их открытия, а по сути – в контексте становления научного знания. Понимая и принимая невозможность четкого и безусловного разграничения этих двух контекстов, обусловленную их взаимопереплетенностью, следует признать его плодотворность в качестве некой схемы мышления, в том числе при осмыслении концептного уровня языка науки.

С учетом современного состояния концептологических исследований нами были рассмотрены и применены следующие актуальные для задач социальной эпистемологии трактовки феномена концепта:

- *эквивокалистская* (концепт как эпистемический объект, сочетающий в своей семантике трансцендентный и имманентный смыслы, как

семантический объект, который предполагает просвечивание общего и частного друг в друге, а также способен допускать прочтение буквального как иносказательного, а иносказательного – как буквального);

- *эмотивистская* (концепт как эпистемический объект, который является не только средством мышления, но и объектом переживания и средством выражения этого переживания и его содержания, а также семантическим объектом, который стимулирует не только мыслительную активность познающего субъекта, но и его эмоциональную активность);

- *имагинистская* (концепт как предшествующий понятию словообраз, по сути – эпистемический объект, который служит своего рода заготовкой (или, если угодно, эскизом) для абстрактного понятия и в силу того предполагает наличие значительного образного содержания);

- *лингвофилософская* (концепт как репрезентатор метафизического содержания языка и мышления, а также как средство трансляции метафизического содержания научной теории).

Согласно этим трактовкам, концепт в отличие от понятия предполагает наличие у него как у соответствующего эпистемического объекта некоего эмоционального, образного, субъективного и метафизического содержания. При всей нетождественности этих трактовок имеет смысл указать на их взаимную связь, наличие между ними существенных сходств и «перекличек», что дает основания применить для их описания предложенную Л. Витгенштейном теорию «семейных сходств». Такой способ рассмотрения феномена концепта обусловлен тем, что многообразие сложившихся к пониманию данного феномена подходов не дает возможности сформулировать понятие концепта, трактуемое в духе классической теории понятий, или, во всяком случае, сделать это без сильных упрощений в описании сущности рассматриваемого феномена.

Анализ позволяет заключить, что понятие концепта носит комплексный и кластерный характер. Комплексность этого понятия проявляется в сочетании концептом объективного и субъективного

содержания, а также понятийного и внепонятийного компонентов, например образного, эмоционального, метафизического (в том или ином понимании этого термина). Кластерный характер понятия концепта проявляет себя в том, в современном научно-философском знании сложилось множество разнообразных трактовок феномена концепта, их многообразие и отсутствие некоего общего для всех них свойства концепта заставляет рассматривать понятие концепта в качестве кластерного понятия, то есть понятия, функционирование которого описывается теорией «семейных сходств» и в качестве условия своего существования не предполагает не только четких границ у интенционала и экстенционала, но и наличия «ненулевого» интенционала. При этом соответствующее положение вещей не следует трактовать в том смысле, что концепт является кластерным понятием; в данном случае кластерным понятием является понятие концепта, но не сам концепт.

В силу того, что понятие концепта носит комплексный характер, концепт можно рассматривать не только как эпистемический объект, то есть инструмент познания, но и как модель, позволяющую подвергать язык науки и сам познавательный процесс социально-эпистемологическому исследованию, в частности подвергать анализу социально-культурные факторы, оказывающие влияние на функционирование языка и процессы научного познания и научной коммуникации, особенно в ходе становления некоторого научного знания, то есть в контексте его открытия. Подход, позволяющий решать подобного рода задачи, по большому счету, и был предложен в нашем исследовании.

Если во введении, в первой и второй главах были сформулированы теоретические основания соответствующего подхода, то в третьей главе осуществлена его апробация на материалах космографии А. Гумбольдта и хроматики И.В. Гёте. В частности, как показывает исследование, особую семантику концепта и его специфические эпистемические возможности можно усмотреть на примере концепта Космоса в теории А. Гумбольдта и

концепта цвета в теории И.В. Гёте. Так, гётево представление о цвете глубоко обусловлено принятой И.В. Гёте метафизикой и в существенной мере является средством репрезентации и трансляции этой метафизики, в том числе и в пределах самой научной теории.

Аналогичным образом дело обстоит с концептом Космоса в научном дискурсе А. Гумбольдта. В частности, эпистемический объект, обозначенный в его научном дискурсе термином «Kosmos», характеризуется:

- эквивокальным характером своего предмета (Космоса), предполагающим методологическую установку на преодоление трактуемого как онтологически, так и эпистемологически дуализма общего и частного, универсального и уникального, единого и многого;

- эмоциональной окрашенностью и эстетической насыщенностью;

- присутствием образного (в том числе образно-художественного) содержания;

- исполнением функции репрезентации и трансляции метафизического содержания научной теории А. Гумбольдта.

Как можно трактовать позицию А. Гумбольдта, термин «Kosmos» и обозначенный им концепт призваны отразить многообразие и одновременно с этим единство мироздания, а также то обстоятельство, что, по убеждению А. Гумбольдта, адекватно отразить мироздание способна только возвышенная, эстетически и метафизически насыщенная речь. Таким образом, применяемая для описания мироздания терминология в существенной мере должна быть эстетична, образна, эмоциональна, в конечном счете, она должна быть метафизична. В подобном контексте приходится признать, что в научном дискурсе А. Гумбольдта термином «Kosmos» неявным образом кодируется не столько понятие, сколько альтернативный ему эпистемический объект, который мы рассматриваем как концепт.

Если абстрактное понятие строится познающим субъектом таким образом, что его субъективное содержание целенаправленно

минимизируется, то концепт, напротив, предполагает сочетание объективного и субъективного содержания, а также несколько иной (по сравнению с понятием) баланс познавательных и коммуникативных аспектов своего функционирования.

Следует признать, что анализ концептов языка науки оказывается исследовательским подходом, достаточно эвристичным и перспективным с точки зрения понимания существа языка научного познания и исследования семантики конкретных научных терминов.

Естественно, любое научное исследование построено по принципу разграничения: что-то оказывается в фокусе исследовательского внимания автора, но что-то остается за его пределами. Именно это оставшееся за пределами исследования тематическое пространство может стать темой дальнейших научных изысканий. В этой связи в качестве перспективных направлений дальнейших исследований следует указать:

- исследование большего числа концептов языка науки и построение на этой основе развернутой теории;
- развитие концептного подхода к анализу языка науки;
- исследование визуального уровня языка науки и рассмотрение визуализации знаний как средства их концептуализации.

Подводя итог нашей работе, отметим, что путем концептологического исследования, в частности путем использования (во многом вслед за Л.А. Микешиной и С.С. Неретиной) теории концепта при обсуждении эпистемологических в своем существе проблем, нам удалось подойти к исследованию языка науки в аспекте становления нового научного знания (то есть в контексте его открытия) и предложить некий способ анализа ряда концептов, оказавших существенное влияние на развитие естественно-научного знания. Будем надеяться, что проделанная работа внесет свою скромную лепту в развитие представлений о языке науки и о процессе становления научного знания.

Список литературы

1. Абушенко В.Л., Кацук Н.Л. Концепт // Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 379–380.
2. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. – М., 1993. – С. 341–345.
3. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. – М., 1992. – С. 7–19.
4. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка // М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 702 с.
5. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 509 с.
6. Агацци Э. Истина как путь к реализму // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 2. – С. 9–33.
7. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. – 1996. – Т. 2. – № 1. – С. 231–253.
8. Айдукевич К. Язык и смысл // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. XIV. – № 4. – С. 243–263.
9. Аксенов Г.П. Вернадский. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 564 с.
10. Альберт Великий. Об интеллекте и интеллигибельном // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 49–80.
11. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Телесный подход в когнитивной науке // Философские науки. – 2009. – № 2. – С. 106–125.
12. Анисов А.М. Двойственность знания // Философия науки и техники. – 1997. – № 1. – С. 88–109.
13. Анисов А.М. Темпоральный универсум и его познание. – М.: ИФ РАН, 2000. – 208 с.

14. Антоновский А.Ю. Александр фон Гумбольдт и научная политика // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 24–28.
15. Антоновский А.Ю. Коммуникативная философия знания: От теории коммуникативных медиа к социальной философии науки. – М.: ИФ РАН, 2015. – 168 с.
16. Антоновский А.Ю. Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 158–171.
17. Антоновский А.Ю. Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации // Вопросы философии. – 2015. – № 2. – С. 45–57.
18. Антоновский А.Ю. Эволюционный подход к развитию науки. К русскому переводу работы Н. Лумана «Эволюция науки» // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 201–214.
19. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. Априоризм Хьюэлла и позитивизм Конта: конфликт коммуникации в условиях предметного консенсуса // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2018. – Т. 1. – № 3. – С. 82–94.
20. Антоновский А.Ю., Бараш Р.Э. О науке Макса Вебера: рецепция и современность // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 4. – С. 174–188.
21. Апполонов А.В. Изобретая собственное средневековье: постмодернизм versus научный метод // Логос. – 2014. – № 1 (97). – С. 208–237.
22. Апполонов А.В. Латинский аверроизм XIII века. – М.: ИФРАН, 2004. – 215 с.
23. Аргамакова А.А. Логический анализ языка науки в философии Рудольфа Карнапа: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2013. – 109 с.
24. Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
25. Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 1. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.

26. Аристотель. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.
27. Арнольд В.И. Гюйгенс и Барроу, Ньютон и Гук – первые шаги математического анализа и теории катастроф, от эвольвент до квазикристаллов. – М.: Наука, гл. ред. физ.-мат. литературы, 1989. – 96 с.
28. Арутюнова Н.Д. Невыразимое – подвластно ли пониманию? // Вопросы культуры речи: сб. ст. под ред. А.Д. Шмелева. – М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2007. – Т. 9. – С. 152–170.
29. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
30. Аршинов В.И., Тарасенко В.В. Автопоэзис, коммуникация, управление // Феномен человека в его эволюции и динамике: труды открытого научного семинара. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 109–137.
31. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская речь / под ред. Л.В. Щербы. – Вып. II. – Л.: Academia, 1928. – С. 28–44.
32. Атанов А.А. Экономика концептов. – Иркутск: БГУЭП, 2008. – 400 с.
33. Базыма Б.А. Психология цвета: Теория и практика. – СПб.: Речь, 2005. – 203 с.
34. Барт Р. Из книги «Мифологии» // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 46–130.
35. Бартли Ш У.У. Витгенштейн // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. – М.: Прогресс; СПб.: Культура, 1993. – С. 137–270.
36. Баткин Л.М. Два способа изучать историю культуры // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 34–55.
37. Баткин Л.М. Новые бедствия Пьера Абеляра // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 95–115.

38. Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи о культуре. – М.: ТОО «Курсив-А», 1994. – С. 66–94.

39. Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 1. – М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003. – С. 69–263.

40. Бахтин М.М. Проблема текста // Бахтин М.М. Собрание сочинений. – Т. 5. – М.: Русские словари, 1997. – С. 306–326.

41. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

42. Белялетдинов Р.Р. Иоанн Солсберийский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 1. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 494–496.

43. Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. – 576 с.

44. Библиография работ Д. С. Лихачева. Хронологический список трудов академика Д. С. Лихачева (1935–1995 гг.) // Запесоцкий А.С. Дмитрий Лихачев – великий русский культуролог. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2007. – С. 215–290.

45. Биричева Е.В. Концепт «субъекта» в пространстве неклассической онтологии. – Екатеринбург: Изд. Дом «Ажур», 2012. – 122 с.

46. Бирюков Б.В. Введение. Готтлоб Фреге: современный взгляд // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 8–62.

47. Бирюков Б.В. Послесловие. В логическом мире Фреге // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 443–509.

48. Блаженный Августин. Исповедь // Блаженный Августин. Творения: В 4 т. – Т. 1: Об истинной религии. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – С. 469–741.

49. Блаженный Августин. О Книге Бытия // Блаженный Августин. Творения: В 4 т. – Т. 2: Теологические трактаты. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – С. 316–673.
50. Блур Д. Глава 6. Возможна ли альтернативная математика // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 150–177.
51. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 162–185.
52. Бонецкая Н.К. Бахтин глазами метафизика // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1998. – № 1 (22). – С. 103–155.
53. Борн М. Физическая реальность // Успехи физических наук. – 1957. – Т. LXII. – Вып. 2. – С. 129–139.
54. Борхес Х.Л. Аналитический язык Джона Уилкинса // Философия философии. Тексты философии. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2012. – С. 212–214.
55. Бочкарев А.Е. К проблеме категоризации в теории прототипов: *pro et contra* // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2015. – № 1. – С. 249–254.
56. Брассье Р. Понятия и объекты // Логос. – 2020. – Т. 27. – № 3. – С. 227–260.
57. Бройль Л. По тропам науки. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. – 408 с.
58. Буданов В.Г. Принципы синергетики и язык // Философия науки. – 2002. – Вып. 8. – С. 340–354.
59. Вавилов С.И. Глаз и Солнце. О свете, Солнце и зрении. – СПб.: Амфора, 2015. – 470 с.
60. Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. – М.: Наука, 1989. – 271 с.
61. Вархотов Т.А., Гавриленко С.М. История, наука и онтология // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLVI. – № 4. – С. 245–252.
62. Васюков В.Л. Логическая реконструкция философских текстов // Философский текст в современной текстовой культуре: Материалы

всероссийской конференции, Судак, пос. Новый Свет, 18–20 сентября 2018 года / Под ред. О.В. Зарапина. – Судак, пос. Новый Свет: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 146–149.

63. Васюков В.Л. Макростратегии диалога культур // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 45–1. – С. 18–23.

64. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 242–253.

65. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 198–212.

66. Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 231–290.

67. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – С. 33–88.

68. Вежбицкая А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 185–206.

69. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

70. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 790 с.

71. Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гете как натуралисте // Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М.: Наука, 1988. – С. 224–265.

72. Вернадский В.И. О научном мировоззрении // Развитие личности. – 2012. – № 4. – С. 213–243.

73. Витгенштейн Л. Tractatus logico-philosophicus (с параллельными комментариями В. Руднева) // Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 7–228.

74. Витгенштейн Л. Голубая книга // Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к «Философским исследованиям». – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008. – С. 25–114.

75. Витгенштейн Л. Голубая книга // Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – С. 341–416.

76. Витгенштейн Л. Голубая книга. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 128 с.

77. Витгенштейн Л. Заметки о цвете (избранные фрагменты) // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 157–168.

78. Витгенштейн Л. Замечания по основаниям математики // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть II. – М.: Гнозис, 1994. – 213 с.

79. Витгенштейн Л. Лекции по основаниям математики. (Перевод фрагментов) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Реферативный журнал. Серия 3. Философия. – 1995. – № 3. – С. 162–177.

80. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 1–73.

81. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 288 с.

82. Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. – М.: Гнозис, 1994. – С. 321–405.

83. Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 220–546.

84. Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления: Логико-гносеологический анализ. – М.: МГУ, 1989. – 239 с.

85. Войшвилло Е.К. Принцип соответствия как форма развития знаний и понятие относительной истины. Критика концепции несоизмеримости сменяющих друг друга теорий // Логика и В.Е.К.: сб. науч. тр.: К 90-летию со

дня рождения проф. Войшвилло Евгения Казимировича. – М.: Современные тетради, 2003. – С. 11–21.

86. Воркачев С.Г. *Anglica selecta: избранные работы по лингвоконцептологии.* – Волгоград: Парадигма, 2012. – 205 с.

87. Воркачев С.Г. *Счастье как лингвокультурный концепт.* – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.

88. Вострикова Е.В., Куслий П.С. *Язык как динамическая система: Наследие Вильгельма фон Гумбольдта и современное языкознание // Эпистемология и философия науки.* – 2020. – Т. 57. – № 1. – С. 110–130.

89. Вульф М. *Средневековая философия и цивилизация.* – М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. – 253 с.

90. Выготский Л.С. *История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Психология развития человека.* – М.: Смысл; Эксмо, 2006. – С. 208–547.

91. Выготский Л.С. *Мышление и речь // Выготский Л.С. Психология развития человека.* – М.: Смысл; Эксмо, 2006. – С. 664–1019.

92. Выготский Л.С. *Мышление и речь.* – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

93. Гавриленко С. *Как пишется история научного наблюдения // Логос.* – 2020. – Т. 30. – № 3. – С. 120–134.

94. Гавриленко С.М. *Ганс Гольбейн Младший, Ян Ванделаар и империя наблюдения // ПРАЭНМА.* – 2018. – № 4 (18). – С. 84–102.

95. Гавриленко С.М. *Историческая эпистемология: зона неопределенности и пространство теоретического воображения // Эпистемология и философия науки.* – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 20–28.

96. Гавриленко С.М. *Историческая эпистемология: необходимые усложнения. Ответ оппонентам // Эпистемология и философия науки.* – 2017. – Т. 52. – № 2. – С. 52–55.

97. Гайденок П.П. *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 459 с.

98. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 521 с.
99. Гайденко П.П. Проблема времени у Исаака Ньютона // Метафизика. – 2013. – № 1 (7). – С. 8–20.
100. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М.: Республика, 1997. – 495 с.
101. Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
102. Гальперин П.Я. Введение в психологию // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – С. 94–248.
103. Гальперин П.Я. Проблема деятельности в советской психологии // Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. – М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. – С. 249–271.
104. Гаспаров М.Л. «Поэма воздуха» Марины Цветаевой. Опыт интерпретации // Гаспаров М.Л. Избранные труды. – Т. II. О стихах. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 168–186.
105. Гаспарян Д.Э. Кто убил Джона Кеннеди. Или что известно глобальному наблюдателю? // РАЦИО.ru. – 2013. – № 9. – С. 56–76.
106. Гаспарян Д.Э. О всегда уже выраженном невыразимом // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. II. – № 4. – С. 146–156.
107. Гаспарян Д.Э. Проблема воплощенных и символических понятий в контексте машинной формализации семантики // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2017. – № 3. – С. 35–51.
108. Гаспарян Д.Э. Язык как собственная форма (Eigenform) и рекурсия означающих // Философские науки. – 2018. – № 8. – С. 125–143.
109. Гачев Г.Д. Осень с Кантом: Образность в «Критике чистого разума». – М., 2004. – 329 с.

110. Гейзенберг В. Учения Гете и Ньютона о цвете и современная физика // Гейзенберг В. Философские проблемы атомной физики. – М.: ЛКИ, 2008. – С. 54–71.
111. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. – М.: Прогресс, 1987. – 366 с.
112. Гельмгольц Г. О зрении человека; Новейшие успехи теории зрения. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 192 с.
113. Генри Дж. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего Нового времени: Новый подход к проблеме упадка магии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2013. – № 1 (31). – С. 53–91.
114. Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 4. – С. 8–20.
115. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 760 с.
116. Гете И.В. К учению о цвете // Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Кругъ, 2012. – С. 1–462.
117. Гете И.В. Фауст. – М.: НЭБ Свет, 2020. – URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl02000025814?page=1&theme=white>.
118. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
119. Гинзбург В.Л. Несколько замечаний к биографии Исаака Ньютона // Вавилов С.И. Исаак Ньютон: 1643–1727. – М.: Наука, 1989. – С. 216–235.
120. Голосовкер Я.Э. Имагинативный Абсолют // Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – С. 7–222.
121. Горохов П.А. Философские основания мировоззрения Иоганна Вольфганга Гёте: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. – Екатеринбург, 2003. – 51 с.

122. Готт В.С. Диалектическое единство линейности и нелинейности // Неизбежность нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 415–436.
123. Готт В.С. Удивительный, неисчерпаемый, познаваемый мир. – М.: Знание, 1974. – 224 с.
124. Готт В.С., Ключарев Г.А. Понятийное мышление и становление единой науки о человеке // Неизбежность нелинейного мира: к 100-летию со дня рождения В. С. Готта: приложение к журналу «Философские науки». – М.: Гуманитарий, 2012. – С. 298–320.
125. Грифцова И.Н. О возможности трактовки неформальной логики как прикладной эпистемологии // Преподаватель. XXI век. – 2013. – № 3. – С. 251–257.
126. Грифцова И.Н. Проблемы языка, логики и коммуникации в концепции Пор-Рояля // Преподаватель. XXI век. – 2014. – № 4. – С. 217–228.
127. Грифцова И.Н. Соотношение формальной и неформальной логики: философско-методологический анализ: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. – М., 1999. – 42 с.
128. Гулыга А.В. Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – С. 651–691.
129. Гулыга А.В. Кант сегодня // Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – С. 5–42.
130. Гумбольдт А. «Человек – гражданин Вселенной» // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 115–119.
131. Гумбольдт А. Космось. Опыт физическаго міроописанія. – Ч. 1. – М.: Изданіе братьевъ Салаевыхъ, 1866. – 408 с.
132. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 35–298.

133. Гумбольдт В. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 318–320.

134. Гуревич А.Я. «Генезис феодализма» и генезис средневековья. Злые мемуары в роли предисловия // Гуревич А.Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 5–22.

135. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». – М.: Индрик, 1993. – 328 с.

136. Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005. – 891 с.

137. Гуревич А.Я. История историка. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 288 с.

138. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 15–260.

139. Гуревич А.Я. Подводя итоги... (Теория и практики исторического познания. Сквозь призму индивидуального опыта ученого XX столетия) // XX век. Методологические проблемы исторического познания: сборник обзоров и рефератов. М., 2001. – С. 56–71.

140. Гуревич А.Я. Почему я скандинавист? Опыт субъективного осмысления некоторых тенденций развития современного исторического знания // Гуревич А.Я. Избранные труды. Норвежское общество. – М.: Традиция, 2009. – С. 5–12.

141. Гуревич А.Я. Предисловие // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – С. 5–14.

142. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – С. 501–541.

143. Давыдов В.В., Шуаре М. Вступительная статья // Возрастная и педагогическая психология: Тексты. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – С. 3–17.

144. Данилевский Н.Я. Космос. Опыт физического мирописания Александра фон Гумбольдта. – URL: www.danilevsky.ru/tvorcheskoe-nasledie-danilevskogo/po-hronologii-napisaniya/kosmos/.

145. Деар П. Историей чего является история науки? Истоки идеологии современной науки в раннее Новое время // Логос. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 29–62.

146. Делёз Ж. Различие и повторение. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.

147. Делёз Ж. Философский концепт... // Studia Culturae. – 2013. – № 15. – С. 241–243.

148. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – 260 с.

149. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 286 с.

150. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35–47.

151. Демьянков В.З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла: сб. статей в честь акад. Н.Ю. Шведовой. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 606–622.

152. Депперт В. Мифические формы мышления в науке на примере понятий пространства, времени и закона природы // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 187–204.

153. Джеммер М. Понятие массы в классической и современной физике. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 252 с.

154. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 570 с.

155. Дьюи Дж. Общество и его проблемы. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

156. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. – М.: Праксис, 2003. – С. 258–277.
157. Дюгем П. Физическая теория и метафизическое объяснение // Метафизика. – 2016. – № 2 (20). – С. 179–190.
158. Жильсон Э. Бытие и сущность // Жильсон Э. Избранное: Христианская философия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – С. 321–582.
159. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. – М.: Культурная революция, Республика, 2010. – 678 с.
160. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. – М.: Мир, 1976. – 165 с.
161. Заде Л. Тени нечетких множеств // Проблемы передачи информации. – 1966. – Т. II. – Вып. 1. – С. 37–44.
162. Заде Л.А. Нечеткие множества // Нечеткие системы и мягкие вычисления. – 2015. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 7–22.
163. Запорожец А.В. Мышление и деятельность ребенка // Запорожец А.В. Психология действия. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – С. 200–211.
164. Запорожец А.В. Развитие мышления // Запорожец А.В. Психология действия. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. – С. 211–230.
165. Захаров В.Д. Гравитационные волны в теории тяготения Эйнштейна. – М.: Наука, Гл. редакция физ.-мат. литературы, 1972. – 199 с.
166. Зенкин С. Послесловие переводчика // Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – М.: Академический Проект, 2009. – С. 254–260.
167. Золотухина-Аболина Е.В. В. В. Налимов. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов-н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. – 122 с.
168. Ивлев Ю.В. Логика и реальность // Философия и общество. – 2007. – № 3. – С. 165–174.

169. Ивлев Ю.В. Логико-методологические критерии научности и ненаучности знания // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2008. – № 5. – С. 40–45.
170. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1974. – 271 с.
171. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. – М.: Политиздат, 1984. – 320 с.
172. Канаев И.И. Гёте как естествоиспытатель. – Л.: Наука, 1970. – 467 с.
173. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 8 т. – Т. 3. – М.: Чоро, 1994. – 740 с.
174. Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – 430 с.
175. Кареев Н.И. Объективизм и субъективизм в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. III. – № 4. – С. 61–85.
176. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. – М., 1959. – 380 с.
177. Карнап Р. Психология на языке физики // Философские науки. – 2013. – № 1. – С. 126–146.
178. Карнап Р. Философские основания физики. – М.: Прогресс, 1971. – 385 с.
179. Карнап Р., Ган Г., Нейрат О. Научное миропонимание – Венский кружок // Логос. – 2005. – № 2 (47). – С. 13–26.
180. Карсавин Л.П. Джордано Бруно. – СПб.: Наука, 2016. – 265 с.
181. Касавин И.Т. Абстракция именованного: нет, индивидуальных объектов не существует! // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. II. – № 2. – С. 59–63.
182. Касавин И.Т. Знание и реальность в исторической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 2. – С. 6–19.

183. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 8–17.
184. Касавин И.Т. Источники знания: проблема «testimonial knowledge» // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXV. – № 1. – С. 5–15.
185. Касавин И.Т. Критика групповых убеждений: дискуссия с Дженнифер Лэки // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 63–73.
186. Касавин И.Т. Миграция: междисциплинарное понятие и его эпистемические измерения // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 1. – С. 8–18.
187. Касавин И.Т. О семиотическо-коммуникативной теории сознания (в развитие идей Л.С. Выготского) // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. XXI. – № 3. – С. 152–167.
188. Касавин И.Т. Познание и язык // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXX. – № 4. – С. 5–15.
189. Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии // Познание в социальном контексте. – М.: ИФРАН, 1994. – С. 6–36.
190. Касавин И.Т. Постигая многообразие разума (Вместо введения) // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 5–28.
191. Касавин И.Т. Проблема текста: Между эпистемологией и лингвистикой // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. VIII. – № 2. – С. 34–57.
192. Касавин И.Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. – М.: Весь мир, 2016. – 262 с.
193. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – 544 с.

194. Кассирер Э. Гёте и математическая физика. Теоретико-познавательное исследование // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998. – С. 276–321.
195. Кассирер Э. Познание и действительность. – М.: Юрайт, 2018. – 331 с.
196. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 3. Феноменология познания. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 398 с.
197. Кассирер Э. Функции мифа в социальной жизни человека // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2011. – № 2. – С. 62–73.
198. Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 214 с.
199. Киященко Л.П. Диалог внутри языка. Рационален ли язык? // Философия науки. – 1995. – Т. 1. – № 1. – С. 285–299.
200. Киященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // Философия науки. – Вып. 8. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 355–376.
201. Киященко Л.П. Онтология языка – становление смысла // Философия науки. – 1997. – № 3. – С. 219–223.
202. Киященко Л.П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности). – М.: ИФ РАН, 2017. – 113 с.
203. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. – М.: ИФРАН, 2009. – 205 с.
204. Ключарев Г.А. «Мой путь в социологию оказался долог и тернист» // Телескоп. – 2014. – № 6 (108). – С. 16–22.
205. Князева Е.Н. Автопоэзис мысли // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2008. – Вып. 1 (75). – С. 46–55.
206. Князева Е.Н. Глаз ума: понятия ментальных образов и воображения от Беркли до современной когнитивной науки // Проблема

воображения в эволюционной эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2013. – С. 30–51.

207. Князева Е.Н. Идея эмерджентной эволюции в воззрениях Э. Морена, И. Стенгерс и Ж. де Роснэ // *Философские науки*. – 2011. – № 9. – С. 100–115.

208. Князева Е.Н. Ускользящее настоящее // *Человек*. – 2009. – № 1. – С. 5–18.

209. Кожев А. Атеизм и другие работы. – М.: Праксис, 2006. – 508 с.

210. Коллинз Р. «Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения» (фрагменты из книги) // *Личность. Культура. Общество*. – 2001. – Т. 3. – № 3 (9). – С. 24–51.

211. Коськов С.Н. Конвенция и метафора в языке науки: Эпистемологический подход // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. – 2009. – № 2. – С. 3–18.

212. Коськов С.Н. Рациональное и нерациональное в языке науки с позиции эпистемологического подхода // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2009. – № 2. – С. 185–189.

213. Крипке С. Тождество и необходимость // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 340–376.

214. Куайн У.В.О. О том, что есть // Куайн У.В.О. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – С. 7–23.

215. Куайн У.В.О. О том, что есть // Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – С. 325–341.

216. Куайн У.В.О. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000. – 386 с.

217. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.

218. Куслий П.С. Формальная семантика и естественный язык // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 105–117.
219. Кюннг Г. Онтология и логический анализ языка. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 237 с.
220. Лагутина И.Н. Символическая реальность Гете. Поэтика художественной прозы. – М.: Наследие, 2000. – 277 с.
221. Лакатос И. Дедуктивистский versus эвристический подход // Эпистемология и философия науки. – 2009. – Т. 20. – № 2. – С. 210–225.
222. Лакатос И. Доказательства и опровержения (Как доказываются теоремы) // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 27–198.
223. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. – М.: Академический Проект; Трикста, 2008. – С. 281–475.
224. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
225. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.
226. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 211–242.
227. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследований науки» в общественные науки // Социология вещей: сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 342–363.
228. Латур Б. Коперниковский переворот в политической теории // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 235–254.
229. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2006. – 240 с.

230. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию? – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 335 с.
231. Латур Б., Вулгар С. Лабораторная жизнь. Конструирование научных фактов. Глава 2. Антрополог посещает лабораторию // Социология власти. – 2012. – № 6–7 (1). – С. 178–234.
232. Лебединский А.В., Франкфурт У.И., Френк А.М. Гельмгольц (1821–1894). – М.: Наука, 1966. – 320 с.
233. Левин Г.Д. Проблема универсалий. Современный взгляд. – М.: Канон+, 2005. – 222 с.
234. Левин Г.Д. Теория конкретно-всеобщего // Э. В. Ильенков: личность и творчество. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 87–98.
235. Лейбниц Г.В. Сочинения в четырех томах. – Т. 2. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.
236. Лекторский В.А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 19–26.
237. Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 46–62.
238. Лекторский В.А., Аршинов В.И., Кузнецов В.Ю., Пружинин Б.И. Постнеклассическая наука и социокультурный контекст // Вестник Российской академии наук. – 2016. – Т. 86. – № 8. – С. 745–753.
239. Либер А. Средневековое мышление. – М.: Праксис, 2004. – 359 с.
240. Лингвокультурный концепт: Типология и области бытования. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 399 с.
241. Лисеев И.К. В.И. Вернадский: От единства знания к царству разума (цивилизационные мотивы) // Проблемы цивилизационного развития. – 2020. – Т. 2. – № 1. – С. 20–34.
242. Лисеев И.К. Опередивший время // Философские науки. – 2013. – № 3. – С. 22–29.

243. Лисеев И.К. Пророк нового века (К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского) // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 1. – С. 97–108.
244. Лисеев И.К. Философские идеи В.И. Вернадского и современная научная картина мира (к 150-летию В.И. Вернадского) // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 174–184.
245. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб.: СПбГУП, 2015. – С. 240–251.
246. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. – С. 147–165.
247. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения // Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. – М.: Мысль, 1998. – С. 5–640.
248. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010. – С. 149–390.
249. Лотман Ю.М. Феномен культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПБ, 2010. – С. 568–580.
250. Луман Н. Введение в системную теорию. – М.: Логос, 2007. – 359 с.
251. Луман Н. Истина. Знание. Наука как система. – М.: Логос, 2016. – 400 с.
252. Луман Н. Общество как социальная система. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
253. Луман Н. Эволюция науки // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 215–233.
254. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

255. Лурия А.Р. Психология как историческая наука. К вопросу об исторической природе психологических процессов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9. – № 3/1. – С. 199–215.

256. Майданский А.Д. «Культурная психология» Л.С. Выготского в оптике Спинозы и Маркса // Культурно-историческая психология. – 2018. – Т. 14. – № 1. – С. 126–130.

257. Майнонг А. О теории предметов // Эпистемология и философия науки. – 2011. – Т. XXVII. – № 1. – С. 202–229.

258. Макаренко В.П. Политическая концептология: первые итоги разработки // Политическая концептология. – 2009. – № 1. – С. 79–116.

259. Макеева Л.Б. Язык и реальность // Логос. – 2006. – № 6 (57). – С. 3–20.

260. Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. – 309 с.

261. Макеева Л.Б., Смирнов М.А. Концептуальные схемы и релятивизм: Критические аргументы Дональда Дэвидсона // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 57. – № 1. – С. 59–78.

262. Мамчур Е.А. Ненаблюдаемые сущности современной физики: социальные конструкты или реальные объекты? // Эпистемология и философия науки. – 2017. – Т. 51. – № 1. – С. 106–123.

263. Мамчур Е.А. Объективность науки и релятивизм (К дискуссиям в современной эпистемологии). – М.: ИФ РАН, 2004. – 242 с.

264. Мамчур Е.А., Скорупская Ю.Г. Виртуальные миры искусства и науки: Проблема референции // Философские науки. – 2007. – № 7. – С. 30–48.

265. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 235–250.

266. Маркин В.И. Понятие // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 719–720.

267. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т. 8. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. – С. 115–217.
268. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: в 9 т. – Т. 2. – М.: Политиздат, 1985. – С. 1–3.
269. Марюхин А.П. Непрямая коммуникация в научном дискурсе (на материале русского, английского, немецкого языков): автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2010. – 24 с.
270. Масалова С.И. Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от античности до Нового времени: автореф. ... д-ра филос. наук: 19.00.08. – Ростов-на-Дону, 2007. – 47 с.
271. Маслова В.А. Поэтическая лингвистика как «стирание границ между наукой и искусством» (Ю.С. Степанов) // Критика и семиотика. – 2012. – Вып. 17. – С. 138–148.
272. Медведев В.И. Язык как объект познания: Особенности наук о человеке // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 2. – С. 52–60.
273. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель, 2006. – 873 с.
274. Мертон Р.К. Наука и социальный порядок // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II. – Вып. 2 (3). – С. 191–207.
275. Месяц С.В. Аристотель о природе цвета // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 2. – № 1. – С. 28–39.
276. Месяц С.В. Гёте и Ньютон. Спор о цвете // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем (Исследования и переводы). – 2014. – № 2. – С. 299–339.
277. Месяц С.В. Иоганн Вольфганг Гёте и его учение о цвете (Часть первая). – М.: Кругъ, 2012. – 464 с.

278. Месяц С.В. Три определения цвета у Аристотеля // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности: материалы Московской междунар. конференции по Аристотелю. Ин-т философии РАН, 17–19 октября 2016 г. – М.: Аквилон, 2017. – С. 10–30.

279. Мигла А.В. Референция «пустых» терминов как философская проблема: автореф. ... канд. филос. наук. – М., 2013. – 36 с.

280. Микешина Л.А. Гипостазирование как проблема лингвистической эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. XXXII. – № 2. – С. 34–49.

281. Микешина Л.А. Социология и эпистемология: необходимость взаимодействия // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 3–13.

282. Микешина Л.А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 85–94.

283. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 622 с.

284. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: NOTA BENE, 2001. – 261 с.

285. Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – М.: ЛЕНАНД, 2011. – 828 с.

286. Миронов В.В. Гумбольдт, натурфилософия и университет как универсум // Вопросы философии. – 2021. – № 2. – С. 19–23.

287. Мирский Э.М. «Онаучивание общества» и «общество, основанное на знаниях» // Михаил Константинович Петров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 203–218.

288. Мотрошилова Н.В. Г.Кантор и Э.Гуссерль: Взаимодействие идей // Horizon. Феноменологические исследования. – 2013. – № 2 (1). – С. 7–27.

289. Мудрагей Н.С. Рациональность в науке и в иррациональной философии // На пути к неклассической эпистемологии. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 151–162.
290. Надёжкин А.М. «Закат» концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 452–454.
291. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993. – 260 с.
292. Налимов В.В. Язык науки // Развитие личности. – 2008. – № 1. – С. 186–212.
293. Нейрат О. Протокольные предложения // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. VI. – № 4. – С. 226–234.
294. Неретина С.С, Огурцов А.П. Реабилитация вещи. – СПб.: Мирь, 2010. – 799 с.
295. Неретина С.С. Августин: значение и понимание // Истина и благо: универсальное и сингулярное. – М.: ИФРАН, 2002. – 374 с.
296. Неретина С.С. Арон Яковлевич Гуревич и безмолвие // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2007. – Т. 8. – № 2. – С. 231–246.
297. Неретина С.С. Гильберт Порретанский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 1. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 372–379.
298. Неретина С.С. Идея культуры: От трансцендентного к имманентному. О философии в СССР после Октября // Политическая концептология. – 2009. – № 3. – С. 235–268.
299. Неретина С.С. Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 387–389.
300. Неретина С.С. Петр Абеляр и персона // Абеляр П. История моих бедствий. – М.: ИФРАН, 2011. – С. 57–124.

301. Неретина С.С. Словарь средневековых терминов // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. – Т. 2. – СПб.: РХГИ, 2002. – С. 512–607.
302. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. История: миф, время, загадка. – М.: Гнозис, 1994. – 208 с.
303. Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. – М.: Гнозис, 1994. – 216 с.
304. Неретина С.С. Тропы и концепты. – М.: ИФРАН, 1999. – 275 с.
305. Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. – М.: Институт философии РАН, 2011. – 279 с.
306. Неретина С.С., Огурцов А.П. Пути к универсалиям. – СПб.: РХГА, 2006. – 999 с.
307. Оглезнев В.В. Проблемы определения кластерных понятий // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2019. – № 51. – С. 70–78.
308. Огурцов А.П. Проблема универсалий в философии XX века // Истина и благо: универсальное и сингулярное. – М.: ИФ РАН, 2002. – С. 260–339.
309. Огурцов А.П. Этнос науки и риторика (От нормативного разума к коммуникативной рациональности) // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 3 (27). – С. 107–135.
310. Ойзерман Т.И. Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 520 с.
311. Ойзерман Т.И. Развитие понятия философии в кантовской «Критике способности суждения» // Кантовский сборник: межвузовский тематический сборник научных трудов. – 1991. – № 16. – С. 12–22.
312. Ойзерман Т.И., Нарский И.С. Теория познания Канта. – М.: Наука, 1991. – 198 с.
313. Орлова Э.А. Наука о культуре, ее прошлое и настоящее // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. II. – Вып. 3 (4). – С. 185–211.

314. Павлов А.В. Дискурс и его логика: Рождение науки из духа улицы // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 15–20.
315. Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать // Стрельцова Г.Я. Паскаль и европейская культура. – М.: Республика, 1994. – С. 434–459.
316. Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 164–235.
317. Патнэм Х. Как нельзя говорить о значении // Патнэм Х. Философия сознания. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 146–163.
318. Патнэм Х. Ценности: создает ли их человек или находит? // Философские науки. – 2011. – № 12. – С. 92–107.
319. Пашина Д.П. Влекомые языком // Философия науки. – 2002. – Т. 8. – № 1. – С. 377–407.
320. Переписка Алексиуса Майнонга и Бертрана Рассела // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXVI. – № 2. – С. 219–223.
321. Петруня О.Э. Сергей Алексеевич Аскольдов: Несостоявшаяся революция в теории познания // Аскольдов С.А. Гносеология. Статьи. – М.: Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2012. – С. 3–37.
322. Печенкин А.А. От радиотехники к теоретической физике (предметно-практические основания знания) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2007. – № 1. – С. 36–45.
323. Печенкин А.А. Понятие вероятности в математике и физике (дискуссии 1920–30-х гг. в СССР) // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56. – № 3. – С. 202–218.
324. Печенкин А.А. Проблема редукции химии к физике: Диалектика vs аналитическая философия // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XL. – № 2. – С. 157–173.
325. Пикеринг Э. Новые онтологии // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 3. – С. 153–172.

326. Пилюгина М.А. Воображение как способ познавательной деятельности // Проблема воображения в эволюционной эпистемологии. – М.: ИФ РАН, 2013. – С. 195–205.

327. Пирс Ч. *Grammatica Speculativa* // Пирс Ч. Начала прагматизма. – Т. 2. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований филос. факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – С. 40–223.

328. Пирс Ч. Что есть прагматизм? // Пирс Ч. Начала прагматизма. – Т. 1. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований филос. факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – С. 155–181.

329. Писарев А., Гавриленко С. В поисках ускользающего объекта: наука и ее история // Логос. – 2020. – Т. 30. – № 1. – С. 1–28.

330. Платон. Собрание сочинений в 4 т. – Т. I. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.

331. Подорога В.А. Как мыслит лингвист? Теория концепта и философия языка Ю.С. Степанова (Наброски к теме) // Языковые параметры современной цивилизации. Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю.С. Степанова / Под ред. В.З. Демьянкова и др. – М.: Институт языкознания РАН, ИП Шилин И.В. («Эйдос»), 2013. – С. 13–21.

332. Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1983. – С. 33–235.

333. Поппер К. Нищета историцизма. – М.: Прогресс; VIA, 1993. – 187 с.

334. Поппер К. Нормальная наука и опасности, связанные с ней // Философия науки. – Вып. 3: Проблемы анализа знания. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 49–58.

335. Порус В.Н. Рациональность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 807–809.

336. Порус В.Н. Цена «гибкой» рациональности (о философии науки Ст.Тулмина) // Философия науки. – Вып. 5: Философия науки в поисках новых путей. – М.: ИФ РАН, 1999. – С. 228–245.
337. Рассел Б. Введение // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – С. 10–31.
338. Рассел Б. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 41–54.
339. Рассел Б. Математическая логика, основанная на теории типов // Философия науки. – 2003. – № 3 (18).
340. Рассел Б. Основания математики. Приложение В. Теория типов // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 1 (2). – С. 123–129.
341. Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999. – 191 с.
342. Рассел Б. Человеческое познание: Его сфера и границы. – К.: Ника-Центр, 1997. – 560 с.
343. Розин В.М. Введение в схемологию: Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 256 с.
344. Розин В.М. Знание как представление, «episteme», концепт и реконструкция // Философское образование: Вестник Ассоциации философских факультетов и отделений. – 2012. – № 1 (3). – С. 5–26.
345. Розин В.М. К различению понятий «знак», «знание», «схема», «модель», «идеальный объект» // Личность. Культура. Общество. – 2010. – Т. XII. – Вып. 3. – № 57–58. – С. 184–197.
346. Розин В.М. Комментарии к книге Н.Н. Волкова «Цвет в живописи» // Культура и искусство. – 2015. – № 1 (25). – С. 86–101.
347. Розин В.М. Образ и схема в контексте воображения и становления // Мир психологии. – 2009. – № 4 (60). – С. 30–39.

348. Розин В.М. Современная культурология: Проблемы формирования и методологический идеал культурологии // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Вып. 1 (25). – С. 127–145.
349. Рорти Р. Философия и зеркало природы. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. – 296 с.
350. Рорти Р. Мозг как компьютер, культура как программа // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. IV. – № 2. – С. 16–35.
351. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М. [и др.]: Питер, 2002. – 720 с.
352. Руднев В.П. Текст и реальность: направление времени в культуре // Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2007. – С. 36–52.
353. Руднев В.П. Философия шизофрении // Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия: Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2007. – С. 372–511.
354. Руднев В.П. Энциклопедия гармонизированных концептов [рец. на кн. Ю. С. Степанова «Константы: словарь русской культуры»] // Логос. – 1999. – № 1 (11). – С. 232–237.
355. Сарпова О.В. Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929 – 1994): дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – Екатеринбург, 2004. – 162 с.
356. Сафонов В.А. Александр Гумбольдт. – М.: Молодая гвардия, 1959. – 191 с.
357. Сафронов Р.О. Современные интерпретации социологической концепции религии Эмиля Дюркгейма в англоязычной религиозноведческой литературе: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.14. – М., 2011. – 24 с.
358. Севальников А.Ю. Физика и философия // Метафизика. – 2016. – № 2 (20). – С. 52–63.
359. Севальников, А.Ю. О некоторых тенденциях в интерпретации науки // Философия науки. – 2000. – Т. 6. – № 1. – С. 3–9.

360. Селиверстов В.В. Проблема статуса несуществующих вещей в майнонгианской философской традиции: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2013. – 189 с.
361. Серов Н.В. Хроматическая теория цвета: Ньютон – Гёте – Кандинский – Витгенштейн // Социальные трансформации. – 2019. – № 30. – С. 180–191.
362. Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. – 2005. – № 3 (48). – С. 143–152.
363. Смирнов А.В. Субстанциальная и процессуальная картина мира (к вопросу о типологии культур и картин мира) // Философская антропология. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 62–81.
364. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – 248 с.
365. Соколова Т.Д. Философия науки Уильяма Хьюэлла и априоризм Иммануила Канта // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 2. – С. 180–185.
366. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1988. – С. 139–288.
367. Сори́на Г.В. Коммуникативное пространство психологизма и антипсихологизма (на примере философии Л. Витгенштейна – раннего и позднего) // Пространство и Время. – 2015. – № 3 (21). – С. 51–60.
368. Сори́на Г.В., Грифцова И.Н. Трансдискурсивный, коммуникативный характер аристотелевской логики: логика и теология // Ценности и смыслы. – 2016. – № 4 (44). – С. 83–93.
369. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
370. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

371. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
372. Степанов Ю.С. Мыслящий тростник. Книга о «Воображаемой словесности». – Калуга: Эйдос, 2010. – 168 с.
373. Столярова О.Е. Язык науки и проблема понимания // Философские науки. – 2014. – № 11. – С. 82–94.
374. Столярова О.Е. История и философия науки versus STS // Вопросы философии. – 2015. – № 7. – С. 73–83.
375. Стросон П.Ф. Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. – Калининград: РГУ им. И. Канта, 2009. – 328 с.
376. Суржанская Ю.В. Концепт как философское понятие // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. – 2011. – № 2 (14). – С. 70–78.
377. Суржанская Ю.В. Проблема соотношения концепта и понятия в философском и научном мышлении: автореф. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – Томск, 2012. – 24 с.
378. Суровцев В.А., Родин К.А. «Заметки о цвете» Людвиг Витгенштейна: От логики цвета к социологии цвета // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2020. – № 2 (24). – С. 25–38.
379. Суровцев В.А., Родин К.А. Людвиг Витгенштейн о логике цветовых понятий // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 4 (18). – С. 222–234.
380. Твардовский К. К учению о содержании и предмете представлений // Логико-философские и психологические исследования. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 38–159.
381. Твардовский К. О ясном и неясном философском стиле // Философия и логика Львовско-Варшавской школы. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 9–13.
382. Тищенко П.Д. Аналитика научного дискурса // Философия науки. – 1995. – Т. 1. – № 1. – С. 269–284.

383. Труфанова Е.О. Ускользящая реальность и социальные конструкции // *Философия науки и техники*. – 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 61–77.
384. Тулмин С. Выдерживает ли критику различие нормальной и революционной науки? // *Философия науки*. – Т. 5. – № 1. – С. 246–257.
385. Тулмин С. Человеческое понимание. – М.: Прогресс, 1984. – 328 с.
386. Тухватулина Л.А. Проблема рациональности в науке о праве: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. – М., 2017. – 148 с.
387. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 528 с.
388. Уайтхед А.Н. Религия и наука // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания* / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 448–462.
389. Уорф Б.Л. Язык, сознание, и реальность // *Эпистемология и философия науки*. – 2016. – Т. 50. – № 4. – С. 220–243.
390. Февр Л. Бои за историю. – М.: Наука, 1991. – 629 с.
391. Федотов Г.П. Абеляр // *Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т.* – Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911–1925 гг. – М.: Мартис, 1996. – С. 185–274.
392. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. – Ч. 1–2. – М.: Мир, 1976. – 440 с.
393. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. – Ч. 3–4. – М.: Мир, 1976. – 496 с.
394. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. – М.: Политиздат, 1989. – 270 с.
395. Филатов В.П. Об идее альтернативной науки // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания* / Отв. ред. и сост. И.Т. Касавин. – М.: Политиздат, 1990. – С. 152–174.
396. Филатов В.П., Михайловский А.В., Никифоров А.Л., Игнатенко А.С. Обсуждаем статью «Концепт» // *Эпистемология и философия науки*. – 2009. – Т. XXII. – № 4. – С. 161–170.

397. Филатова А.А. Концепт как конституирующий элемент культуры (когнитивный подход): автореф. ... канд. филос. наук: 24.00.01, 09.00.01. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.
398. Фихте И.Г. О понятии наукоучения, или так называемой философии // Фихте И.Г. Сочинения. Работы 1792–1801 гг. – М.: Ладомир, 1995. – С. 228–273.
399. Фихте И.Г. Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии // Сочинения в двух томах. – Т. 1. – СПб.: Мифрил, 1993. – С. 563–667.
400. Флаш К. Как писать историю средневековой философии? К дискуссии Клода Паначчио и Алена де Либера о философской ценности историко-философских исследований // Логос. – 2009. – № 4–5 (72). – С. 224–246.
401. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. – М.: АСТ, 2003. – 640 с.
402. Флоренский П.А. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Флоренский П.А. Сочинения. В 4 т. – Т. 3 (2). – М.: Мысль, 2000. – 623 с.
403. Фреге Г. Введение в логику // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 297–306.
404. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
405. Фреге Г. О понятии и предмете // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 253–262.
406. Фреге Г. О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 230–246.
407. Фреге Г. Размышления о смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 247–252.
408. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика: сб. науч. ст. – Вып. 35. – М.: Русские словари, 1997. – С. 352–379.

409. Фреге Г. Функция и понятие // Фреге Г. Логика и логическая семантика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 215–229.
410. Фреге Г. Целое число // Философия науки. – 2004. – № 2 (21). – С. 99–104.
411. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.
412. Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в так называемом обществе знания // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. XV. – № 1. – С. 158–186.
413. Хабермас Ю. Демократия в опале // Социология. – 2011. – № 4. – С. 6–8.
414. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. – 2002. – Т. IV. – Вып. 3–4 (13–14). – С. 303–320.
415. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Вып. 1 (21). – С. 303–320.
416. Хайдеггер М. Цолликоновские семинары. – Вильнюс: ЕГУ, 2012. – 406 с.
417. Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук. – М.: Логос 1998. – 296 с.
418. Халиков М.М. Промежуточные явления в системно-уровневой модели языка // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 1. – С. 120–129.
419. Харре Р. Конструктивизм и реализм // Философия науки и техники. – 2016. – Т. 21. – № 1. – С. 55–65.
420. Харре Р. Теория позиционирования // Вестник Удмуртского университета. – 2007. – № 9. – С. 193–203.
421. Харре Р. Юм и физики // Эпистемология и философия науки. – 2012. – Т. II. – № 2. – С. 16–33.

422. Хейзинга Й. Осень Средневековья. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.

423. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня // Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир: Эссе. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – С. 15–170.

424. Хьюэлл У. *Novum organon renovatum*: Предисловие, книга I. Афоризмы, касающиеся идей // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 2. – С. 186–211.

425. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XL. – № 2. – С. 206–220.

426. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2014. – Т. XLI. – № 3. – С. 210–230.

427. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 224–244.

428. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, опирающаяся на их историю. Книга II // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLV. – № 3. – С. 211–241.

429. Хюбнер К. Прогресс от мифа через логос к науке как теоретико-познавательная проблема // Разум и экзистенция: Анализ научных и вненаучных форм мышления. – СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 114–125.

430. Хюбнер К. Философия науки и теология // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. X. – № 4. – С. 17–35.

431. Цветаева М.И. Поэма воздуха // Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 3: Поэмы. Драматические произведения. – М.: Эллис Лак, 1994. – С. 137–144.

432. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. – М.: УРСС: ЛИБРОКОМ, 2013. – 512 с.
433. Чернавский Д.С., Чернавская Н.М. К онтологии научного творчества. Синергетический подход // Эпистемология и философия науки. – 2004. – Т. 1. – № 1. – С. 114–130.
434. Чернакова М.С. Критерии косвенной наблюдаемости и существования ненаблюдаемых объектов физической теории // Vox. – 2014. – Вып. 16. – С. 132–135.
435. Чернин А.Д. Как Гамов вычислил температуру реликтового излучения, или немного об искусстве теоретической физики // Успехи физических наук. – 1994. – Т. 164. – № 8. – С. 889–896.
436. Чёрч А. Введение в математическую логику. – Т. 1. – М.: Изд-во иностр. литературы, 1960. – 485 с.
437. Чешев В.В. Проблема познания в философии. – Томск: Том. архит.-строит. ун-т, 2003. – 334 с.
438. Шалак В.И. Логика термов // Логические исследования. – 2007. – № 14. – С. 286–300.
439. Шалак В.И. Онтология и логика процессов // Философские науки. – 2019. – Т. 62. – № 6. – С. 138–150.
440. Шалак В.И. Сравнительный логический анализ субстанциональной и процессуальной онтологий // Логические исследования. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 58–86. – DOI: 10.21146/2074-1472-2020-26-2-58-86.
441. Ширяева А. Судьба // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 110–115.
442. Щедровицкий Г.П. О некоторых моментах в развитии понятий // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 577–589.
443. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – М.: Школа культурной политики, 1995. – С. 155–196.

444. Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. – 413 с.

445. Этте О. Александр фон Гумбольдт: кочующая жизнь и жизненная наука // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55. – № 1. – С. 136–154.

446. Яблоков И.Н. Понятие и функции религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – Т. 29. – № 1. – С. 204–211.

447. Яворский Д.Р. Социокультурные импликации понятия «природа» в европейской философии: автореф. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Волгоград, 2013. – 45 с.

448. Яворский Д.Р. Социокультурный подтекст проблемы универсалий в средневековой схоластике // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия Социально-экономические науки и искусство. – 2009. – № 3 (37). – С. 44–48.

449. Ясперс К. Великие философы. Будда, Конфуций, Лао-цзы, Нагараджуна. – М.: ИФРАН, 2007. – 236 с.

450. Allbritton D.W. When Metaphors Function as Schemas: Some Cognitive Effects of Conceptual Metaphors // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10. – № 1. – P. 33–45.

451. Armstrong D.M. Universals. An Opinionated Introduction. – Boulder, San Francisco, London: Westview Press, 1989. – 160 p.

452. Austin J. How to do things with words. – Oxford: Oxford University Press., 1962. – 167 p.

453. Bagce S. Reichenbach on the relative a priori and the context of discovery/justification distinction // Synthese. – 2011. – Vol. 181. – P. 79–93.

454. Bambrough R. Universals and Family Resemblances // Proceedings of the Aristotelian Society (New Series). – 1961. – Vol. 61. – P. 207–222.

455. Barnes B. On the Conventional Character of Knowledge and Cognition // Philosophy of the Social Sciences. – 1981. – № 11. – P. 303–333.

456. Barnes B. The Conventional Component in Knowledge and Cognition // *Society and Knowledge: Contemporary Perspectives in the Sociology of Knowledge and Science*. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 2009. – P. 151–174.

457. Bauer H.H. «Pathological science» is not scientific misconduct (nor is it pathological) // *Hyle: International Journal for the Philosophy of Chemistry*. – 2002. – Vol. 8. – № 1. – P. 5–20.

458. Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. – Berkeley, 1969: University of California Press. – 178 p.

459. Bishop M.A., Downes S.M. The theory theory thrice over: The child as scientist, superscientist or social institution? // *Studies in history a philosophy of science*. – 2002. – Vol. 33. – № 2. – P. 121–136.

460. Bloor D. *Wittgenstein: A Social Theory of Knowledge*. – N.Y.: Columbia University Press, 1983. – 213 p.

461. Böhme G. Is Goethe's Theory of Color Science? // *Goethe and the Sciences: A Reappraisal*. Boston Studies in the Philosophy of Science. – Vol 97. – Dordrecht: Springer, 1987. – P. 147–173.

462. Bowler P. J. Are the arthropoda a natural group? An episode in the history of evolutionary biology // *Journal of the history of biology*. – 1994. – Vol. 27. – № 2. – P. 177–213.

463. Carnap R. *Replies and Systematic Expositions* // *The Philosophy of Rudolf Carnap*. – Vol. XI. – La Salle, Illinois: Open Court, 1999. – P. 859–1013.

464. Carvalho M. *Colours in the Development of Wittgenstein's Philosophy*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – 380 p.

465. Cornejo C. Searching for the microcosm: A glimpse into the roots of Vygotsky's holism // *History of the Human Sciences*. – 2015. – Vol. 28. – № 2. – P. 72–92.

466. Davidoff J.B. Language and perceptual categorization // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2001. – Vol. 5. – № 9. – P. 382–387.

467. Donnellan K.S. Proper Names and Identifying Descriptions // *Synthese*. – 1970. – Vol. 21. – P. 335–358.
468. Ette O. The Life of a Nomad and a World Citizen: Alexander von Humboldt, Nomadic Knowledge, and the Global Landscapes of Theory // *New German Critique*. – 2016. – Vol. 43. – № 2. – P. 33–53.
469. Fara P. Catch a falling apple: Isaac Newton and myth of genius // *Endeavour*. – 1999. – Vol. 23. – № 4. – P. 167–170.
470. Fodor J. *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. – N.Y.: Oxford University Press, 1998. – 174 p.
471. Fodor J.A., Pylyshyn Z.W. *Minds without meanings: An essay on the content of concepts*. – London; Cambridge (Mass.): MIT press, 2015. – 193 p.
472. Geach P. *Mental acts*. – London: Routledge & Kegan Paul, 1957. – 136 p.
473. Goddard C., Wierzbicka A. *Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures*. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 316 p.
474. Goldman A. *Knowledge in a Social World*. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 407 p.
475. Golinski J. Is It Time to Forget Science? Reflections on Singular Science and Its History // *Osiris*. – 2012. – Vol. 27. – № 1. – P. 19–36.
476. Gopnik A. The scientist as child // *Philosophy of Science*. – 1996. – Vol. 63. – P. 485–514.
477. Gopnik A., Wellman H.M. Reconstructing Constructivism: Causal Models, Bayesian Learning Mechanisms, and the Theory Theory // *Psychological Bulletin*. – 2012. – Vol. 138. – № 6. – P. 1085–1108.
478. Griffin N. Wittgenstein, Universals and Family Resemblances // *Canadian Journal of Philosophy*. – 1974. – Vol. 3. – № 4. – P. 635–651.
479. Gross A.G. *The Rhetoric of Science*. – Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1996. – 284 p.

480. Gutiérrez J. Hermann von Helmholtz, Ewald Hering and color vision: A controversy over styles of reasoning? // *Manuscrito: revista internacional de filosofía*. – 2021. – Vol. 44. – № 1. – P. 37–97.

481. Hall A. The facets of Newton's genius // *Interdisciplinary Science Reviews*. – 1995. – Vol. 20. – № 1. – P. 29–32.

482. Hallyn F. (ed.) *Metaphor and Analogy in the Sciences. Origins (Studies in the sources of scientific creativity)*. – Vol. 1. – Dordrecht: Springer, 2000. – 244 p. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-015-9442-4_5.

483. Harre R. The Social Ingredients in All Ways of Acquiring Reliable Knowledge // *Эпистемология и философия науки*. – 2016. – Т. XLVII. – № 1. – P. 67–77.

484. Henderson G.P. The Concept of Ugliness // *British Journal of Aesthetics*. – 1964. – Vol. 4. – № 3. – P. 218–229.

485. Heuer W. Cosmos and Republic: A Hidden Dialogue between Hannah Arendt and Alexander von Humboldt // *Социологическое обозрение*. – 2019. – Т. 18. – № 4. – P. 284–298.

486. Hofstadter D. *Fluid concepts and creative analogies: Computer models of the fundamental mechanisms of thought*. – N.Y.: Basic Books, 1995. – 518 p.

487. Humboldt A. *Cosmos: A Sketch of a Physical Description of the Universe*. – Vol. 1. – N.Y.: Harper & Brothers, 1858. – 375 p.

488. Jackson S.T. *Introduction: Humboldt, Ecology, and the Cosmos // Essay on the Geography of Plants. Alexander von Humboldt and Aimé Bonpland: edited with an introduction by Stephen T. Jackson*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – P. 1–46.

489. Jemmer M. *Concepts of Force: A Study in the Foundations of Dynamics*. – Cambridge: Harvard University Press, 1957. – 269 p.

490. Jemmer M. *Concepts of Space: A History of Theories of Space in Physics*. – Cambridge: Harvard University Press, 1954. – 196 p.

491. Kesselring J. Helmholtz and goethe-controversies at the birth of modern neuroscience // *European neurology*. – 2013. – Vol. 69. – № 3. – P. 152–157.
492. Lakatos I. Introduction: Science and pseudoscience // Lakatos I. *The methodology of scientific research programmes. Philosophical Papers*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – Vol. I. – P. 1–7.
493. Lakoff G., Núñez R.E. *Where mathematics comes from: how the embodied mind brings mathematics into being*. – N.Y.: Basic Books, 2000. – 489 p.
494. Lang H. Colorvision theories in nineteenth century germany between idealism and empiricism // *Color Research & Application*. – 1987. – Vol. 12. – № 5. – P. 270–281. – DOI: 10.1002/col.5080120509.
495. Latour B. *Scientific Objects and Legal Objectivity // Law, Anthropology and the Constitution of the Social: Making Persons and Things*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 73–113.
496. Latour B., Woolgar S. *Laboratory life: The social construction of scientific facts*. – London: Sage, 1979. – 272 p.
497. Lee A. Wittgenstein's Remarks on Colour // *Philosophical Investigations*. – 1999. – Vol. 22. – № 3. – P. 215–239.
498. Machery E., Mallon R., Nichols S., Stich S. Semantics, Cross-Cultural Style // *Cognition*. – 2004. – № 92. – P. B1–B12.
499. Madan A.S. *Geographical Discourse and Alexander von Humboldt // Lines of Geography in Latin American Narrative*. – Cham: Palgrave Macmillan, 2017. – P. 29–76. – DOI: 10.1007/978-3-319-55140-1_2.
500. Mahootian F. *Metaphor in Chemistry: An Examination of Chemical Metaphor // Scerri E., McIntyre L. (eds) Philosophy of Chemistry. Boston Studies in the Philosophy and History of Science*. – Vol 306. – Dordrecht: Springer, 2015. – P. 121–139.

501. Margo C.E., Harman L.E. Helmholtz's critique of Goethe's Theory of Color: more than meets the eye // Survey of ophthalmology. – 2019. – Vol. 64. – № 2. – P. 241–247.
502. McGinn M. Wittgenstein's Remarks on Colour // Philosophy. – 1991. – Vol. 66. – № 258. – P. 435–453.
503. Meier M.A., Hill R.A., Elliot A.J., Barton R.A. Color in achievement contexts in humans // Handbook of color psychology. – Cambridge: Cambridge University Press, 2015. – P. 568–584.
504. Merton R.K. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review. – 1948. – Vol. 8. – № 2. – P. 193–210.
505. Mervis C., Rosch E. Categorization of Natural Objects // Annual Review of Psychology. – 1981. – Vol. 32. – P. 89–115.
506. Mesyats S. Is it possible to see darkness? Goethe and Aristotle on the role of light and darkness in vision // ΣΧΟΛΗ. – 2019. – Vol. 13. 2. – P. 537–553.
507. Morgan D.L. Living within blurry boundaries: The value of distinguishing between qualitative and quantitative research // Journal of mixed methods research. – 2016. – Vol. 10. – № 1. – P. 268–279.
508. Oberheim E. On the Historical Origins of the Contemporary Notion of Incommensurability: Paul Feyerabend's Assault on Conceptual Conservatism // Studies in History and Philosophy of Science. – 2005. – Vol. 36. – № 2. – P. 363–390. – DOI: 10.1016/j.shpsa.2005.04.003.
509. Pantsar M. Early numerical cognition and mathematical processes // Theoria: An international journal for theory, history and foundations of science. – 2018. – Vol. 33. – № 2. – P. 285–304.
510. Pickering A. Constructing Quarks: a Sociological History of Particle Physics. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 475 p.
511. Pickering A. On becoming: imagination, metaphysics, and the mangle // Chasing technoscience: matrix for materiality. – Bloomington, Indiana University Press, 2003. – P. 96–116.

512. Roberson D., Davidoff J.B., Davies I.R.L., Shapiro L.R. Color categories: Evidence for the cultural relativity hypothesis // *Cognitive Psychology*. – 2005. – Vol. 50. – № 4. – P. 378–411.

513. Robus O.M. Does science license metaphysics? // *Philosophy of science*. – 2015. – Vol. 82. – № 5. – P. 845–855.

514. Rorty R. Solidarity or objectivity? // Rorty R. *Objectivity, Relativism and Truth: Philosophical Papers. Vol. I.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1991. – P. 21–34.

515. Rosch E. Neither Concepts Nor Lotfi Zadeh are Fuzzy Sets // *Studies in Fuzziness and Soft Computing*. – 2013. – Vol. 299. – P. 591–596.

516. Rosch E., Mervis C.B. Family Resemblances: Studies in the Internal Structure of Categories // *Cognitive Psychology*. – 1975. – Vol. 7. – P. 573–605.

517. Sankey H. Kuhn's ontological relativism // *Boston studies in the philosophy of science*. – 1997. – Vol. 192: *Issues and Images in the Philosophy of Science*. – P. 305–320.

518. Sauchelli A. The Definition of Religion, Super-empirical Realities and Mathematics // *Neue Zeitschrift für systematische Theologie und Religionsphilosophie*. – 2016. – Bd. 58. – H. 1. – P. 67–75.

519. Schickore J., Steinle F. (eds) *Revisiting Discovery and Justification. Archimedes*. – Vol 14. – Dordrecht: Springer, 2006. – 233 p.

520. Shapin S., Schaffer S. *Leviathan and the Air-Pump. Hobbes, Boyle and the Experimental Life*. – Princeton: Princeton University Press, 1985. – 442 p.

521. Spenser Brown G. *Laws of Form*. – N.Y.: The Julian Press, Inc., 1972. – 141 p.

522. Toulmin S. Rationality & Reasonableness: from Propositions to Utterances // *Revue Internationale de Philosophie*. – 1996. – Vol. 50. – № 196. – P. 297–305.

523. Vendler Z. Goethe, Wittgenstein, and the Essence of Color // *The Monist*. – 1995. – Vol. 78. – № 4. – P. 391–410.

524. Walls L.D. *The Passage to Cosmos: Alexander von Humboldt and the Shaping of America*. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 2009. – 404 p.

525. Weininger S.J. *Contemplating the Finger: Visuality and the Semiotics of Chemistry* // *HYLE: An International Journal for the Philosophy of Chemistry*. – 1998. – Vol. 4. – P. 3–27.

526. Weiskopf D.A. *Anthropic Concepts* // *NOÛS*. – 2018. – Vol. 54. – № 2. – P. 451–468.

527. Weiskopf D.A. *Words, Images and Concepts* // *Analysis Reviews*. – 2015. – Vol. 75. – № 1. – P. 99–109.

528. Wilde T. *The 4th Dimension – Wittgenstein on Colour and Imagination* // *Persons. An Interdisciplinary Approach. Papers of the 25th International Wittgenstein Symposium*. Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2002. – P. 284–286.

529. Wittgenstein L. *Remarks on Colour*. – Oxford: Basil Blackwell, 1977. – 63 p.

530. Zadeh L.A. *Fuzzy logic – a personal perspective* // *Fuzzy Sets and Systems*. – 2015. – Vol. 281. – P. 4–20.

Список рисунков

1. Последовательность активизации типов мышления у ребенка . .	6
2. Типы мышления и типы языка	7
3. Типы языка и их базовые элементы	8
4. Схема формирования понятия	9
5. Уровни языка науки	12
6. Сходства и различия трех направлений мысли в споре об универсалиях	99
7. Три типа релейных понятий	194

Список таблиц

1. Виды понятий	76
2. Сходства и различия трех направлений мысли в споре об универсалиях	98
3. Трактовки терминов «концепт» и «эквивокальность» (в их понимании в связи с анализом средневековой философии)	112
4. Три типа трактовок феномена концепта с точки зрения методологического дуализма «объективизм – субъективизм»	148
5. Трактовки концепта, актуальные для эпистемологии	159
6. Спектр интересов И.В. Гёте в дидактической части «Учения о цвете»	189
7. Праздники 23 февраля и 8 марта как примеры концептов (в понимании Ю.С. Степанова)	204